

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 4 • Том 64 • 2023 • ИЮЛЬ–АВГУСТ

Издательство Московского университета
Lomonosov History Journal

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Консерваторы Царства Польского в 1914–1916 гг.	3
Снедкова Е.В., Бугаева Н.В. Аристократ в «восстановленной республике»: политическая деятельность Марка Валерия Мессалы Корвина	15
Котов А.Э., Гусман Л.Ю. Экономическая публицистика «Нового времени» 1880-х гг.	39
Горелик Б.М. Отражение протестных настроений начала XX в. в русской народной песне о южноафриканской войне.	63
Медяков А.С. О социокультурных аспектах использования открыток в немецко-чешском конфликте рубежа XIX–XX вв.	82
Ходяков М.В. Станция Маньчжурия в начале XX в.: проблемы организации управления на железной дороге	97
Руднева С.Е. «Земский собор всея земли Русской» в 1917 г. Размышления по поводу новейшего исследования истории Государственного совещания 1917 г. А.Б. Николаева	107
Дементьева В.В. И.Л. Маяк как рецензент научной литературы по истории античного Рима.	121
Житенев В.С., Анисовец Ю.Д. Красочные пигменты как массовый материал: обсуждение методического подхода к исследованиям.	142
Окрошидзе Л.Г. Новые факты о жизни и деятельности первого русского реставратора А.Ф. Митрохина (1765–1845).	174

CONTENTS

Matveev G.F., Matveeva E.Yu. Conservatives of the Kingdom of Poland in 1914–1916.	3
Snedkova E.V., Bugaeva N.V. An Aristocrat in the “Restored Republic”: Political Career of Mark Valery Messalla Corvinus.	15
Kotov A.E., Gusman L.Yu. Economic Journalism of the <i>Novoe Vremya</i> of the 1880s	39
Gorelik B.M. Russian Folk Song about the South African War as an Expression of Public Discontent of the Early 20th Century	63
Medyakov A.S. On Socio-Cultural Aspects of the Use of Postcards in the German-Czech Conflict at the Turn of the 19th Century	82
Khodjakov M.V. Manchuria Railway Station in the Early 20th Century: Problems of Organization of Management on the Railway	97
Rudneva S.E. “Zemsky Sobor of All the Russian Land” in 1917. Reflections on the Latest Study of the History of the 1917 State Conference by A.B. Nikolaev.	107
Dementyeva V.V. I.L. Mayak as a Reviewer of Scientific Literature on the History of Ancient Rome	121
Zhitenev V.S., Anisovets Yu.D. Pigments as a Mass Material: Discussion of the Methodological Approach in Research.	142
Okroshidze L.G. New Facts about the Life and Work of the First Russian Restorer A.F. Mitrokhin (1765–1845)	174

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-3-14

Г.Ф. Матвеев, Е.Ю. Матвеева

**КОНСЕРВАТОРЫ ЦАРСТВА ПОЛЬСКОГО
В 1914–1916 гг.**

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

**CONSERVATIVES OF THE KINGDOM
OF POLAND IN 1914–1916**

Аннотация. Начиная с рождения независимой Польши в 1918 г. историки и публицисты ведут спор о том, кому принадлежит главная заслуга в этом самом значимом событии в новейшей истории польского народа. В период между мировыми войнами спор за первенство вели Ю. Пилсудский и Р. Дмовский, в социалистической Польше их на некоторое время потеснила Октябрьская революция в России, но уже в 1980-е гг. дискуссия возобновилась с новой силой. Компромиссное решение, предложенное профессором С. Кеневичем, не получило широкой поддержки. Начиная с 1990-х гг. наблюдается устойчивый возврат к довоенным подходам к проблеме. А тем самым вне поля зрения пишущих на эту тему авторов вновь остаются другие политические силы, помимо пилсудчиков и национальных демократов во главе с Р. Дмовским. В их числе и консерваторы Царства Польского, усилиями которых с сентября 1917 г. по 14 ноября 1918 г. шло строительство разрешенных Центральными державами государственных институтов Польского королевства, образованного актом императоров Вильгельма II Гогенцоллерна и Франца Иосифа Габсбурга от 5 ноября 1916 г. Вклад консерваторов явно недооценивается, более того, только они обви-

Матвеев Геннадий Филиппович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matveev Gennady Filippovich, Doctor in History, Professor, Head, Department of the History of the Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

gfmtveev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2320-3068

Матвеева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Matveeva Elena Yurievna, PhD Candidate in History, Leading Research Fellow, INION RAS

len.mat2009@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-6716-3697

няются в проведении соглашательской («угодовской») политики в отношении сначала российских, а затем германских и австро-венгерских властей, хотя и все другие политические партии в польских землях, за исключением Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, в начале XX в. также занимали соглашательские позиции. Более того, именно эти партии, объединяемые общим названием «активисты», откликнулись на манифест 5 ноября и послали своих представителей в состав Временного государственного совета Польского королевства. Консерваторы же в ноябре 1916 г. заняли выжидательную позицию и до сентября 1917 г. отказывались от политического сотрудничества с германскими и австро-венгерскими оккупационными властями.

Ключевые слова. Первая мировая война, Центральные державы, польский вопрос, Царство Польское, Р. Дмовский, З. Любомирский.

Abstract. Since the birth of independent Poland in 1918, historians and publicists have been arguing about who deserves the main credit for this most significant event in the modern history of the Polish nation. In the period between the world wars, the dispute for supremacy was fought between J. Piłsudski and R. Dmowski, in socialist Poland they were supplanted by the Russian October Revolution, but already in the 1980s the debate resumed with renewed vigor. The compromise solution proposed by Prof. S. Kieniewicz was not widely supported. Since the 1990s, there has been a steady return to pre-war approaches to the problem. Thus, political forces other than the piłsudniks and national democrats, led by R. Dmowski, once again remain outside the field of vision of the authors writing on this topic. Among them are conservatives of the Kingdom of Poland, through whose efforts, from September 1917 to 14 November 1918, the construction of the state institutions of the Kingdom of Poland was underway with the consent of the Central Powers. The Kingdom was formed by the act of Emperors Wilhelm II Hohenzollern and Franz Joseph Habsburg of 5 November 1916. The contribution of the conservatives is clearly underestimated; moreover, they alone are accused of pursuing a conciliatory (*Ugodian*) policy towards the Russian, first, and then the German and Austro-Hungarian authorities, although all other political parties in the Polish lands, with the exception of the social democrats of the Kingdom of Poland and Lithuania, also took conciliatory positions at the beginning of the 20th century. Moreover, it was these parties, which were united under the general name of “activists”, who responded to the manifesto of 5 November and sent their representatives to the Provisional State Council of the Polish Kingdom. The conservatives, on the other hand, took a wait-and-see attitude in November 1916 and refused political cooperation with the German and Austro-Hungarian occupation authorities until September 1917.

Keywords: First World War, Central Powers, polish question, Kingdom of Poland, R. Dmowski, Z. Lubomorsky.

* * *

Самым значимым событием в истории польского народа в XX в. стало обретение им государственности. Относительно его места в

польской истории разногласий между исследователями нет, но не всё так однозначно, когда речь заходит о силах и политиках, благодаря которым это произошло. В свое время профессор С. Кеневич предложил компромиссное решение спора: признать, что все польские политические силы и их лидеры работали на общую цель — обретение независимости своей родины¹. Это было весьма продуктивное предложение как с научной, так и с политической точки зрения, позволявшее завершить споры о том, кто из деятелей лично, какая социальная группа или политическая сила больше сделала для возрождения независимой и суверенной Польши, и заняться непредвзятым анализом проблемы. Этой возможностью согласились воспользоваться в полной мере только представители официальной в ПНР марксистской историографии, еще недавно приписывавшей главную заслугу в решении польского вопроса Великой Октябрьской социалистической революции в России². Отголоски позиции С. Кеневича слышны и в современной польской историографии³.

Примирительная концепция С. Кеневича не получила всеобщего признания у польских историков. До сих пор продолжают попытки ранжировать вклад по значимости, причем чаще всего во внимание принимаются только пилсудчики и национальные демократы (эндеки) и их вожди — Ю. Пилсудский и Р. Дмовский, иногда лидер национальных демократов не упоминается⁴. Что касается других сил, то их ставят на второй план или просто игнорируют. Следы этих политических сражений в польской историографии видны и в современной российской историографии⁵.

Завершение 123-летнего шествия поляков к независимости пришлось на время Первой мировой войны. Не будь ее, еще неизвестно, как долго политики из Царства Польского выводили бы поляков из «египетского плена». Именно Царства Польского, ибо, не

¹ *Kieniewicz S. Utrata państwowości i drogi jej odzyskania // Polityka. 1978. N 45. S. 14.*

² *Яблоньский Г. Великий Октябрь и независимость Польши. М., 1967.*

³ *Wysocki W.J. Idea niepodległości w kształtowaniu świadomości narodowej w polskiej literaturze historycznej (między tekstami kultowymi a wiedzą historyczną) // Niepodległość i Pamięć. 2001. T. 8. N 1(17). S. 12.*

⁴ Например, П. Лоссовский в работе о возрождении Польши рассказал о действиях Пилсудского до 11 ноября более чем на 20 страницах, хотя тот приехал в Варшаву из Берлина за день до этого. Из трех членов регентского совета лишь З. Любомирский был назван один раз. Не упомянут и Р. Дмовский (*Łossowski P. Jak Feniks z popiołów. Oswobodzenie ziem polskich spod okupacji w listopadzie 1918. Łowicz, 1998*).

⁵ См., например: Провозглашение независимости польского государства. — URL: https://studbooks.net/2199422/ekonomika/provozglashenie_nezavisimosti_polskogo_gosudarstva (дата обращения 14.01.23); *Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 гг. М., 2002.*

отрицающая патриотизма великопольских и галицийских лидеров и их усилий по сохранению польского характера своих регионов, следует признать, что в начале XX в. в массе своей они за независимость не боролись⁶.

Иное дело — главные политические силы Царства Польского: национальные демократы и так называемые независимцы⁷. Это их лидеры, Р. Дмовский и Ю. Пилсудский, в связи с оформлением Антанты и Тройственного соглашения решили, что в случае войны России с Германией и Австро-Венгрией может появиться шанс на существенное продвижение в решении польского вопроса, который в XIX — начале XX в. понимался как обретение польским народом независимости и государственности.

Относительно их концепций возрождения Польши ограничимся только общим замечанием: имея общую цель — воссоздание свободной Польши, — они различались в понимании путей ее достижения, т.е. в тактике, а не стратегии. Оба проекта были по своей сути соглашательскими. Только эндеки не стеснялись это продемонстрировать открыто: достаточно вспомнить работу Р. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос» 1907 г. А Пилсудский до начала Первой мировой войны предпочитал об этом не говорить, хотя тайно сотрудничал с австро-венгерской военной разведкой, а с 6 августа 1914 г. сотрудничество с Австро-Венгрией и Германией стало явным и продолжалось до июня 1917 г. И другие польские политические партии были соглашательскими («угодовыми»), потому что все они руководствовались политическим прагматизмом, продиктованным опытом борьбы за независимость в XIX в. Но при этом не переставали быть польскими патриотами. Одни лишь социал-демократы не грешили склонностью к «угоде», но они были неболь-

⁶ Этого не отрицают и современные польские исследователи, склонные к определенной героизации собственной истории. Например, А. Хвальба, оценивая позицию большинства политически активных поляков Австро-Венгрии, констатирует, что «для них государство Габсбургов было также польским государством и родиной» (*Chwalba A. Wielka wojna Polaków. 1914–1918. Warszawa, 2018*).

⁷ В канун войны этим термином объединялись различные политические группы из Царства Польского, планировавшие освободиться от российского господства с помощью Австро-Венгрии и Германии. В польской историографии вопреки общепризнанному значению термина их нередко называют ирредентистами (см., например: *Chwalba A. Op. cit. S. 268*). Принято считать, что ирредентизм — это «требование аннексии территорий, находящихся под суверенитетом данного государства, на основании того, что эта территория населена меньшинством, разделяющим национальную, религиозную или этническую близость с другим государством». Ирредентизм. — URL: <http://reut-institute.org/en/Publication.aspx?PublicationId=3259> (дата обращения 02.05.2019). Принимая польскую интерпретацию термина, следовало бы признать, что в тот момент польским государством была австрийская Галиция. Правильнее было бы называть их инсургентами или сепаратистами.

шой партией и не имели особого влияния на непролетарские слои общества⁸.

Традиционно лоялистами, соглашателями, «угодовцами» называют консерваторов. Во всех польских землях консерваторами были представители высшего сословия. В начале XX в. его составляли крупная земельная аристократия, крупные и средние помещики, высшие церковные иерархи, крупные промышленники, финансисты, верхушка интеллигенции⁹. Тон в этой группе задавали аристократы. К началу войны консерваторы открыто демонстрировали свою лояльность Габсбургам, Гогенцоллернам и Романовым, оставаясь при этом в основной своей массе польскими патриотами. Вполне уместно обобщение, что для них главным было «деланье дела», а не поиск ответа на вопрос, с кем его делать.

Пользуясь принадлежностью к правящим классам России, консерваторы Царства Польского вели в польском вопросе так называемую реальную политику, защищали свои интересы, но и содействовали, по возможности, улучшению положения соплеменников. Это особо наглядно проявилось в начале мировой войны, когда представители этой группы без промедления занялись налаживанием взаимодействия с русской администрацией и военными в оказании помощи местному населению. 1 августа 1914 г. председатель Земского кредитного общества князь В. Четвертинский выступил с инициативой заняться вопросами продовольственного снабжения Варшавы. Через два дня с этой целью был учрежден Гражданский комитет города Варшавы, которым фактически руководил сын участника польского восстания 1863–1864 гг., уроженец Нижнего Новгорода князь З. Любомирский. В связи со стремительным ростом числа ана-

⁸ Вот как об этом пишет А. Чубинский: «Они боролись с концепциями союза с кем-то из захватчиков, выступали против участия в войне и действовали в направлении революционного преобразования всей Европы. Польские революционеры участвовали в революционных событиях в России, в Германии и в Венгрии. Они внесли свой вклад в распад государств-захватчиков и в какой-то степени содействовали также созданию объективных предпосылок, способствовавших воссозданию польского государства. Но сами с этим лозунгом не выступали, поскольку были сторонниками образования Европейской Республики Советов» (*Czubiński A. Historiografia polska na temat odbudowy niepodległego państwa polskiego // Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1918–1998. T. I. Odbudowanie niepodległego państwa i jego rozwój do 1945 r. Cz. 1. Zbiór studiów. Poznań, 1999. — URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/158964?id=158964> (дата обращения 02.05.2023).*

⁹ Ш. Рудницкий, правда, делает акцент на том, что консерватизм в Польше изначально был помещичьим движением (*Rudnicki S. Działalność polityczna polskich konserwatystów 1918–1926. Wrocław, etc., 1981*). Но это вовсе не противоречит нашей расширительной трактовке высшего сословия, если принять во внимание, что именно аристократия и помещики были тем самым «высшим светом», попасть в который стремились многие, кто добился жизненного успеха.

логичных комитетов в провинции, уже 10 августа 1914 г. был создан Центральный гражданский комитет (ЦГК), в состав которого вошли деятели ряда представительных организаций землевладельцев, промышленников и финансистов. Комитеты в тесном контакте с русскими властями и при их финансовой поддержке занимались оказанием продовольственной и санитарно-гигиенической помощи населению, учетом ущерба от военных действий и т.д. Их активисты серьезно отнеслись к обещанию русского главнокомандующего великого князя Николая Николаевича создать после победы автономную объединенную Польшу в составе России. Они трактовали участие в работе комитетов как своего рода школу будущих руководящих кадров польской автономии. Через комитеты прошли такие видные деятели II Речи Посполитой, как президент Польши С. Войцеховский, премьер-министры В. Грабский и А. Пониковский, министр Ю. Миклович-Поморский, многие высшие государственные служащие и парламентарии¹⁰.

21 июля 1915 г. в связи с отступлением русской армии из Царства Польского многие члены комитетов, включая председателя ЦГК С. Четвертинского, его заместителя В. Грабского, С. Войцеховского, покинули Варшаву, передав руководство комитетским движением З. Любомирскому, изъявившему твердое намерение остаться дома. Буквально в последнюю неделю перед уходом из Варшавы русские власти разрешили городскому Гражданскому комитету организовать польские гражданскую стражу и гражданские суды, а 4 августа 1915 г. передали З. Любомирскому управление городом. Несомненно, эти шаги царской администрации объясняются доверием и к гражданским комитетам, и к З. Любомирскому лично, немаловажным было также желание русской администрации обеспечить порядок в городе в момент безвластия.

Видимо, этими же соображениями руководствовались занявшие Варшаву немцы, сохранив городской Гражданский комитет и назначив З. Любомирского президентом Варшавы. Для германских офицеров и чиновников, в немалой части выходцев из прусских юнкеров, вступление в контакт с польскими аристократами было делом естественным и несложным, поскольку помимо сословно-классовой близости существовали и кровнородственные связи. Например, родственники З. Любомирского из Великой Польши были породнены с Гогенцоллернами, а галицийская ветвь рода имела обширные связи при дворе Франца Иосифа. Поэтому не было ничего неожиданного в том, что уже в день занятия Варшавы немецкий подполковник

¹⁰ *Pajewski J.* Odbudowa państwa polskiego 1914–1918. Poznań, 2005. S. 59.

польского происхождения граф Б. Гутен-Чапский, которому было поручено обеспечивать связь германской администрации с польской верхушкой, встретился с З. Любомирским и вместе с ним нанес визит архиепископу Варшавскому А. Каковскому¹¹.

Но как только немцы сориентировались, что ЦГК пытается исполнять некоторые функции государственной власти, 12 сентября 1915 г. они его распустили. Оккупанты еще не были готовы давать далеко идущие авансы полякам Царства Польского. Для оказания помощи населению в течение 1916 г. были созданы общественные благотворительные организации во главе с Главным опекуном советом, получавшие поддержку из-за рубежа и от правительств Германии и Австро-Венгрии¹². Затем были ликвидированы Гражданские комитеты на местах. Лишь варшавский Гражданский комитет продолжил свою деятельность, а после проведения в июле 1916 г. выборов в органы городского самоуправления он трансформировался в магистрат.

Территория Царства Польского была разделена на две области оккупации: большую, германскую, с центром в Варшаве, и австро-венгерскую, с центром в Люблине. Каждая из областей возглавлялась генерал-губернатором, но их статус различался. Варшавский генерал-губернатор подчинялся премьер-министру Германии, люблинский — главному командованию этапов австро-венгерской армии. Это обстоятельство, наряду с другими, придавало немецкому генерал-губернатору в большей степени политический статус, по сравнению с его австро-венгерским партнером. Для пересечения установленной между оккупационными областями границы лицам старше 15 лет необходимы были паспорт, пропуск и оплаченная виза. Сохранялись и довоенные границы с Австро-Венгрией и Германией¹³.

Режим, установленный немцами и австрийцами в Царстве Польском, был вполне либеральным, особенно в политической области. Могли легально действовать даже партии, лишённые такой возможности до августа 1915 г., в том числе социалисты и социал-демократы. В этих условиях приобрел актуальность вопрос о том, какой позиции следует придерживаться: антинемецкой (за это выступали главным образом те, кто разделял взгляды Р. Дмовского на Германию как извечного и крайне опасного врага Польши и по-

¹¹ *Girzyński Z.* Arcybiskup warszawski Aleksander Kakowski wobec Aktu 5 listopada 1916 roku i jego następstw // *Akt 5 listopada 1916 roku i jego konsekwencje dla Polski i Europy.* Toruń, 2016. S. 42.

¹² *Chwalba A.* *Op. cit.* S. 239–249.

¹³ *Ibid.* S. 251–256.

ляков) или же начать сотрудничество с оккупационными властями. Первый лагерь известен как пассивисты. У вторых было два возможных сценария поведения. Первый — активное политическое взаимодействие с оккупантами в расчете на то, что они согласятся решить польский вопрос в Царстве Польском, а, возможно, и на бывших восточных землях I Речи Посполитой, которые в ходе ее разделов были включены непосредственно в состав России как ее Западный край. По этому пути пошли как откровенно прогерманские политики, группировавшиеся вокруг известного германофила В. Гизберт-Студницкого, так и довоенные независимцы. Этот лагерь известен как активисты. Руководство Польской военной организации (ПОВ) сразу после прихода немцев в Варшаву даже намеревалось легализовать организацию, и только прямой запрет Ю. Пилсудского помешал это сделать в 1915 г.

По-иному повели себя группировавшиеся вокруг президента Варшавы З. Любомирского консерваторы, не спешившие примыкать ни к активистам, ни к пассивистам. Архиепископ А. Каковский так описывал позицию лидера этой политической группы князя З. Любомирского накануне оглашения акта 5 ноября 1916 г. об образовании Польского королевства: «4 ноября ко мне прибыл князь Здзислав Любомирский, президент города, чтобы обсудить участие в провозглашении акта независимости Польши... По мне, говорил князь-президент, этот акт недостаточен. Нужно пойти в Замок и выслушать заявления, но не следует выражать радость, потому что для этого нет серьезных поводов. Вежливо поклонимся за услышанную приятную новость и всё...»¹⁴. Каковский не разрешил проводить по случаю обнародования акта 5 ноября благодарственный молебен в кафедральном соборе Варшавы. При этом, пользуясь постепенно расширяющимися властными полномочиями и своим аристократическим статусом, консерваторы легко входили как в светские, так и деловые контакты с немецкой и особенно австрийской оккупационными администрациями. Но сотрудничали с немцами и австрийцами только в вопросах удовлетворения повседневных нужд населения Царства Польского. Они не подталкивали оккупантов к решительным шагам в польском вопросе и каких-либо политических обязательств в отношении оккупационной администрации на себя не брали¹⁵.

¹⁴ Aleksander Kakowski — posłaniec wolności: zeszyt dokumentacyjny. Warszawa, 2017. S. 61.

¹⁵ Kasprowicz K. Zdzisław Lubomirski — od prezydenta Warszawy do regenta w czasie Wielkiej Wojny // Koło Historii. Czasopismo afiliowane z Instytutem Historii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie. Lublin, 2016. N 19. S. 87–93.

Заняв такую позицию, консерваторы, в отличие от активистов, формально не нарушали присяги на верность Николаю II¹⁶, и поэтому им не грозило обвинение в государственной измене в случае возвращения русских властей. Какую-то роль в их поведении играло и то, что большая часть имений того же Любомирского находилась в Западном крае. А исполнение им функций президента Варшавы предательством не было, тем более что на эту должность он был назначен одним из последних распоряжений русской администрации накануне оставления ею Варшавы. Таким образом, консерваторы Царства Польского, продолжая привычную для себя «угодную» линию поведения в отношении существующей власти, ограничили взаимодействие с ней исключительно вопросами материальных условий жизни своих сограждан и поддержания общественного порядка. Инициативу налаживания политического сотрудничества с оккупантами они оставили своим политическим оппонентам из лагеря активистов, которые на самом деле были теми же угодниками, но только по отношению к Вене и Берлину, а не Петрограду.

Что касается большинства поляков, то они предпочитали не примыкать ни к активистам, ни к пассивистам, объясняя свое безразличие, по словам А. Хвальбы, тем, что чувствовали себя как заключенные при смене надзирателей¹⁷.

Пик сотрудничества активистов с оккупантами пришелся на время после достижения в августе 1916 г. принципиального согласия между Берлином и Веной в вопросе о создании из Царства Польского

¹⁶ *Stempin* A. Próba “moralnego podboju” Polski przez Cesarstwo Niemieckie w latach I wojny światowej. Warszawa, 2013. S. 104. В конце декабря 1916 г. З. Любомирский обратился через нейтральную Швецию к Николаю II с письмом следующего содержания: «Помня о взятом на себя обязательстве, я до настоящего времени с опасностью для жизни твердо стоял на занятой позиции. Но времена изменились, я поляк, меня зовет Отчизна — отказываясь от предлагаемой мне власти, я могу самому дорогому для меня делу навредить — если же я возьму на себя ответственность, то могу уберечь от далеко идущих ошибок. Сам реши, Ваше величество, как мне поступить? Я разделяю догмат независимой Польши, я противник армии и объявления войны России — этого я бы хотел избежать». 25 января 1917 г. Любомирский получил от Николая II через В. Велёпольского следующий ответ: «Скажите ему, что я его благодарю, что я ему доверяю и прошу его делать все, что он сочтет полезным для блага края» (*Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej (1914–1918)*. Poznań, 1997. S. 463).

¹⁷ Этой образной характеристикой Хвальба пытается преодолеть двойственность своей оценки настроений в Царстве Польском после его оккупации Центральными державами. Отметив ослабление солидарности с российскими захватчиками и прежней сильной веры поляков в непобедимость России, он тут же отрицает какие-либо радикальные перемены в настроениях польского населения, после чего признаёт, что многие уже «перестали рассчитывать на Россию, что не значит, что они стали рассчитывать на Берлин и Вену» (*Chwalba* A. Op. cit. S. 265).

союзного им Польского королевства¹⁸. Об обстоятельствах принятия ими этого решения существует немало работ, одна из последних вышла в свет к 100-летию этого события¹⁹. Причин такого шага много. Вот как их определил германский канцлер Т. Бетман-Гольвег на секретном заседании бюджетной комиссии рейхстага 9 ноября 1916 г.: «Провозглашение Польши обеспечит нам лояльность поляков, восполнит потери в полках, позволит ввести новые налоги, наконец, даст право управлять этой страной. Потому что только мы будем управлять созданной Польшей, о другой форме нечего и думать. Лежащие к востоку территории — это естественные территории для будущей колонизации... Зависимое от нас, малюсенькое польское государство... будет всегда таким слабым, что не может быть и речи о какой-либо более значимой роли. Скоро придет время, когда поляк поймет, что ему остается только одно: стать немецким гражданином по духу и языку»²⁰. Одной из главных сиюминутных причин были надежды Берлина и Вены на пополнение своих вооруженных сил поляками Польского королевства. Согласно переписи населения, на территории Царства Польского проживало более 1,4 млн мужчин, годных к военной службе. Некоторым военным уже виделись 50 новых дивизий, которые должны были принести победу Центральным державам²¹. Что же касается выбора момента оглашения акта о самостоятельности, то об этом, пожалуй, наиболее точно и с глубоким знанием дела написал в своих мемуарах Т. Бетман-Гольвег: «...польский вопрос оставался без движения так долго, как долго взаимоотношения трех империй не изменялись коренным образом...

¹⁸ Использование нами именно такого названия продиктовано желанием избежать смешивания его с Королевством Польским, созданным на Венском конгрессе 1815 г.

¹⁹ Akt 5 listopada 1916 roku i jego konsekwencje dla Polski i Europy. Toruń, 2016.

²⁰ Цит. по: *Chwalba A.* Op. cit. S. 278. Исходя из сказанного, вряд ли можно согласиться с А. Хвальбой, что «в 1916 г. появился еще один аргумент в пользу создания Польского королевства, а именно, возрастающая активность польского движения сторонников независимости. Оккупанты не хотели, чтобы ирредентисты поставили на альянгов» (*Chwalba A.* Op. cit. S. 279). Ситуация была прямо противоположной. Пилсудский разуверился в перспективах легиона и подал летом 1916 г. рапорт об отставке. ПОВ, по словам того же Хвальбы, «развивалась из месяца в месяц, хотя и неспешно» и насчитывала в июле 1916 г. 5057 человек (*Ibid.* S. 270). Вряд ли перспектива переориентации относительно небольшой группы независимцев на Антанту, да еще в условиях успехов Центральных держав на фронтах, настолько тревожила Берлин и Вену, что они решились пойти на прямое нарушение международного права.

²¹ *Kasprowicz K.* Op. cit. S. 94. Безелер рассчитывал привлечь в армию в мирное время 200 тыс. добровольцев, а в военное время даже 800 тыс. (*Chwalba A.* Op. cit. S. 278).

Теоретически лучше всего было бы оставить эту проблему без решения на протяжении войны. Однако после того как война не была прервана в одной из начальных фаз, не позже первых месяцев 1915 г., не могло быть и речи о *partie remise*»²².

Таким образом, польский вопрос оставался без движения до момента, пока существовала надежда на заключение сепаратного мира между Россией и Центральными державами. Чувствуя это, консерваторы не торопились отказываться от ориентации на Россию.

References

Aleksander Kakowski — *posłaniec wolności: zeszyt dokumentacyjny* [Aleksander Kakowski as a Freedom Envoy: A Documentary Notebook]. Warszawa: Muzeum Niepodległości, 2017. 316 p.

Chwalba A. *Wielka wojna Polaków* [The Great War of the Poles]. 1914–1918. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2018. 451 p.

Czubiński A. *Ewolucja systemu politycznego w Polsce w latach 1914–1998* [Evolution of the Political System in Poland, 1914–1998]. T. 1. *Odbudowanie niepodległego państwa i jego rozwój do 1945 r.* [Reconstruction of the Independent State and Its Development until 1945]. Cz. 1. *Zbiór studiów* [A Collection of Studies]. Poznań: Terra, 1999. 320 s. — URL: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/158964?id=158964>

Girzyński Z. *Arcybiskup warszawski Aleksander Kakowski wobec Aktu 5 listopada 1916 roku i jego następstw* [Aleksander Kakowski, Archbishop of Warsaw, in the Face of the Act of 5 November 1916 and Its Aftermath] // *Akt 5 listopada 1916 roku i jego konsekwencje dla Polski i Europy* [The Act of 5 November 1916 and Its Consequences for Poland and Europe]. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2016. S. 40–58.

Irredentizm [Irredentism]. — URL: <http://reut-institute.org/en/Publication.aspx?PublicationId=3259>

Ivanov Yu.V. *Ocherki istorii rossiysko (sovetsko)-pol'skikh otnosheniy v dokumentakh. 1914–1945 gg.* [Essays on the History of Russian (Soviet) – Polish Relations in Documents. 1914–1945]. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 2014. 381 p.

Jabłoński G. *Velikiy Oktyabr' i nezavisimost' Pol'shi* [The Great October and the Independence of Poland]. Moscow: Progress, 1967. 125 p.

Kasprowicz K. *Zdzisław Lubomirski — od prezydenta Warszawy do regenta w czasie Wielkiej Wojny* [Zdzisław Lubomirski: From President of Warsaw to Regent during the Great War] // *Koło Historii. Czasopismo afiliowane z Instytutem Historii Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie*. 2016. N 19. P. 85–113.

Kieniewicz S. *Utrata państwowości i drogi jej odzyskania* [Loss of Statehood and Ways to Regain It] // *Polityka*. 1978. N 45. P. 8.

Łossowski P. *Jak Feniks z popiołów. Oswobodzenie ziem polskich spod okupacji w listopadzie 1918* [Like a Phoenix from the Ashes. The Liberation of the Polish Lands from Occupation in November 1918]. Łowicz: Mazowiecka Wyższa Szkoła Humanistyczno-Pedagogiczna, 1998. 287 p.

²² Sokolnicki M. *Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny. 1914–1918*. Warszawa, 1925. S. 11–12.

Pajewski J. *Odbudowa państwa polskiego* [Reconstruction of the Polish State] 1914–1918. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2005. 353 s.

Pamiętnik księżnej Marii Zdzisławowej Lubomirskiej [Diary of Princess Maria Zdzisławowa Lubomirska] (1914–1918). Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1997. 747 p.

Provozglasheniye nezavisimosti pol'skogo gosudarstva [Proclamation of Independence of the Polish State]. — URL: https://studbooks.net/2199422/ekonomika/provozglashenie_nezavisimosti_pol'skogo_gosudarstva

Rudnicki Sz. *Działalność polityczna polskich konserwatystów* [Political Activity of Polish Conservatives]. 1918–1926. Wrocław, etc.: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1981. 284 p.

Sokolnicki M. *Polska w pamiętnikach Wielkiej wojny* [Poland in the Diaries of the Great War]. 1914–1918. Warszawa: Biblioteka Polska, 1925. 678 p.

Stempin A. *Próba “moralnego podboju” Polski przez Cesarstwo Niemieckie w latach I wojny światowej* [The Attempted “Moral Conquest” of Poland by the German Empire during the World War I]. Warszawa: Neriton, 2013. 652 p.

Wysocki W.J. *Idea niepodległości w kształtowaniu świadomości narodowej w polskiej literaturze historycznej (między tekstami kultowymi a wiedzą historyczną)* [The Idea of Independence in the Formation of National Consciousness in Polish Historical Literature (between Cult Texts and Historical Knowledge)] // *Niepodległość i Pamięć*. 2001. T. 8. N 1 (17). P. 5–15.

Поступила в редакцию
14 апреля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-15-38

Е.В. Снедкова, Н.В. Бугаева

**АРИСТОКРАТ В «ВОССТАНОВЛЕННОЙ РЕСПУБЛИКЕ»:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МАРКА ВАЛЕРИЯ МЕССАЛЫ КОРВИНА**

E. V. Snedkova, N. V. Bugaeva

**AN ARISTOCRAT IN THE “RESTORED REPUBLIC”:
POLITICAL CAREER OF MARC VALERIUS
MESSALLA CORVINUS**

Аннотация. На примере политической деятельности Марка Валерия Мессалы Корвина в статье рассматривается один из вариантов взаимоотношений между старой республиканской знатью и Августом во время его принципата. Мессала Корвин был выходцем из древнейшего римского аристократического рода Валериев, в эпоху гражданских войн выступал в качестве одного из лидеров республиканцев, а впоследствии стал видной фигурой политической и культурной жизни Рима. Авторами впервые осуществляется попытка осмыслить карьеру Мессалы Корвина в сложную, избыточную переменами эпоху. Исследование демонстрирует одну из моделей того, как выстраивались взаимоотношения Августа с республиканской аристократией. Предпринимается попытка, с одной стороны, понять тактику принцепса, определить соотношение нажима и поощрения к сотрудничеству, с другой стороны — очертить границы возможностей представителей республиканской знати и пределы их независимости. В статье дается оценка действий Мессалы в провинциях, его назначения городским префектом (*praefectus urbi*) и последовавшего отказа исполнять эту долж-

Снедкова Екатерина Владимировна, аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Snedkova Ekaterina Vladimirovna, Postgraduate Student, Department of Ancient History, Moscow Lomonosov State University

kiseleva.kate@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1794-5065

Бугаева Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Bugaeva Natalia Vladimirovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Ancient History, Moscow Lomonosov State University

cethegilla@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7416-2186

ность, исполнения Мессалой должности управляющего водоснабжением (*curator aquarum*), создания мемуаров, вклада в «строительную пропаганду» Августа. Отечественные и зарубежные исследователи часто характеризовали деятельность Мессалы Корвина как «мостик» между двумя эпохами в истории римского государства. Хотя в научной литературе за ним признается независимость, обычно он представляется благосклонным сторонником Августа и его «восстановленной республики». Однако, на взгляд авторов, при тщательном рассмотрении Мессала оказывается личностью более самостоятельной и неординарной, имевшей возможность не только на свое мнение, но и на собственный выбор, который иногда расходился с намеченной принципом линией. Знатное происхождение, незаурядные таланты, амбициозные стремления и при этом умеренность притязаний вместе с умелым политическим расчетом смогли обеспечить Мессале Корвину не только высочайшее положение в обществе и государстве, но и сохранение самостоятельности в условиях «восстановленной республики», когда ход событий губил одних и возвышал других.

Ключевые слова: Древний Рим, гражданские войны, принципат Августа, римский нобилитет, оппозиция Августу, политическая биография.

Abstract. Using the example of the political activity of Marcus Valerius Messalla Corvinus, the article examines one of the variants of the relationship between the old republican nobility and Augustus during his principate. Messalla Corvinus was a representative of the oldest Roman aristocratic family of *Valerii*, one of the leaders of republicans in the epoch of civil wars and, later, a prominent figure of political and cultural life of Rome. For the first time, the authors attempt to contextualize his career in a difficult era full of change. The study demonstrates one of the models of how the relationship between Augustus and the republican aristocracy was structured. It attempts, on the one hand, to understand the tactics of the princeps, to determine the ratio of pressure and encouragement to cooperation, and, on the other hand, to establish the limitations of the republican nobility and their independence. The article evaluates Messalla's actions in the provinces, his appointment as a prefect of the city (*praefectus urbi*) and subsequent refusal to fulfil this position, Messalla's performance of the office of a water commissioner (*curator aquarum*), his memoirs, and his contribution to Augustus' "building program". Domestic and foreign researchers have often characterized Messalla Corvinus' activities as a "bridge" between two epochs in the history of the Roman state. However, in the opinion of the authors, Messalla appears to be a more independent and extraordinary personality, who was capable of not only having his own opinion, but also making his own choices, which sometimes diverged from the policy of the princeps. Noble origin, outstanding talents, ambitious aspirations and at the same time moderate claims together with skillful political calculation could provide Messalla Corvinus not only with the highest social and political position, but also with the independence in the "restored republic", when the course of events ruined some and elevated others.

Keywords: Ancient Rome, civil wars, Augustus' principate, Roman nobility, opposition to Augustus, political biography.

Во время гражданских войн римское общество пережило ряд невиданных ранее потрясений, которые повлекли за собой серьезные преобразования во всех сферах жизни. Их итогом стало провозглашение «восстановленной республики» (*res publica restituta*) при Октавиане Августе, что ознаменовало собой определенный рубеж, который преодолело римское государство, входя в «августов век» и открывая для себя путь к Римской империи.

Новая реальность частично (и эта часть стараниями Августа и его сторонников была довольно весомой) имела старое наполнение, перенимая у минувшей эпохи мероприятия, институты, нравы. Но можно ли утверждать то же самое о людях, которые выступили в гражданских войнах за многовековые традиции своего отечества против его нынешнего «отца» и, потерпев поражение, стояли на руинах римского государства, сделавшись вскоре свидетелями его «восстановления»?

По мнению Р. Сайма, «римская революция» положила конец многим знатнейшим республиканским домам: исчезли «лучшие люди, храбрые и преданные», при этом свой закат встретили не просто отдельные аристократические группировки, но и целый слой общества, именуемый *nobiles*¹. Однако на фоне этого упадка ярко выделяются те представители былой республиканской аристократии, которые пережили проскрипции и избежали гибели в сражениях гражданских войн, одни — благодаря собственной удаче, другие — в силу своего «дипломатического» таланта, проявленного в умелом выборе. Это были те люди, которые не оставили историческую сцену вместе с республиканскими декорациями и вынуждены были искать себе новые роли в условиях только зарождающегося принципата Августа.

К тем, кто сумел таким образом продлить свой политический век в эпоху становления принципата, относится один из представителей древнейшего патрицианского рода Валериев — Марк Валерий Мессала Корвин. Вступая в гражданские войны на стороне республиканцев, он вышел из огня сражений на стороне победителей и оказался, тем самым, уже среди новой, августовской, элиты.

При этом Мессала Корвин был не просто свидетелем, но и активным участником тех изменений, которые происходили в Риме на рубеже эр. В ходе гражданских войн он неоднократно менял стороны, но всегда, так или иначе, сохранял за собой статус важного и ценного союзника. Обратимся к «ключевым моментам», которые

¹ *Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939. P. 490.*

дают представление о роли и значении Мессалы Корвина в событиях того времени.

С началом гражданских войн Мессала, «выдающийся молодой человек» (“Μεσσαλάς δὲ ἐπιφανὴς καὶ νέος”; App. В.С. IV. 38), бежит к Бруту² (Ibid. V. 113), который к тому времени уже находился в Македонии. В лагере республиканцев он не просто приобретает высокое положение (уже к середине 43 г. до н. э.)³, но и обладает, согласно Веллею Патеркулу, практически равным авторитетом с его лидерами (“proximus in illis castris Bruti Cassiique auctoritati”; Vell. II. 71). После поражения республиканцев во второй битве при Филиппах в октябре 42 г. до н.э. именно Мессале было предложено командование над республиканским войском (App. В.С. IV. 38; 136; Vell. II. 71). Однако он отказывается от него и переходит на сторону Антония (“μεταστρατεύσασθαι τοῖς ἀμφὶ τὸν Ἀντώνιον”; App. В.С. IV. 38)⁴. Будучи при Антонии, Мессала не участвует в сражениях, однако играет важную роль в дипломатической сфере, а именно, в решении иудейского вопроса (незаконный захват власти Иродом и Фазазелем, описанный у Иосифа Флавия (Ios. Ant. Iud. XIV. 13; Bell. Iud. I. 12; 14).

Впрочем, и в стане союзников Антония он не задерживается. В конечном итоге Мессала Корвин переходит на сторону Октавиана — наиболее вероятно, во второй половине 30-х гг. до н. э.⁵, во

² В V книге Аппиан пишет, что Мессала бежал к Бруту и Кассию (“ὁ δὲ πρὸς Κάσσιον καὶ Βροῦτον φυγὼν”; App. В.С. V. 113), однако из контекста становится понятно, что их общее упоминание в этом фрагменте должно обозначать у Аппиана просто лагерь республиканцев; к тому же впоследствии историк говорит о смерти Брута и Кассия (“ἀποθανόντων ἐκείνων”), после чего Мессала передает командование Антонию (см. далее). О том, что Мессала первоначально должен был направляться именно к Бруту, можно также сделать вывод и из писем Цицерона к последнему (“Messalam habes; ad te ... proficiscens”; Cic. Brut. I. 15). Хотя впоследствии Мессала будет называться своим полководцем именно Кассия (“imperatorem suum”; Tac. Ann. IV. 34).

³ Определенную роль в этом мог сыграть Цицерон и та «протекция», которую он оказывал Мессале. Два письма Цицерона к Бруту, в которых упоминается Мессала, (Cic. Brut. I. 12; 15), вполне можно рассматривать как «рекомендательные». Дж. Кенти считает, что Цицерона можно даже называть патроном Мессалы, хотя бы в узком смысле этого слова. Подробнее см.: *Kenty J. Messalla Corvinus: Augustan Orator, Ciceronian Statesman // Rhetorica. 2017. Vol. 35. N 4. P. 463.*

⁴ Веллей Патеркул также сообщает, что Мессала решил не надеяться на переначивое оружие и обрести спасение по милости, впрочем, одного только Цезаря-младшего (“servari beneficio Caesaris maluit quam dubiam spem armorum temptare amplius”; Vell. II. 71), что неудивительно, учитывая специфику «Римской истории».

⁵ Время перехода Мессалы на сторону Августа — дискуссионный вопрос. Р.М. Ханслик относит это событие уже к 40 г. до н. э., так как, по мнению исследователя, период с 39 по 36 г. до н. э. Мессала провел в Риме (*Hanslik R.M. Valerius Messalla Corvinus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue*

время или немногим после участия в войне против Секста Помпея, когда Мессала, хотя и не командовал флотом ни в одном из морских сражений, отвечал за часть флота Агриппы во время его отсутствия (App. B.C. V. 102). В решающем событии противостояния Антония и Октавиана — битве при Акции — Мессала уже был командиром военных кораблей (“ναυαρχήσαντα”; Ibid. IV. 38). После смещения Антония с поста консула он стал консулом-суффектом и оставался консулом 31 г. до н. э. вместе с Октавианом (Vell. II. 84; Tac. Ann. XIII. 34; Dio. XLVII. 11; L. 10). Отметим, что Мессала, очевидно, должен был хорошо понимать, что согласие стать консулом вместо Антония было точкой невозврата, означавшей окончательный разрыв с ним и окончательный же переход на сторону Октавиана. Таким образом, с этого момента начинается второй, «августовский», этап его деятельности, которому и посвящена настоящая статья.

Биография Марка Валерия Мессалы Корвина, особенно его деятельность в эпоху Раннего принципата, неоднократно становилась предметом внимания зарубежных ученых, однако, на наш взгляд, так и не получила подробного и полного осмысления. В отечественной же историографии Мессале и вовсе отводится лишь нескольких строчек в общих работах⁶. При этом их авторы практически всегда единогласны в оценках его деятельности в правление Августа. Наиболее точно это мнение выразил Я.Ю. Межеричкий, замечая про Мессалу, что своей биографией он «символизировал всеобщее примирение и союз знати с императором»⁷. Большинство других авторов высказывают схожие суждения словно аксиому, однозначно представляя Мессалу благосклонным сторонником Августа и принципата⁸.

Bearbeitung. Zweite Reihe. Band VIII (A 1). Stuttgart, 1955. Sp. 140). Мнения о том, что Мессала после 39 г. до н. э. остался в Риме, придерживается и П. Тэнси, который, впрочем, справедливо указывает на то, что деятельность Мессалы до 36 г. до н. э. установить трудно (*Tansey P. Messalla Corvinus and the ‘Bellum Siculum’ // Latomus. 2007. Vol. 66. N 4. P. 882*). Р. Сайм же считал, что Мессала не только не был кратковременным союзником Антония, но, напротив, поддерживал его вплоть до 33 г. до н. э., а окончательный выбор Мессалы ознаменовался его консульством в 31 г. (*Syme R. The Augustan Aristocracy. Oxford, 1986. P. 207*).

⁶ Подробно см. далее.

⁷ Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 516.

⁸ *Syme R. The Crisis of 2 B. C. München, 1974. P. 11; Maltby R. Tibullus: Elegies. Text, Introduction and Commentary. Cambridge, 2002. P. 42; Welch K. Alternative memoirs: tales from the ‘other side’ of the civil war // The lost memoirs of Augustus and the development of Roman autobiography / Ed. by C. Smith, A. Powell. Swansea, 2009. P. 200–209; Geiger J. The Augustan Age // Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston, 2011. P. 240–246.*

Среди последних работ, в которых высказывается подобная оценка, можно назвать труды К. Уэлш⁹ и Дж. Гейгера¹⁰, посвященные развитию автобиографии и мемуаристики в античности¹¹. К. Уэлш считает, что Мессала Корвин не просто поддерживал Августа, но после своего триумфа в 27 г. до н. э. стал настоящей опорой нового государственного устройства, а также, возможно, был близким другом Агриппы. Дж. Гейгер в своих выводах заходит несколько дальше и высказывает предположение о том, что мемуары Мессалы были написаны немногим позже мемуаров Августа и Агриппы и что таким образом Мессала, претендовавший, по мнению исследователя, на место третьего после двух безоговорочных лидеров Рима, демонстрировал свои амбиции и свое значимое положение в государстве.

Ранее, однако, существовала и противоположная оценка симпатий Мессалы Корвина в условиях становления принципата. Авторы первой половины XX в. видели в Мессале верность старым республиканским принципам и после перехода на сторону Августа. Такой взгляд связан прежде всего с поэтическим «кружком»¹², существовавшим вокруг Мессалы. Виднейшие исследователи в сфере античности и классической филологии О. Иммиш¹³ и Б. Отис¹⁴ считали этот «кружок» сосредоточением республиканских идей и средством выражения соответствующих политических предпочтений его патрона. Однако и у этих авторов в центре их повествования не Мессала, а Гораций, имевший, как известно, другого покровителя. Полемика с этими идеями также немногословна. В издании корпуса Тибулла в 2002 г. Р. Молтби отмечает, что в работах О. Иммиша и Б. Отиса подобная роль «кружка» сильно преувеличивалась¹⁵. Сам же Р. Молтби, как и упомянутые выше современные авторы, называет Мессалу сильным союзником Августа¹⁶.

⁹ Welch K. Op. cit.

¹⁰ Geiger J. Op. cit.

¹¹ Античные авторы сохранили отрывки недошедших до нас мемуаров Мессалы Корвина. Наиболее значительные из них содержатся в биографии Брута, написанной Плутархом (Plut. Brut. 40–42, 45).

¹² Слово «кружок» берется авторами статьи в кавычки во избежание ассоциаций с более современным понятием. О некоторых вопросах, связанных с «кружком» Мессалы, см.: Ullman B.L. Horace and Tibullus // The American Journal of Philology. 1912. Vol. 33. N 2; Hanslik R.M. Der Dichterkreis Des Messalla // Anzeiger der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.–hist. Klasse. 1952. Vol. 89; Davies C. Poetry in the “Circle” of Messalla // Greece & Rome. 1973. Vol. 20. N 1.

¹³ Immisch O. Horazens Epistel über die Dichtkunst. Leipzig, 1932. S. 141f.

¹⁴ Otis B. Horace and the Elegists // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1945. Vol. 76. P. 185f.

¹⁵ Maltby R. Op. cit. P. 41.

¹⁶ Ibid. P. 43.

При этом стоит отметить, что прежде исследователями не ставилась задача выявления особенностей и мотивов деятельности Мессалы Корвина в августовскую эпоху, более глубокого анализа фактов его биографии¹⁷. Лишь в последние годы Дж. Кенти был сделан первый шаг в интерпретации политического поведения Мессалы Корвина в эпоху гражданских войн и при Августе¹⁸. Таким образом, цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать карьеру Мессалы Корвина в Риме во время утверждения Рах Augusta и установить, в какой степени Август действительно стремился включить его в свою государственную политику, а также какой была «ответная реакция» Марка Валерия.

Одним из первых актов, ознаменовавших установление принципата в 27 г. до н. э., было разделение провинций на сенатские (провинции римского народа) и императорские (Dio. LIII. 12). К принцепсу отошли те провинции, которые «были значительнее и управлять которыми годичным наместникам было трудно и небезопасно» (Suet. Aug. 47), а остальные он «по жребию отдал в управление проконсулам» (Ibid.)¹⁹. Принцепсу отходили беспокойные и своенравные пограничные регионы, от положения дел в которых во многом зависела безопасность государства. При этом, как считает У. Эдер, военный фактор не должен был выглядеть решающим для основания власти Августа как принцепса. Скорее, он предполагался как средство, с помощью которого достижения, совершенные Августом от имени республики и ради ее защиты, могли быть продемонстрированы наглядно, а человек, ответственный за них, мог быть удостоен особой *dignitas* — это был способ мышления, не чуждый республиканским принципам²⁰. Иначе говоря, политика Августа в его провинциях мыслилась как выражение преемственности между двумя эпохами и, согласно республиканским нравам, была нацелена на создание стабильности внутри ее границ. В своих провинциях Август хотел проявить себя как завоевателем, так и защитником.

¹⁷ Стоит отметить, что в последней четверти прошлого столетия исследование подобного рода было проведено Р. Саймом, однако оно скорее заостряло внимание на отдельных дискуссионных вопросах и спорных датировках. Подробнее см.: *Syme R. The Augustan Aristocracy*.

¹⁸ *Kenty J. Messalla Corvinus: Augustan Orator, Ciceronian Statesman // Rhetorica. 2017. Vol. 35. N 4.*

¹⁹ Императорскими провинциями были вся Иберия, кроме Бетики, Галлия («все Галлии»: Нарбонская, Лугдунская, Аквитания и Бельгика), Сирия, Финикия, Киликия, Кипр и Египет; «позже Кипр и Нарбонскую Галлию он отдал народу, а себе взамен взял Далмацию» (Dio. LIII. 12).

²⁰ *Eder W. Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link between Republic and Empire // Between republic and empire: interpretations of Augustus and his principate / Ed. by K.A. Raaflaub, M. Toher. Berkeley, 1990. P. 106.*

После завершения междоусобиц в Риме Мессала первые несколько лет был тесно связан с реализацией той политики в провинциях, которая должна была обеспечить и закрепить основы создаваемого Августом порядка. Еще до разделения провинций Мессала был проконсулом в Сирии и Аквитании, которые впоследствии стали императорскими. Основываясь на имеющихся у нас скудных сведениях, весьма непросто определить, в каком году и даже в каком порядке у Мессалы были эти два проконсульства²¹, однако точно можно сказать, что они приходятся на промежуток между 30 и 27 гг. до н. э.²²

Вероятно, после победы при Акции Октавиан отправил Мессалу из Рима воевать дальше на Восток²³, в Египет²⁴, на что намекает поэт Тибулл, сопровождавший Мессалу, своего патрона, в его странствиях. В III элегии первой книги он упоминает, что его возлюбленная Делия провожала его из Города, однако «по эгейским волнам» Мессала вынужден отправиться без Тибулла (“*ibitis Aegaeas sine me, Messalla, per undas*”; Tib. I. 3. 1), так как того в Коркире задержала болезнь²⁵.

Единственным упоминанием о деятельности Мессалы в Сирии для нас служит сообщение Диона Кассия о его расправе с гладиаторами Антония, соотносящейся у него с событиями 30 г.

²¹ Подробнее о хронологии данных событий см.: *Hanslik R.M. Valerius Messalla Corvinus*. Sp. 148–152. Р.М. Ханслик даже высказывает сомнение о том, был ли Мессала вообще проконсулом в Сирии, однако наиболее распространенное мнение признаёт за ним эту должность. Р. Сайм считает, что Мессала был следующим проконсулом Сирии после Квинта Дидия — либо в 30–29 гг. до н. э., либо в 29–28 гг. до н. э., но первый вариант, по мнению историка, предпочтительнее. Подробнее см.: *Syme R. The Augustan Aristocracy*. P. 207. О различных точках зрения на датировку событий см.: *Valvo A.M. Valerio Messalla Corvino negli studi più recenti // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt / H. Temporini, W. Haase (Hrsgg.)*. New York, 1983. Bd. 30.3. P. 1672.

²² После 27 г. до н. э., справив триумф, Мессала не занимал никаких должностей вне Рима.

²³ *Hanslik R.M. Valerius Messalla Corvinus*. Sp. 152.

²⁴ *Беркова Е.А.* Римская элегия. Тибулл // История римской литературы. Т. I / Под. ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. М., 1959. С. 469. Р. Сайм также считает подобную версию приемлемой, считая, что Мессала отправился вместе с Октавианом в Италию, а затем в Азию весной 30 г. до н. э., возможно даже в Египет (*Syme R. The Augustan Aristocracy*. P. 207). Эта же точка зрения высказывается в статье К. Уэлш (*Welch K.* Op. cit. P. 203). Об описании Египта у Тибулла см., в частности: *Lowell Bowditch P. Tibullus and Egypt: a postcolonial reading of elegy 1. 7. // Arethusa*. 2011. Vol. 44. N 1.

²⁵ По мнению Р.М. Ханслика, Мессала мог морским путем отправиться из Коркиры сначала в Киликию, так как эти земли раньше всего упоминаются у Тибулла в VII элегии (16) и принадлежат к провинции Сирия, а оттуда в Антиохию (*Hanslik R.M. Valerius Messalla Corvinus*. Sp. 152).

до н. э.²⁶ Конечно, этот эпизод не может охарактеризовать всю деятельность Мессалы как управляющего в Сирии, так как уходит корнями еще в гражданские войны и непосредственно связан с бывшими противниками Августа. Однако, на наш взгляд, в более ранней биографии Мессалы, времен битвы при Филиппах, можно найти этому случаю показательную параллель.

Похожую твердость Мессала проявил с пленными мимом Волумнием и шутом Саккулионом, которых тот предложил не казнить, но «высечь их плетью на глазах у всего войска и нагими отослать к вражеским полководцам» (Plut. Brut. 45). Пленные насмеялись над Кассием («*τεθνηκότι Κασσίῳ παίζοντες καὶ γελωτολοιοῦντες*»; Ibid.), а присутствие гладиаторов Антония²⁷ в беспокойной Сирии, к тому же граничившей с Парфией, возможно, по мнению Мессалы, было нежелательным для его нового императора — Августа — и даже могло угрожать безопасности на границах. Таким образом, в Сирии Мессала проявлял себя исполнителем тех задач, которые Август поставил перед собой для «восстановления» республики, и всё его проконсульство, скорее всего, было подчинено этим интересам. Однако и со стороны Августа назначение Мессалы в Сирию был проявлением высокого доверия. Сирия была одной из важнейших римских провинций, и управление ею считалось честью, однако подразумевало и определенные трудности. Провинция Сирия имела значительное население и очень крупные города, была крайне важна в торговом и культурном отношении. Всё это не только делало Сирию важнейшим элементом в системе Римской империи, но и затрудняло для римлян ее освоение²⁸. Наконец, с точки зрения тактики Августа, такое назначение, вероятно, можно рассматривать и как «заигрывание» принцепса с Мессалой и с его «республиканским прошлым», так как

²⁶ Эти гладиаторы «готовились в Кизике для тех игр, которые Антоний и Клеопатра предполагали устроить по случаю победы над Цезарем, и как только узнали о том, что произошло, они отправились в Египет, чтобы помочь своим правителям» (Dio. LI. 7). Квинт Дидий, управлявший в то время Сирией, препятствовал их проходу. Долгое время они отвергали все предложения о сдаче, но, так и не дождавшись никакого ответа от Антония, решили, что он погиб, и согласились на мир. Дион говорит, что они получили от Дидия Дафну, предместье Антиохии, где «должны были жить до тех пор, пока вопрос об их судьбе не будет представлен на усмотрение Цезаря». Однако далее историк сообщает, что впоследствии они были обмануты Мессалой («*ὑπὸ τοῦ Μεσσάλου ὕστερον ἀπατηθέντες*»): под предлогом зачисления в легионы их «направили в разные регионы, а затем тем или иным способом расправились с ними» (Ibid.).

²⁷ И так неохотно согласившихся («*ἄκοντες ὠμολόγησα*»; Ibid.) на договор с Дидием.

²⁸ Ранович А.Б. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. М., 1949. С. 127–128.

проконсулом в Сирии после исполнения претуры был Кассий. Если этот жест со стороны Августа имел подобный смысл, то это должно было еще больше расположить к нему Мессалу и в какой-то степени показать лояльность Августа к убеждениям последнего.

О пребывании Мессалы в Аквитании и о его победах над местными племенами сохранилось немногим больше сведений, чем о его проконсульстве в Сирии²⁹. При Августе Аквитания входила в состав Косматой Галлии (*Gallia Comata*) и по размеру превосходила территорию, занимаемую непосредственно аквитанами³⁰. Кроме туземных, близких к иберийцам, племен, в нее включены были 14 кельтских народов. Аквитаны и прежде не давали римлянам покоя, но предпринять решительные меры они заставили Августа, когда заняли верхний Од (Атакс) и стали угрожать Нарбоннской Галлии, одной из первых римских территорий за пределами Аппенинского полуострова.

Согласно Аппиану, после победы при Акции Октавиан отправил Мессалу против восставших (либо отложившихся) кельтов (“ἔλεμψεν ἐπὶ Κελτοὺς ἀφίσταμένους”; App. B.C. IV. 38). Тибулл, воспевая день рождения своего патрона, пишет следующие строки: «В день этот явится тот, кто сразит племена аквитанов, // И пред отважным бойцом трепетный ляжет Атак (“Hunc fore, Aquitanas posset qui fundere gentes // Quem tremeret forti milite victus Atax”; Tib. I. 7. 3–4). За победу над аквитанами Мессала был удостоен триумфа, о чем сообщает Аппиан (“νικῆσαντι ἔδωκε θριαμβεῦσαι”; App. B.C. IV. 38). Очень выразительно и живо он описывается Тибуллом в упоминавшейся выше седьмой элегии (Tib. I. 7. 5–8), которая не раз признавалась исследователями образцом описания триумфального шествия в римской поэзии.

Таким образом, Мессала был активно вовлечен в политику Августа в провинциях, которые имели важное значение для «восстанов-

²⁹ Дж.П. Постгейт считает, что начало Аквитанской кампании может быть отнесено к 28 г. до н. э., а завершилась она осенью 27 г. до н. э., когда Мессала вернулся в Рим (*Postgate J.P. Messalla in Aquitania // The Classical Review. 1903. Vol. 17. N 2. P. 114*). Е.А. Беркова в комментариях к VII элегии первой книги говорит о начале 30 г. до н. э. (*Беркова Е.А. Указ. соч. С. 469*). П. Нокс, следуя за сообщением Диона Кассия (и идя вопреки расхожему в историографии мнению о более поздней датировке (о чем далее)) относит деятельность Мессалы в Аквитании непосредственно вслед за битвой при Акции — к 30 или даже 31 г. до н. э. (*Knox P.E. Milestones in the Career of Tibullus // The Classical Quarterly. 2005. Vol. 55. N. 1*). Об описании аквитанской кампании Мессалы у Тибулла с обширной историографической дискуссией см.: *Moore T.J. Tibullus 1.7: Reconciliation through Conflict // The Classical World. 1989. Vol. 82. N 6*. Как и в случае с проконсульством Мессалы в Сирии, датировки варьируются и зависят в целом от той или иной интерпретации отдельных слов из тех редких сведений, которые дошли до нас в произведениях античных авторов.

³⁰ *Postgate J.P. Op. cit. P. 112–113.*

ленной республики». При этом Мессала не просто был управляющим, которому необходимо было решать ежедневные административные дела. Ему также пришлось восстанавливать порядок в порученных ему областях, а также подавлять восстание местных племен. Подобно Августу, он продемонстрировал себя как защитником, так и завоевателем³¹. Согласно исследованию Г. Штерна, многие лидеры великих республиканских домов принимали второстепенное командование на границе, часто под руководством ведущих военачальников Августа, ведя бои за славу государства³². Однако Мессале было предложено не второстепенное командование, а почетное управление важнейшими провинциями. К тому же, скорее всего, Мессала, пользовавшийся доверием принцепса, действовал более или менее самостоятельно.

Таким образом, в проведении провинциальной политики деятельность Мессалы Корвина способствовала осуществлению курса Августа на «восстановление республики». В первые годы после гражданских войн Мессала проявил свою поддержку и лояльность новому правителю, за что и был им награжден: Тацит в уже упомянутом нами отрывке писал, что Мессала, как и Азиний Поллион, обогатился при Августе и Антонии военной добычей (“inter Antonium et Augustum bellorum praemiis refertos”; Tac. Ann. XI. 7). Принадлежащий Антонию дом на Палатине Октавиан предоставил двоим людям: своему ближайшему сподвижнику Агриппе, а также Мессале (Dio. LIII. 27. 5). Принятие подобного подарка было очень демонстративным шагом со стороны последнего, означавшим, в сущности, присягу на верность Августу, его мероприятиям и политическому курсу. Однако уже вскоре Мессала позволил себе некоторое отклонение от него.

Осенью 27 г. до н. э. Август, лично проследив за ходом консульских выборов (консулами на следующий год были избраны сам принцепс и Статилий Тавр, один из его бывших полководцев), на несколько лет отправился в Галлию и Испанию. Однако, как подчеркивает Я.Ю. Межеричкий, «Август не собирался пускать дело на самотек. В столице оставались доверенные и испытанные единомышленники...»³³ Среди них Август, несомненно, видел Мес-

³¹ В частности, П. Лоуэлл Боудич замечает, что, хотя в седьмой элегии первой книги Тибулла нет прямой отсылки на триумф самого Октавиана, который тот справил в 29 г. до н. э., отметив победу при Акции наряду с завоеваниями в Иллирии и Египте, описание триумфа Мессалы, безусловно, на него намекает (*Lowell Bowditch P. Op. cit. P. 90*).

³² Stern G. *Women, Children and Senators on the Ara Pacis Augustae*. PhD Thesis. University of California, Berkeley, 2004. P. 78.

³³ Межеричкий Я.Ю. Указ. соч. С. 327.

салу Корвина, доказательством чему служат не только заслуги перед Римом и его первым гражданином, но также назначение Мессалы на должность городского префекта в 26 г. до н. э. — первое упоминание о его деятельности по возвращении в столицу.

Не только это назначение, но и отношение к нему Мессалы Корвина вызывает неоднозначные оценки в историографии, так как сами источники, в которых упоминается это событие, друг с другом не согласуются. Так, Тацит сообщает, что Мессала Корвин первым занял при Августе должность префекта, который бы исполнял консульские обязанности (“*praeficitur qui consulare munus usurpet*”; Tac. Ann. VI. 11), однако спустя несколько дней он оставил ее, «словно неспособный справиться» (“*quasi nescius exercendi*”; Ibid.). Затем мы имеем сообщение Иеронима, согласно которому Мессала отказался от должности спустя шесть дней, объявив эту должность «неправомерной»³⁴ (“*sexto die magistratu se abdicavit, incivilem potestatem esse contestans*”; Hieron. Euseb. Chron. Olymp. 188). Наконец, слова Мессалы, что он стыдится своей власти (“*puet imperii*”; Sen. Aproc. 10), цитируемые Сенекой, также наиболее вероятно относятся к этому событию.

Каковы же были на самом деле причины отказа Мессалы от этой магистратуры? Р.М. Ханслик отрицает версию о проявлении им оппозиции к «режиму» Августа. По его мнению, употребленное Иеронимом выражение “*incivilis potestas*” заимствовано не из Светония³⁵, а из враждебной принцепсу литературы, на которой, вероятно, также основано и высказывание, приводимое Сенекой³⁶. Однако и без этих доводов (которые остаются лишь предположением) об оппозиционности взглядов Мессалы даже на раннем этапе принципата говорить в целом не приходится, учитывая не только его деятельность в провинциях, но и его добровольное участие на стороне Августа в по-

³⁴ Дж.К. Ньюман сравнивает “*incivilem*” с упоминаемой Светонием “*civilitas*”, которой обладал Август (Suet. Aug. 51) (*Newman J.K. Tibullus and Augustan Politics // Art, Intellect and Politics: A Diachronic Perspective / Ed. by H.-C. Günther. Leiden; Boston, 2013. P. 263*). М.Л. Гаспаров переводит последний термин как «гражданская умеренность» (Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 96). Дж.К. Ньюман предлагает следующий перевод для “*incivilem potestatem esse*” — “for a citizen, such authority went too far” (*Newman J.K. Op. cit. P. 263*), что можно перевести на русский язык как «для гражданина такие полномочия (такая компетенция/власть) зашли слишком далеко», т.е., как можно предположить, превысили «гражданскую умеренность», *civilitas*.

³⁵ Вероятно, под сочинением Светония, из которого Иероним заимствовал сведения о Мессале, подразумевается его труд «О знаменитых людях», состоящий из пяти книг. В третьей книге «Об ораторах», по восстановленному по различным источникам содержанию, Светоний, в числе прочих, должен был писать и о Корвине (Гаспаров М.Л. Дополнения. О знаменитых людях // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 331).

³⁶ *Hanslik R.M. Valerius Messalla Corvinus. Sp. 153.*

следние годы гражданских войн. Не причисляет Мессалу к числу интеллектуальной оппозиции (в той степени, в которой о ней можно говорить в правление Августа) и Л.Дж. Сэмонс, упоминая его лишь однажды — не в числе оппозиционно настроенных историков и ораторов, а, напротив, среди друзей (*amici*) принцепса³⁷.

Однако действительно ли должность городского префекта была настолько *incivilis*? Р.М. Ханслик высказывает предположение, что Август назначил Мессалу на эту должность, так как она имела глубокие республиканские корни³⁸. Согласно Светонию, городская префектура, в числе прочих новых должностей, была учреждена (“*nova officia excogitavit*”) Августом для того, чтобы больше людей было вовлечено в управление государством (“*quoque plures partem administrandae rei p. caperent*”; Suet. Aug. 37), что вполне соответствовало республиканским порядкам. Тацит пишет о том, что временных заместителей выбирали себе в далеком прошлом цари, а позднее магистраты, когда отлучались из Рима (Tac. Ann. VI. 11. 1). В частности, при Тарквинии Гордом городским префектом был назначен отец Лукреции, Спурий Лукреций Триципитин (Liv. I. 59. 11; Tac. Ann. VI. 11. 2). Август и сам уже прибегал к подобной практике во время гражданских войн, поставив Мецената во главе Рима и всей Италии (“*apud Romam atque Italiam praerosuit*”; Tac. Ann. VI. 11. 3). «Затем, — продолжает историк, — уже став главой государства, он вследствие обилия населения и медлительности судопроизводства повелел выделить кого-нибудь из числа бывших консулов для обуздания рабов и тех беспокойных граждан, чья дерзость не могла быть укрощена иначе как силой» (Ibid.). Консуляром, которому была вверена такая власть, стал Мессала Корвин.

Демонстрируя древность должности и существование ее на протяжении всей истории Рима от основания Города, Тацит, однако, не показывает особых различий между городским префектом VIII в. до н. э. и I в. н. э. И всё же они были. А.В. Лукьянец, рассматривая должность *praefectus urbi* в концепции римской государственности Т. Моммзена, вслед за немецким историком выделяет следующие этапы развития городской префектуры³⁹: с древности до 367 г. до н. э. — возникновение и расцвет должности; 367 г. до н. э. — 30/27 г. до н. э. — время ее угасания и после — «функционирования полити-

³⁷ Raaflaub K.A., Samons L.J. Opposition to Augustus // Between republic and empire: interpretations of Augustus and his principate / Ed. by K.A. Raaflaub, M. Toher. Berkeley, 1990. P. 442.

³⁸ Hanslik R.M. Valerius Messalla Corvinus. Sp. 153.

³⁹ Лукьянец А.В. Должность *praefectus urbi* в концепции римской государственности Теодора Моммзена // Путь в науку. Вып. 7. Ярославль, 2002. С. 44.

ческого института в императорскую эпоху на принципиально ином положении»⁴⁰. Так, согласно представлениям Т. Моммзена, на первом этапе городской префект «имел широкий круг полномочий», однако впоследствии значение городского префекта постепенно падает, что особенно становится заметным с появлением в 367 г. до н. э. претора — «магистрата, постоянно связанного с городом». Но так как во время Латинских празднеств все, включая претора, покидали Рим, «полного упразднения должности не произошло, а произошла лишь ее трансформация в “*praefectus urbi feriarum latinarum causa*”, и престиж института упал»⁴¹.

Таким образом, учреждение городской префектуры, по нашему мнению, могло задумываться Августом в республиканском духе: он возвращал к жизни должность, которая была престижной в годы Республики, но со временем утратила свою роль. Однако принцип впервые придал наблюдению за порядком в городе статус государственной должности, поэтому теперь каждый, кому вручались такие обязанности, исполнял их уже в силу особых полномочий, а не просто по поручению Августа. К тому же эти полномочия, судя по всему, выходили за рамки прав и обязанностей городского префекта даже на пике «расцвета» этой должности. Трудно поверить, чтобы Мессала, имевший триумф за подавление восстания аквитанов, не справился бы с «обузданием» возможных волнений в Риме. Наиболее вероятным представляется, что он не хотел связывать себя властью, действительно ранее не существовавшей и вверявшей ему полномочия, не соответствовавшие традициям.

Однако, вероятно, дело не только в характере должности. Сам Мессала уже не в первый раз отказывался от вверяемой ему власти — достаточно вспомнить прецедент после поражения при Филиппах. Дж. Кенти отмечает, что такое поведение Мессалы выглядит не только очень «республиканским», но даже схожим с поведением

⁴⁰ Ввиду того, что сведения о городской префектуре в республиканский период истории древнего Рима крайне фрагментарны, трансформация должности *praefectus urbi* с течением времени представляет собой дискуссионный вопрос. Проблемой является и соотношение между должностями *praefectus urbi feriarum latinarum causa* и непосредственно *praefectus urbi*, а также республиканской должностью и той, которая учреждается при Августе. Исчерпывающая аргументация по данным вопросам, являющимся предметом отдельного исследования, выходит за рамки этой статьи. В данном разделе мы приводим наиболее общую периодизацию истории этой должности, предложенную еще Т. Моммзеном и, насколько нам известно, с тех пор не получившую серьезных корректировок. См. также: Лукьянец А.В. Институт городской префектуры в античном Риме // *Tabularium*. Труды по антиковедению и медиэвистике. Т. 2. / Под. ред. В.В. Деметьевой. М., 2004; Власова О.А. Предшественники магистратуры претора в древнем Риме // *Legal Concept*. 2018. № 2. С. 89.

⁴¹ Лукьянец А.В. Должность *praefectus urbi*... С. 45.

Августа, когда он сам на упомянутом выше заседании сената отказывался от своих полномочий⁴². Дж.А. Крук также предлагает версию, которая вполне может соответствовать реальности. Историк предполагает, что Август «собирался прибавить эту должность к “списку почестей”, представляемых выдающимся гражданам, и что именно в качестве таковой ее принял Мессала, и только затем узнал <...> сколь разительно она не соответствовала исторической традиции»⁴³. Судя по всему, должность импонировала Мессале как возможность увеличить свой авторитет, но, облеченная в реальные полномочия, к тому же нереспубликанского характера, возможно, отпугнула его и заставила отказаться.

На наш взгляд, отказ Мессалы, не желавшего принимать на себя такую обширную власть, не существовавшую ранее, а являвшуюся «изобретением» принципата, показывал его стремление поддерживать «восстановленную республику» в рамках, которые диктовало ему стремление сохранять независимость. Так, он храбро сражался с отложившимися племенами, угрожавшими римским территориям, но не пожелал стать частью выстраиваемого Августом государственного аппарата. Этот отказ послужил, возможно, даже не столько проявлением независимости Мессалы, как считает Р. Сайм⁴⁴, сколько его желанием эту независимость уберечь. Таким образом, в деле устройства государственного управления Мессала оказался менее полезен Августу, чем при отстаивании римских интересов на границах.

После отказа Мессалы от городской префектуры в источниках мы не находим практически никаких сведений о нем в течение почти 25 лет. Возможно, в это время он посвятил себя ораторскому искусству и литературному творчеству. Вероятно, именно в этом временном промежутке он составляет свои мемуары — историческое сочинение о гражданских войнах⁴⁵. Дж. Гейгер предполагает, что свои воспоминания Мессала написал вскоре после того, как Август и Агриппа создали подобные труды⁴⁶, т.е. примерно на рубеже 20-х — 10-х гг. до н. э. Анализируя дошедшие до нас более или менее достоверные отрывки из мемуаров, Дж. Гейгер приходит к выводу о том, что Мессала постоянно демонстрирует в них свою близость к лиде-

⁴² Kenty J. Op. cit. P. 116.

⁴³ Крук Дж.А. Политическая история, 30 г. до н. э. — 14 г. н. э. // Кембриджская история древнего мира. Том X. Империя Августа 43 г. до н. э. — 69 г. н. э. Полутом 1 / Под ред. А.-К. Боумена, Э. Чемплина, Э. Линтотта. М., 2018. С. 106.

⁴⁴ Syme R. The Augustan Aristocracy. P. 212.

⁴⁵ Drummond A.M. Valerius Messalla Corvinus // The Fragments of the Roman Historians, 3 vols. Vol. 3 / Ed. by T.J. Cornell. Oxford, 2013. P. 466–472.

⁴⁶ Geiger J. Op. cit. P. 245.

рам, будь то республиканские вожди Брут и Кассий или Октавиан во время Сицилийской войны⁴⁷.

На наш взгляд, издание Мессалой своих воспоминаний, отражающих, судя по всему, открытую симпатию к убийцам Цезаря⁴⁸, но также подчеркивающих близость автора к верхам власти, во многом отражает его позицию по отношению к «восстановленной республике». Демонстрируя приверженность своим прежним идеалам, Мессала Корвин всё же претендовал на видное положение в новом государстве. Однако встраивание в августовскую государственную структуру не соответствовало его планам, поэтому он стремился показать свое моральное право на то, чтобы быть в числе первых в *res publica restituta*, иметь не реальную власть, а авторитет, сопоставимый с авторитетом Августа.

По этой причине следующую должность, которая снова была будто бы «изобретена» Августом для Мессалы Корвина, стоит считать скорее знаком почета, чем обременительным грузом власти. Фронтин в трактате «О водопроводах города Рима» сообщает, что в консульство Квинта Элия Туберона и Павла Фабия Максима (11 г. до н. э.) «по предложению Августа и с одобрения сената» (“*ex concessu senatus a Caesare Augusto*”; Frontin. Aqu. urb. Rom. II. 100) была учреждена должность *curator aquarum* и в особом постановлении сената были определены ее полномочия. Первым на эту должность, для соблюдения и выполнения дел, был назначен Мессала Корвин (“*rei continendae exercendaeque curatorem fecit Messalam Corvinum*”; Ibid. II. 99). Должность *curator aquarum* предполагала «надзор за соблюдением и правильным применением комплекса мер, направленных на обеспечение города водой, регулируемое правом проведения и охраны воды»⁴⁹.

А.С. Бузов пишет, что эта должность была ответственной и почетной: «по указанному сенатусконсульту, этого чиновника внутри городской черты сопровождали три государственных раба, архитектор, писец, глашатай и рассыльный, а вне померия — еще и два ликтора»⁵⁰. При этом исследователь отмечает, что исполнение должности требовало значительных усилий и отнимало много времени, так что *curatores aquarum* были освобождены от дополнительных обязанностей, возлагавшихся на прочих кураторов⁵¹. Р. Сайм, од-

⁴⁷ Ibid. P. 242.

⁴⁸ Об этом свидетельствует упомянутое ранее сообщение Тацита о том, что Мессала открыто называл Кассия своим полководцем (Tac. Ann. IV. 34).

⁴⁹ Бузов А. С. О праве проведения и охраны воды в Древнем Риме (по трактату Фронтинуса *De aquis urbis Romae*) // IVS ANTIQVVM. Древнее Право. 1997. № 1. С. 56.

⁵⁰ Там же. С. 56–57.

⁵¹ Там же.

нако, считает должность не столь значимой и менее почетной⁵², что вполне логично, если сравнить ее хотя бы с предложенной Мессале ранее должностью городского префекта. Однако, на наш взгляд, в этот раз Август «угадал» с новым назначением Мессалы. С одной стороны, новая магистратура не несла в себе никаких экстраординарных полномочий и при этом позволяла Мессале заниматься полезными для Города делами, а Августу хотя бы в какой-то степени включить представителя старой аристократии в новый государственный аппарат. С другой стороны, этим назначением Август выражал Мессале свое уважение, а тот, в свою очередь, удовлетворялся тем, что ему предоставлялась почетная должность, которая соответствовала его стремлению максимально укрепить свое положение в «восстановленной республике» с помощью авторитета⁵³.

Нам кажется, что именно в таком контексте и стоит рассматривать одно очень значимое событие принципата Августа, в связи с которым Мессала вновь упоминается в источниках. Спустя четверть века после того, как Август принял единоличную власть, произошло еще одно значимое чествование принцепса — присвоение ему почетного титула Отца отечества (*Pater patriae*). Официально он был преподнесен Августу сенатом и народом 5 февраля 2 г. до н.э. Описание этого события сохранилось у Светония (*Suet. Aug.* 58). Он сообщает, что от имени сената, который высказал свою волю «не в декрете и не общим криком» (“*neque decreto neque adclamatione*”), выступал Валерий Мессала⁵⁴.

Р. Сайм считает, что Мессала был идеальной кандидатурой для преподнесения Августу этого титула, так как не могло быть луч-

⁵² *Syme R.* The Augustan Aristocracy. P. 241.

⁵³ Организацией водоснабжения в Риме занимался одно время и Марк Агриппа. (Подробнее об этом см.: *Таривердиева С.Э.* Марк Агриппа: от соратника Октавиана к соправителю Августа. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. С. 157–164.) Автор диссертации отмечает, помимо практического значения проводимых Агриппой в 33 г. до н. э. мероприятий (строительство фонтанов и акведуков), их идеологическую нагрузку: подобные мероприятия, «тем более такие масштабные, позволяли отвлечь римлян от воспоминаний о тяжелых событиях», а также должны были «продемонстрировать римлянам, что с приходом Октавиана к власти жизнь действительно улучшилась, причем именно благодаря ему и его соратникам» (Там же. С. 160). К тому же Агриппа фактически был первым *curator aquarum* (“*operum suorum et munerum velut perpetuus curator fuit*”; *Frontin. Aqu. urb. Rom.* II 98).

⁵⁴ Светоний приводит слова Мессалы (по его выражению — в точности, как он передает, и последовавший ответ принцепса: “*ipsa enim, sicut Messallae, posui*”). «По общему поручению он сказал так: “Да сопутствует счастье и удача тебе и дому твоему, Цезарь Август! Такими словами молимся мы о вековечном благоденствии и ликовании всего государства: ныне сенат в согласии с римским народом поздравляет тебя отцом отечества”» (перевод М.Л. Гаспарова). Такая речь растрогала первого среди равных, и он в слезах (*lacrimans*) поблагодарил отцов-сенаторов за их единодушную поддержку (*Suet. Aug.* 58).

шего заявления о согласии и гармонии в государстве⁵⁵. По мнению Дж.Кенти, сказанное Мессалой⁵⁶ звучало «обходительно, достойно и восхваляющее (“gracious, dignified and laudatory”))»⁵⁷. Действительно, Мессала, будучи почти ровесником Августа, и сам был уже в летах и обладал, вероятно, наивысшим авторитетом после принцепса⁵⁸, так как именно ему выпала честь говорить от всего сената на столь важном заседании. Это, опять же, вполне удовлетворяло интересы их обоих: Мессала был максимально близок к власти, оставаясь, тем не менее, на «безопасном» расстоянии от нее, а Август вновь заручался поддержкой одного из виднейших республиканских деятелей⁵⁹.

Наконец, отметим в деятельности Мессалы еще одну сторону, которая полностью вписывалась в план «восстановления республики». Речь идет о строительной политике, или, как часто говорят относительно принцепата Августа, о строительной пропаганде. Мероприятия по благоустройству Рима и его превращение «в бело-мраморную столицу Империи» действительно является одной из наиболее впечатляющих статей политики Августа. Однако Я.Ю. Межерицкий рекомендует «остерегаться упрощенного применения» термина «пропаганда» относительно деятельности принцепса в области градостроения и архитектуры⁶⁰. Г. Штерн также отмечает, что Август восстановил Рим не только для того, чтобы отразить амбициозную программу своего нового «режима». Предоставление в общее пользование новых зданий и реконструкция старых представляло собой возвращение к республиканской практике, согласно которой победившие военачальники строили в городе новые храмы и обеспечивали его гражданскими работами⁶¹.

Согласно Светонию, для того чтобы было легче прибывать в город с любой стороны, Август, взяв себе укрепление Фламиниевой

⁵⁵ *Syme R. The Crisis of 2 B. C. P. 11.*

⁵⁶ См. прим. 54.

⁵⁷ *Kenty J. Op. cit. P. 467.*

⁵⁸ Марк Агриппа, ранее занимавший второе место в государстве, скончался в 12 г. до н. э.

⁵⁹ Стоит отметить, что существует и другая трактовка события 2 г. до н. э., не имеющая широкого распространения в литературе. Дж.К. Ньюман считает, что Мессала не пошел на сотрудничество с Августом, свидетельством чего был его отказ от должности городского префекта. По мнению исследователя, преподнесение Мессалой Августу титула Отец отечества нисколько не противоречит этой отстраненности: ко 2 г. до н. э. он либо уже устал (вероятно, от конфронтации с «восстановленной республикой»), либо был больше не в силах противостоять центру притяжения (bias) своего времени и видел Августа «измененным и подвергнутым метаморфозам» (*Newman J.K. Op. cit. P. 268*).

⁶⁰ *Межерицкий Я.Ю. Указ. соч. С. 562.*

⁶¹ *Stern G. Op. cit. P. 92.*

дороги вплоть до Аримина, оставшиеся дороги распределил между триумфаторами, чтобы они вымостили их на средства из военной добычи (“*pecunia manubialis*”; Suet. Aug. 30). Под 27 г. до н. э. сообщает об этом и Дион Кассий: «Видя, что дороги за стенами Города стали непроезжими из-за небрежения ими, он поручил все прочие чинить отдельным сенаторам за их собственный счет, а на себя взял заботу о Фламиниевой дороге⁶²» (“*τοῖς οἰκεῖοις τέλεσι*”; Dio. LIII. 22. 1). Под этими сенаторами подразумеваются те, которые недавно справили триумф и должны были оплатить работы из собственной военной добычи. Вернувшийся в 27 г. до н. э. в Рим триумфатором, Мессала Корвин становится одним из претендентов на преобразование города за счет средств от триумфа. Они были направлены Мессалой на восстановление *via Latina*⁶³ (Tib. I. 7. 57–60). Г. Штерн замечает, что уговорить на это мероприятие Мессалу, а также Кальвизия Сабина⁶⁴, который также принимал участие в починке дороги, Августу удалось с трудом⁶⁵. Но относительно Мессалы Корвина однозначно подтвердить эту мысль невозможно. Необходимо подчеркнуть, что П. Нокс не видит убедительных доказательств усматривать в числе «отдельных сенаторов» Мессалу Корвина, предпочитая связывать реставрацию участка *via Latina* с консульством Мессалы 31 г. до н. э. Однако отметим: одна из основных идей исследователя заключается в том, что Tib. I. 7 является описанием триумфа не уже свершившегося, но только предстоящего, — концепция, в которую явно не вписывается реставрирование дороги за счет триумфальных средств. Поэтому, на наш взгляд, нет убедительных причин полностью отказываться от высказанной ранее трактовки фрагментов из Диона Кассия и Тибулла.

Так или иначе, имя Мессалы связано и с другими работами по облагораживанию Города. Как сообщает Плиний Старший, Марком Мессалой были восстановлены две из трех статуй Сивилл, находящихся рядом с ростральными трибунами⁶⁶ (Plin. N. H. XXXIV 22). Таким образом, Мессала хотел вписать свое имя в историю «восстановленной республики», вместе с Августом и другими прославлен-

⁶² Перевод А.В. Махлаюка.

⁶³ Детальный разбор различных точек зрения дан в: *McCracken G. Tibullus, Messalla and the via Latina // The American Journal of Philology. 1932. Vol. 53. N 4.* Исследователь приходит к выводу, что упоминаемой у Тибулла дорогой могла быть именно *via Latina*.

⁶⁴ Дж. Маккрэкен считает, что был третий участок дороги, который ремонтировал Луций Аррунций (Ibid. P. 347).

⁶⁵ *Stern G. Op. cit. P. 91.* О том, что некоторые сенаторы не желали отдавать свои деньги, также пишет Дион Кассий (Dio. LIII. 22. 2), однако Дж. Маккрэкен склонен считать, что мнение античного историка не соответствует действительности.

⁶⁶ Третья была восстановлена плебейским эдилком Секстом Пакувием Тавром.

ными и знатными людьми занимаясь обновлением Города, при этом помогая принцепсу в прославлении создаваемого им нового облика Рима, который должен был соединить республиканские традиции и имперское величие.

Об этом свидетельствует и еще одно сооружение в Риме, связанное с именем Мессалы Корвина, — гробница, которая по мнению Дж. Маккрэчена,⁶⁷ упоминается в двух эпиграммах Марциала как «камни» или «глыбы» (“*Messallae saxa*”; Mart. VIII. 3) и «мрамор» (“*marmora Messallae*”; Ibid. X. 2) Мессалы. Сам акт возведения погребального комплекса был «публичным заявлением того, что строитель был одним из ведущих людей Республики», а величественные гробницы были выражением «индивидуальности и личной гордости» и служили памятниками того, что те, кто их воздвигал, принадлежали к высшим эшелонам власти⁶⁸. Таким образом, Мессала Корвин вновь мог и продемонстрировать свою самостоятельность в рамках государственной концепции Августа, и по-своему вписаться в нее — не на службе и не обладая никакими официальными полномочиями, но в рамках старых республиканских порядков, делая вклад в улучшение облика Рима, оставляя в Вечном Городе свой след⁶⁹.

До конца своей жизни Месссала Корвин занимал пост *curator aquarum*⁷⁰ и, вероятнее всего, продолжал заниматься ораторской деятельностью. Он дожил до преклонных лет и, согласно Иерониму, уморил себя голодом в возрасте 72 года (“*inaedia se confecit*”; Hieron. Euseb. Chron. Olymp. 197). Ряд источников сообщает, что в конце жизни (по Иерониму — за два года до кончины) он потерял память, не умел связывать слова и забыл даже свое собственное имя (Hieron. Euseb. Chron. Olymp. 197; Plin. N. H. VII. 90; Solin. I. 110)⁷¹.

⁶⁷ McCracken G. Op. cit. 346.

⁶⁸ Stern G. Op. cit. P. 101.

⁶⁹ Ср. со строительной деятельностью Марка Агриппы (см.: Таривердиева С.Э. Указ. соч. С. 164–183), в частности возведением гробницы Агриппы (см.: Там же. С. 178). Автор демонстрирует, что постройки Агриппы, который занимал второе место и по масштабам строительной политики, как прославляли Августа, так и помогали Агриппе заслужить авторитет в глазах плебса и нобилитета. Про гробницу Агриппы на Марсовом поле С.Э. Таривердиева отмечает, что она, хотя и не имела, скорее всего, никакого идеологического значения (сведений о ней почти не сохранилось в источниках), подчеркивала особую роль Агриппы в государстве.

⁷⁰ Фронтин сообщает, что Мессале наследовал Атей Капитон в консульство Планка и Силия — 13 г. н. э. (Frontin. Aqu. urb. Rom. II. 102).

⁷¹ Дата смерти Мессалы также является предметом дискуссий. Р. Сайм, основываясь на анализе таких произведений Овидия, как *Tristia*. IV. 4 и *Ex Ponto*. I. 7, а также трактата Фронтина и свидетельств Иеронима, настаивает на 8 г. н. э. (Syme R. The Augustan Aristocracy. P. 217–227). Р. Джеффрис, разбирая доказательства Р. Сайма, выступает за конец 12 или начало 13 г. н. э. (Jeffreys R. The date of Messalla's death // The Classical Quarterly. 1985. Vol. 35. N 1).

Многие историки неоднократно пытались найти для Мессалы Корвина и его деятельности исчерпывающее определение, которое объясняло бы также и его взаимоотношения с «восстановлением республики» Августом. Все они, как мы уже отмечали выше, сходились в одном. Р. Сайм и Дж. Кенти даже определяли Мессалу как «мерило» уровня республики в *res publica restituta* Августа, который проверял на нем свои мероприятия и реформы⁷².

Несомненно, Августу было крайне важно иметь в союзниках такого человека, как Мессала. Согласно А.М. Гоунгу, для римлян «прошлое полностью определяло настоящее», и потерять связь с прошлым — забыть — как на личном, так и на государственном уровне означало риск потери идентичности и даже исчезновения⁷³. Мессала в каком-то смысле представлял память о прошлом на обоих уровнях: он был потомком древнего республиканского патрицианского рода и лично принимал участие в главных сражениях гражданских войн. Задачей Августа было создать такие условия, чтобы воспоминания Мессалы Корвина и подобных ему республиканцев, сохранивших свою жизнь и нашедших место в Риме эпохи Принципата, не шли вразрез с тем настоящим, которое их окружало. Однако для этого необходимо было расположить их к себе и убедить, что «восстановление республики» является не просто красивым лозунгом. Поэтому Август пытался найти для Мессалы место в новом государстве, предлагая ему должности и вовлекая его в строительную деятельность. При этом сам Мессала имел право на свое слово, иногда идущее наперекор замыслам принцепса. И, судя по всему, это не встречало негативной ответной реакции со стороны последнего.

Как нам кажется, категоричные оценки, которые не следует давать ни одному историческому деятелю, особенно не подходят для характеристики такой личности, как Мессала Корвин. Трудно полностью согласиться с мнением Р. Сайма о том, что под показной республиканской независимостью Мессала приспособился к новому порядку в государстве и обществе⁷⁴. Да, он действительно поддерживал этот новый порядок и являлся частью важных мероприятий, проводившихся Августом для укрепления основ «восстановленной республики». Однако Мессала в большей или меньшей степени участвовал в «проекте» Августа лишь в тех областях, которые не были напрямую связаны с властью и политической систе-

⁷² *Syme R. The Augustan Aristocracy. P. 207; Kenty J. Op. cit. P. 473.*

⁷³ *Gowing A.M. Empire and memory: the representation of the Roman republic in imperial culture. Cambridge, 2005. P. 2.*

⁷⁴ *Syme R. The Crisis of 2 B. C. P. 11.*

мой, — от должности же, которая предполагала его вовлечение в государственный аппарат, он как раз оказался, проявив и «отстояв» свое относительно независимое положение. Зато Мессала отличился на поле битвы и внес свой вклад в восстановление и обновление города, что и служило целям Августа, и повышало авторитет Мессалы в обществе.

По мнению Дж. Кенти, нет никаких доказательств того, что Мессала был недоволен своей политической карьерой или невольно ограничен в ней⁷⁵. И это, пожалуй, действительно было так. Мессала не перешел в оппозицию к Августу (судя по всем имеющимся у нас сведениям, даже в тайную), в отличие, к примеру, от Марка Лициния Красса. То, что в свое время Мессала не захотел власти ни от республиканцев, ни от наследника Цезаря, показывает его человеком невластолюбивым, если даже не опасующимся любой значительной власти. В своей деятельности он умел соблюсти баланс, разграничивая собственные интересы и цели нового, не всем понятного до конца замысла принцепса. Он поддерживал новый строй, однако на своих условиях, разумно соизмеряя лимиты своих желаний, потребностей и нужд «восстановленной республики». Именно такой нам и представляется политическая деятельность Мессалы Корвина при Августе: продуманной, взвешенной и, насколько это было возможно, независимой и в меру отстраненной от государства.

References

Berkova E.A. *Rimskaya elegiya. Tibull [Roman Elegy. Tibullus] // Istoriya rimskoy literatury [History of Roman Literature]. Vol. I / Ed. by S.I. Sobolevsky, M.E. Grabar'-Passek, F.A. Petrovsky. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959. P. 418–428.*

Burov A.S. *O prave provedeniya i okhrany vody v Drevnem Rime (po traktatu Frontina De aquis urbis Romae) [On the Right of Water Supply and Protection in Ancient Rome (Based on Frontinus' Treatise De aquis urbis Romae)] // IVS ANTIQVVM. Drevneye pravo. 1997. N 1. P. 56–59.*

Crook J.A. *Politicheskaya istoriya, 30 g. do n. e. — 14 g. n. e. [Political History, 30 B.C. — A.D. 14] // Kembriidzhskaya istoriya drevnego mira [The Cambridge Ancient History]. Vol. X. Imperiya Avgusta 43 g. do n. e. — 69 g. n. e. [The Augustan Empire, 43 B.C. — A.D. 69]. Half-Vol. 1 / Ed. by A.K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Moscow: Ladomir, 2018. P. 93–143.*

Davies C. *Poetry in the "Circle" of Messalla // Greece & Rome. 1973. Vol. 20. N 1. P. 25–35.*

Drummond A.M. *Valerius Messalla Corvinus // The Fragments of the Roman Historians. 3 vols. Vol. 3 / Ed. by T.J. Cornell. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 463–471.*

⁷⁵ Kenty J. Op. cit. P. 470.

Eder W. *Augustus and the Power of Tradition: The Augustan Principate as Binding Link between Republic and Empire // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate* / Ed. by K.A. Raafaub, M. Toher. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 71–123.

Gasparov M.L. *Dopolneniya. O znamenitykh lyudyakh* [Supplements. On Famous People] // Gaius Suetonius Tranquillus. *Zhizn' dvenadtsati tsezarey* [Life of the Twelve Caesars]. Moscow: Nauka, 1993. P. 330–331.

Geiger J. *The Augustan Age // Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity* / Ed. by G. Marasco. Leiden; Boston: Brill, 2011. P. 233–266.

Gowing A.M. *Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 178 p.

Hanslik R.M. *Der Dichterkreis Des Messalla // Anzeiger der Österreichische Akademie der Wissenschaften*. Phil.–hist. Klasse. 1952. Vol. 89. S. 22–38.

Hanslik R.M. *Valerius Messalla Corvinus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung. Zweite Reihe. Band VIII (A 1)*. Stuttgart: Alfred Drukenmüller verlag, 1955. S. 131–157.

Immisch O. *Horazens Epistel über die Dichtkunst*. Leipzig: Dieterich, 1932. 217 S.

Jeffreys R. *The Date of Messalla's Death // The Classical Quarterly*. 1985. Vol. 35. N 1. P. 140–148.

Kenty J. *Messalla Corvinus: Augustan Orator, Ciceronian Statesman // Rhetorica*. 2017. Vol. 35. N 4. P. 445–474.

Knox P.E. *Milestones in the Career of Tibullus // The Classical Quarterly*. 2005. Vol. 55. N 1. P. 204–216.

Lowell Bowditch P. *Tibullus and Egypt: A Postcolonial Reading of Elegy 1.7 // Arethusa*. 2011. Vol. 44. N 1. P. 89–122.

Luk'yanets A.V. *Dolzhnost' praefectus urbi v kontseptsii rimskoy gosudarstvennosti Teodora Mommzena* [The Office of *praefectus urbi* in Theodore Mommsen's Concept of Roman Statehood] // *Put' v nauku* [Path to Science]. Issue 7. Yaroslavl': YarGU, 2002. P. 44–46.

Luk'yanets A.B. *Institut gorodskoy prefektury v antichnom Rime* [The Officium of Urban Prefecture in Ancient Rome] // *Tabularium. Trudy po antikovedeniyu i medievistike* [Works on Antiquity and Medieval Studies]. Vol. 2 / Ed. by V.V. Dement'eva. Moscow: Infomedia, 2004. P. 21–31.

Maltby R. *Tibullus: Elegies. Text, Introduction and Commentary*. Cambridge: Francis Cairns, 2002. 529 p.

McCracken G. *Tibullus, Messalla and the via Latina // The American Journal of Philology*. 1932. Vol. 53. N 4. P. 344–352.

Mezheritskiy Ya.Yu. "Vosstanovlennaya Respublika" imperatora Avgusta [Emperor Augustus's "Restored Republic"]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2016. 991 p.

Moore T.J. *Tibullus 1.7: Reconciliation through Conflict // The Classical World*. 1989. Vol. 82. N 6. P. 423–430.

Newman J.K. *Tibullus and Augustan Politics // Art, Intellect and Politics: A Diachronic Perspective* / Ed. by H.-C. Günther. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 251–283.

Otis B. *Horace and the Elegists // Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1945. Vol. 76. P. 177–190.

Postgate J.P. *Messalla in Aquitania // The Classical Review*. 1903. Vol. 17. N 2. P. 112–117.

Raaflaub K.A., Samons L.J. *Opposition to Augustus // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate* / Ed. by K.A. Raaflaub, M. Toher. Berkeley: University of California Press, 1990. P. 417–454.

Ranovich A.B. *Vostochnyye provintsii Rimskoy imperii v I–III vv.* [Oriental Provinces of the Roman Empire from the First through the Third Century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949. 262 p.

Stern G. *Women, Children and Senators on the Ara Pacis Augustae*. PhD Thesis. Berkeley: University of California Press, 2004. 549 p.

Syme R. *The Augustan Aristocracy*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 494 p.

Syme R. *The Crisis of 2 B.C.* München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 1974. 34 p.

Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford: Clarendon Press, 1939. 568 p.

Tansey P. *Messalla Corvinus and the "Bellum Siculum"* // *Latomus*. 2007. Vol. 66. N 4. P. 882–890.

Tariverdiyeva S.E. *Mark Agrippa: ot soratnika Oktaviana k sopravatelyu Avgusta: diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [Marcus Agrippa: From Octavian's Associate to Augustus' Co-Emperor: PhD Candidate Dissertation in History]. Yekaterinburg: UrFU, 2018. 274 p.

Ullman B.L. *Horace and Tibullus* // *The American Journal of Philology*. 1912. Vol. 33. N 2. P. 149–167.

Valvo A.M. *Valerio Messalla Corvino negli studi più recenti* // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* / H. Temporini, W. Haase (Hrsg.). New York: De Gruyter, 1983. Bd. 30.3. P. 1663–1680.

Vlasova O.A. *Predshestvenniki magistratury pretora v Drevnem Rime* [Predecessors of the Office of Praetor in Ancient Rome] // *Legal Concept*. 2018. N 2. P. 87–93.

Welch K. *Alternative Memoirs: Tales from the "Other Side" of the Civil War* // *The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography* / Ed. by C. Smith, A. Powell. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. P. 195–223.

Поступила в редакцию
15 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-39-62

А.Э. Котов, Л.Ю. Гусман

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
«НОВОГО ВРЕМЕНИ» 1880-х гг.**

A.E. Kotov, L.Yu. Gusman

**ECONOMIC JOURNALISM OF THE
NOVOYE VREMYA OF THE 1880s**

Аннотация. Статья представляет собой первую попытку комплексного анализа экономической публицистики газеты А.С. Суворина «Новое время» в 1880-е гг. — период, когда после оживленных дискуссий о роли частного и государственного капиталов в экономике весы общественных настроений и правительственной политики всё более склонялись к убеждению в необходимости государственной собственности на стратегически важные сферы народного хозяйства: железные дороги, горные заводы и леса. С переходом в 1876 г. к А.С. Суворину газета приобрела ярко выраженную национально-демократическую окраску, которая с годами только

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Kotov Aleksandr Eduardovich, Doctor in History, Professor, Department of History of Russia from Ancient Times to the Twentieth Century, Institute of History, Saint Petersburg State University

a.kotov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-5226-9552

Гусман Леонид Юрьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и философии Санкт-Петербургского университета аэрокосмического приборостроения

Gusman Leonid Yurievich, Doctor in History, Head, Department of History and Philosophy, Saint Petersburg University of Aerospace Instrumentation

blummer@mail.ru

ORCID: 0009-0000-1634-3428

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01267 «Частный капитал или государство? Общественная дискуссия о путях экономического развития России (вторая половина 1870-х — первая половина 1890-х гг.)»).

This research has been supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project no. 22-28-01267 “Commercial capital or the state one? Public debate about the path of Russia’s economic development (second half of the 1870s to first half of the 1890s)”.

усиливалась. При всей лояльности редактора к властям современники заслуженно видели в нем самостоятельную фигуру. Влияние суворинской газеты было столь значимым, что его пытался (не всегда успешно) использовать в своих интересах знаменитый «салонный» генерал Е.В. Богданович, первоначально выступавший за «концессионный» характер Сибирской железной дороги, а затем поддержавший ее строительство за счет казны. Сам А.С. Суворин, а также такие постоянные авторы газеты, как В.К. Петерсен и К.А. Скальковский, также первоначально были сторонниками частного капитала, видя в нем активное творческое начало. При этом «Новое время» вполне позитивно оценивало германский опыт «государственного социализма», однако указывало на его неприменимость в русских условиях, на отсутствие в стране достаточного количества активных и неподкупных чиновников. Еще в 1883 г. К.А. Скальковский вел полемику с М.Н. Катковым, критикуя его проект создания казенных хлебных элеваторов. Однако с середины 1880-х гг. редакция «Нового времени» была вынуждена поддерживать «государственнические» тенденции в хозяйственной жизни страны. В целом, экономическая политика того времени не имела столь догматического характера, как в последующую, социалистическую, эпоху. Подчиняясь политическим интересам, она была скорее инструментальной, практической и ситуативной по своей направленности, и неоднозначность позиции публицистов суворинского издания во многом была следствием последнего обстоятельства.

Ключевые слова: российская экономика, национализм, периодическая печать, железные дороги, А.С. Суворин, К.А. Скальковский, Е.В. Богданович, «Новое время», частный капитал.

Abstract. The article represents the first attempt at a comprehensive analysis of the economic journalism in A.S. Suvorin's newspaper *Novoye Vremya* in the 1880s. It was a period when after heated discussions about the role of private and state capital in the economy, the public sentiment and government policy increasingly shifted in favor of the necessity of state ownership in such strategically important areas of the national economy as railways, mining plants and forests. After A.S. Suvorin acquired ownership of the *Novoye Vremya* in 1876, the newspaper took on a noticeable national-democratic slant, which became increasingly more conspicuous over the years. Despite the editor's allegiance to the authorities, his contemporaries deservedly saw him as an independent figure. The influence of Suvorin's newspaper was so significant that the famous parlor general E.V. Bogdanovich tried (not always successfully) to use it to his advantage. Bogdanovich, who initially advocated the "concession" nature of the Siberian Railway, later supported its construction at the expense of the treasury. A.S. Suvorin himself, as well as such regular newspaper contributors as V.K. Petersen and K.A. Skalkovsky were also initially supporters of private capital, concerning it an active creative force. At the same time, *Novoye Vremya* assessed the German experience of "state socialism" quite positively, but pointed out its inapplicability to Russian conditions and the lack of a sufficient number of active and incorruptible officials in the country. In 1883 K.A. Skalkovsky engaged in polemics with M.N. Katkov, criticizing his project to create state-owned grain elevators. However, from the mid-1880s the editors of *Novoye Vremya* were forced to support "statist" tendencies in the eco-

conomic life of the country. In general, the economic policy of that time was not as dogmatic as in the subsequent socialist era. Subject to political interests, it was rather instrumental, practical and situational in its orientation, and the ambiguity of the position of the publicists of Suvorin's periodical largely resulted from the latter circumstance.

Keywords: Russian economics, nationalism, periodicals, railways, A.S. Suvorin, K.A. Skalkovsky, E.V. Bogdanovich, *Novoye Vremya*, private capital.

* * *

История суворинского «Нового времени» не обделена вниманием исследователей¹, однако обширные и многообразные материалы газеты (не случайно до сих пор так и не получившей своего комплексного, обобщающе-монографического исследования)² по-прежнему заключают в себе ряд малоисследованных, но значимых для истории общественной мысли сюжетов. К числу последних принадлежит и участие газеты в оживленных экономических дискуссиях того времени³, в частности — многолетней полемике о роли в экономике

¹ Очерк историографии вопроса дан в монографии: *Санькова С.М.* Два лица «Нового времени». А.С. Суворин и М.О. Меньшиков в зеркале историографии. Орел, 2011. Из более поздних публикаций следует упомянуть следующие: *Махонина С.Я.* А.С. Суворин и «князя-журналисты» // *Русская литература и журналистика в движении времени.* Ежегодник 2012. М., 2012. С. 112–124; *Прощенко А.А.* «Достоевец» Суворин: от противоборства к сближению // *Неизвестный Достоевский.* 2019. № 2. С. 149–170; *Шишкина Т.А.* Вопросы становления земского самоуправления в России на страницах русской печати второй половины XIX века (на примере публицистики А.С. Суворина) // *Управление стратегическим развитием территорий.* Сборник научных трудов / Отв. ред. О.Н. Фомин. Саратов, 2016. С. 132–133; *Шишкина Т.А.* Вопросы патриотизма в освещении российской печати второй половины XIX в. (на примере газеты «Новое время») // *Гражданственность и патриотизм в современном обществе.* Сборник научных трудов. Саратов, 2015. С. 153–157; *Шишкина Т.А.* Проблема преодоления аграрного кризиса и развития сельского хозяйства центральной части России в публицистике А.С. Суворина // *Управление стратегическим развитием территорий.* Сборник научных трудов / Отв. ред. О.Н. Фомин. Саратов, 2016. С. 132–133; *Шишкина Т.А.* Вопросы пореформенного развития России в публицистике А.С. Суворина // *Крестьянская реформа 1861 года и трансформация социально-экономической и политической системы в России: К 150-летию отмены крепостного права.* Сборник статей. Саратов, 2011. С. 131–139; *Котов А.Э.* С.С. Татищев и А.С. Суворин: спор о народном представительстве // *Таврические чтения 2016.* Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, 8–9 декабря 2016 г. Сборник научных статей. Ч. 1. СПб., 2017. С. 77–84; *Котов А.Э.* «Ненадежный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в. // *Российская история.* 2020. № 1. С. 107–114.

² Кроме упомянутой монографии С.М. Саньковой отметим также: *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998; *Макарова О.* «Женский вопрос» в жизни и творчестве А. С. Суворина. М., 2019.

³ Подробнее об экономических сюжетах на страницах «консервативной» печати см.: *Котов А.Э.* Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894–1899 годы // *Научный диалог.* 2018. № 7. С. 246–262; *Иванов А.А., Котов А.Э.* Экономическая публицистика газеты «Окраины России» (1906–1912 гг.) // *Вопросы истории.* 2019.

частного и государственного капитала⁴. Из ряда работ, посвященных этой дискуссии, выделяется статья В.Л. Степанова об эволюции воззрений М.Н. Каткова на таможенную политику. На примере отношения к таможенной политике в статье показана эволюция экономических взглядов М.Н. Каткова, которая произошла под влиянием примера прусского протекционистского курса, трудов Ф. Листа и — главное — под влиянием неблагоприятных экономических процессов 1880–1887 гг. Исследователь приводит удачную формулировку самого Каткова, прозвучавшую в 1886 г.: «Последняя война открыла нам глаза и показала путь, которым должна следовать наша экономическая политика: укрепленный войной принцип национальности положен был и в основу государственного хозяйства»⁵. Данный тезис отражал представления не только самого Михаила Никифоровича, но и общую смену государственной и общественной парадигмы: от фритредерства к протекционизму и от веры в необходимость преобладания частного капитала — к убеждению в необходимости государственной собственности на стратегически важные сферы народного хозяйства: прежде всего, железные дороги, горные заводы и леса.

До перехода в руки А.С. Суворина «Новое время» было одним из органов «аристократической» (а в сущности, либерально-консервативной) «партии»⁶, а затем и радикальной газетой, получившей в 1872 г. предостережения за восхваление «Капитала» К. Маркса и парижские корреспонденции П.Л. Лаврова. Его программа первоначально во многом совпадала с программой знаменитой газеты

№ 8. С. 50–63; *Степанов В.Л.* Н.Я. Данилевский о задачах экономической политики в пореформенной России // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 11–2. С. 44–48; *Степанов В.Л.* М.Н. Катков о проблемах таможенной политики в России: фритредерство или протекционизм? (1860–1880-е гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3 (8). С. 116–129; *Степанов В.Л.* Питейный вопрос в России на страницах изданий Михаила Каткова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1101–1117; *Федоров Д.А.* Дискуссия о «железнодорожном вопросе» на страницах периодической печати (1864–1878 гг.): провинциальный «Киевлянин» и русская публицистика // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 124–141.

⁴ *Гусман Л.Ю.* Очерки истории и идеологии русского конституционализма «эпохи великих реформ». СПб., 2017. С. 73–107; *Кирильчик Д.В.* Частный капитал в Туркестане: дискуссия на страницах периодических изданий в 1880–1910-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 4. С. 51–64; *Степанов В.Л.* Государство или частный капитал? Дискуссии в печати о реформировании железнодорожного хозяйства России в середине 1870-х — начале 1890-х гг. // Российская история. 2021. № 3. С. 51–69.

⁵ *Степанов В.Л.* М.Н. Катков о проблемах таможенной политики в России: фритредерство или протекционизм? (1860–1880-е гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3 (8). С. 120.

⁶ *Banaszkiewicz M., Kotov A.E.* Adam Honory Kirkor i gazeta “Nowoje Wriemia” — nieznaną kartą polsko-rosyjskiej historii intelektualnej // Przegląd Nauk Historycznych. 2021. N 1. P. 191–224.

«Весть» — да и ориентировались обе газеты примерно на одни и те же круги высшей петербургской бюрократии. Их экономические взгляды также были близки и в общих чертах соответствовали формулировке редактора «Вести» В.Д. Скарятин: «Всякое казенное хозяйство вообще более вредно, чем полезно»⁷. Впрочем, и постоянные оппоненты «Нового времени» и «Вести», такие как «Голос» и «Московские ведомости», ожесточенно полемизируя по другим вопросам, вполне могли в то время подписаться под следующими рассуждениями скарятинской «Вести»: «В нашем государственном хозяйстве, в новейший период времени, видимо начинают одерживать верх требования науки над вековою бюрократическою рутинною, успевшею ослабить всевозможные пружины государственного механизма. Требования же эти основываются на том, что наука отчуждает от государства право в экономическом смысле конкурировать с обществом и отдельными лицами на хозяйственном поприще. Казна, как это мы видели много лет и на опыте, не способна не только организовать на рациональных началах какое-либо промышленное предприятие, не только не способна вести хозяйственных операций, но и тормозит частную инициативу своим вмешательством в экономическую сферу народной жизни. Казна, наконец, во всем этом сама убеждается. И вот почему, вслед за передачею весьма многих хозяйственных отраслей деятельности в заведывание земских учреждений, в правительственных сферах является сознание необходимости в передаче государственных имуществ из ведения казны в распоряжение частных лиц. Сперва это сознание является лишь в отношении казенных горных заводов, но несомненно, что система отчуждений казенных имуществ впоследствии распространится на прииски, соляные озера, леса, земли и все другие хозяйственные отрасли <...> Юная наша частная металлическая промышленность с каждым годом делает такие быстрые успехи, что казне угоняться за ней было бы трудно. <...> Понятно, что как скоро на такую точку совершенства станет частная металлургическая промышленность, то необходимости существования казенных заводов не будет ощущаться даже и настолько, насколько нужны государству оборонительные средства. Военное и морское ведомства будут совершенно удовлетворяться частными заводами. Отсюда вытекает такое прямое заключение, что, если проект податной комиссии и сам горный департамент признают полезною продажу казенных заводов частным лицам, но с оставлением в постоянном заведывании казны такого количества заводов, которое необходимо для изготовления оборонительных орудий, то, с своей стороны, мы готовы и имеем основания

⁷ С Волги (Письма В. Д. Скарятин). X // Весть. 1864. № 27. 5 июля. С. 5.

отстаивать несомненную пользу безусловной продажи *всех* казенных заводов, так как казенный промысел зауряд с частным всегда оказывается тормозом последнему»⁸.

С переходом под редакцию А.С. Суворина газета приобрела ярко выраженную национально-демократическую окраску, которая с годами всё более усиливалась. «Лоялизм» Суворина 1880-х, воспетый В.И. Лениным в «Карьере»⁹, не должен обманывать читателя. Проницательные современники видели в нем самостоятельную фигуру. Не случайно А.В. Богданович записывала в начале 1881 г.: «В нем живет еще прежний Суворин, он еще не забыл свои прежние симпатии, и с ним правительство должно себя вести очень осторожно, не слишком его распускать, а также и не дразнить — он может быть опасен»¹⁰. По своим взглядам Суворин в целом тяготел к славянофильской традиции и даже в начале XX столетия оставался сторонником идеи созыва Земского собора¹¹. Своеобразным «Земским собором» — а вовсе не «парламентом мнений» — и стал круг авторов «Нового времени». Не допуская «разномыслия» по принципиальным вопросам — прежде всего, национальному — редакция вполне могла транслировать различные суждения, в частности, по вопросам экономическим.

Мнение самого Суворина также могло меняться в зависимости от политической ситуации, конкретных событий (например, резонансных железнодорожных катастроф) и различных субъективных факторов. Последним активно пользовался известный пропагандист строительства Транссибирской магистрали, «салонный» генерал Е.В. Богданович, прибегая при этом к таким весомым аргументом, «как живая стерлядь в 1 ½ аршина...»¹² или полученные из Лондона «два огромных куска английского сыра — Stilton», один из которых А.В. Богданович передавала А.И. Сувориной «за ее сочувствие к *южному направлению*» Транссиба¹³. Однако были среди постоянных авторов и принципиальные противники государственной собственности, такие как генерал-майор В.К. Петерсен или К.А. Скальковский. По всей вероятности, именно последнему принадлежит следующее философское наблюдение: «Все бывшие до сих пор продажи в России государственных имуществ имели плачевный исход. Когда пра-

⁸ Судьба нашего горного хозяйства // Новое время». 1870. № 282. 14 октября. С. 1.

⁹ Ленин В.И. Карьера // Полное собрание сочинений. Т. 22. М., 1968. С. 43–44.

¹⁰ Дневник А.В. Богданович // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Ед. 237. Л. 14.

¹¹ Котов А.Э. С.С. Татищев и А.С. Суворин: спор о народном представительстве // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Ч. 1. С. 77–84

¹² Е.В. Богданович — А.С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. 414. Л. 26.

¹³ Там же. Л. 49.

вительство их само эксплуатировало, не получалось дохода, когда продавало, покупатели не платили денег и требовали бесконечных рассрочек. Что за причина такого казуса — объяснить в двух словах трудно, но это факт»¹⁴.

Одним из важнейших дискуссионных вопросов того времени был вопрос о собственности на железные дороги. И здесь позиция «Нового времени» была неоднозначной. С одной стороны, на ее страницах отмечалось: «Завести государственное железнодорожное хозяйство теперь не позволяют обстоятельства, а недостатки настоящей смешанной системы достаточно тяжело ложатся на бюджет и на публику, чтобы продолжать ее казалось привлекательным. Достаточно оставить на попечении казны сибирский и среднеазиатский пути и затем не стеснять частную предприимчивость в деле сооружения железных дорог»¹⁵. С другой стороны, в той же рубрике указывалось, что «полное устранение всех темных явлений железнодорожного мира станет возможным лишь тогда, когда железнодорожное управление всецело перейдет в руки правительства и будет ограждено самую широкою гласностью и надлежащей постановкой железнодорожного строительства»¹⁶.

Таким образом, идея выкупа железных дорог и промышленных предприятий в казну редакцией не отрицалась — газета лишь указывала на издержки, с которыми была сопряжена национализация: «Очевидно, хозяином дороги у нас является по преимуществу казна, хотя от железных дорог она знает одни убытки, а все выгоды и барыши остаются в карманах частных обществ, для которых казна в настоящее время является лишь дойною коровою. Очевидно также, что если бы наше правительство решилось на выкуп дорог, то эта операция была бы для него облегчена до последней степени, благодаря указанному отношению казны к железнодорожному хозяйству»¹⁷.

Впрочем, положительные стороны национализации в этот период связывались с зарубежным — прежде всего, германским — опытом. Так, берлинский корреспондент газеты сообщал: «Убеждение, что необходимо не колеблясь перейти к системе казенных железных дорог со всеми ее последствиями, распространяется все более и более после того как приобретение казною года два тому назад восьми частных железных дорог увенчалось несомненным успехом как в денежном, так и в экономическом отношении и после того, как обнаружилось, что переход их в казну не сопровождался

¹⁴ Среди газет и журналов // Новое время. 1878. № 976. 15 ноября. С. 1.

¹⁵ Ежедневное обозрение // Новое время. 1880. № 1522. 25 мая. С. 1.

¹⁶ Ежедневное обозрение // Новое время. 1880. № 1537. 9 июня. С. 1.

¹⁷ Ежедневное обозрение // Новое время. 1880. № 1561. 4 июля. С. 1.

никакими убытками и единство в употреблении их привело к весьма полезным результатам»¹⁸. В другой корреспонденции того же автора сообщалось: «Приведение в исполнение идеи обращения железных дорог в государственную собственность будет принадлежать к числу наиболее полезных и важных задач, успешно выполненных нынешним сеймом»¹⁹.

Более года спустя «Новое время» констатировало: «Германское правительство сделало выгодное приобретение, выкупив железные дороги в казну. Излишка доходов над расходами с излишком хватает на уплату процентов и погашение по займам, выкупленным на покупку дорог. За второй год получился значительный чистый остаток в несколько десятков миллионов марок без всяких надбавок к тарифам. <...> Кроме финансовых выгод, государство получило выгоду иного рода — спекуляция изгнана из целой области народного хозяйства, район наживы от биржевой игры сузился, и поставлена первая преграда, затрудняющая развитие плутократии. Чистый доход с железных дорог, обращаемый на покрытие общих государственных расходов, в сущности возвращается плательщикам податей, вместо того, чтобы сделаться достоянием капиталистов в виде дивидендов»²⁰. Позже газета вновь подтверждала успех германской политики: «Ранее выкупленные у акционерных обществ дороги не только покрыли расходы по эксплуатации и расходы на увеличение подвижного состава, но и дали значительный излишек, употребленный на удовлетворение общегосударственных нужд — такой статьей, конечно, нельзя пренебрегать; каждая новая железная дорога, выкупленная казной, является новым источником дохода в бюджете»²¹.

Экономические успехи «молодого империалистического хищника» во многом связывались с эффективностью внутренней политики германского правительства — так называемого «государственного социализма»²². Традиционный антигерманский настрой не мешал газете указывать на сильные стороны политики национально-ориентированного правительства: «Князю Бисмарку нельзя не отдать справедливости в последовательности его действий во внутренней политике. Задуманные им экономические реформы, несмотря на сопротивление фритредеров и узких доктринеров, увенчиваются успехом и систематически доводятся к окончанию. Таковым, на-

¹⁸ Н. Берлин, 26-го января (7-го февраля) (Корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 1882. № 2130. 1 февраля. С. 2.

¹⁹ Н. Берлин, 2-го (14-го) февраля. (Корреспонденция «Нового времени») // Новое время. 1882. № 2138. 10 февраля. С. 2.

²⁰ Ежедневное обозрение // Новое время. 1883. № 2538. 4 мая. С. 1.

²¹ Ежедневное обозрение // Новое время. 1883. № 2768. 11 ноября. С. 1.

²² Ежедневное обозрение // Новое время. 1883. № 2616. 12 июня. С. 1.

пример, оказывается выкуп государством прусских частных железных дорог, которому предвещали неудачу, а между тем на практике он увеличил доходы правительства, без стеснения торговли и промышленности»²³.

Вместе с тем, «Новое время» указывало и на ограниченный характер германского опыта, иногда совершенно непригодного к отечественным условиям: «Мысль о казенном управлении железных дорог, как известно, сделала большие успехи, а в Германии даже близка к полному осуществлению. У нас тоже обращаются к этой мысли, но тут оказывается затруднение совсем особого свойства. По многим основаниям рождается опасение, как бы в казенных руках дело не пошло еще хуже, благодаря индифферентизму чиновников и мертвящему формализму бюрократического режима»²⁴. Это касалось и других сфер хозяйственной жизни, где к заграничному опыту также следовало относиться с осторожностью: «Уничтожение частных водочных заводов и сосредоточение их в руках казны, проектируемое в Германии, для России почти неприменимо: казенные фабрики и заводы у нас шли, идут и будут идти, по причинам, о которых не место теперь распространяться, очень скверно. Никакое казенное управление не в силах будет достигнуть тех результатов, которых достигали частные лица, своим умелым руководством доставлявшие известным водочным фирмам знаменитость. Водка казенного управления, как казенный табак во Франции, Австрии, Испании, будет нечто однообразное и безвкусное»²⁵.

Однако в собственно экономических статьях первой половины 1880-х гг., посвященных конкретным отечественным «кейсам», звучали скорее противоположные суждения и призывы. Так, автор статьи о казенных заводах размышлял: «Многочисленные примеры существования казенных промышленных учреждений достаточно доказали, что казна всегда оказывалась плохим заводчиком и фабрикантом и самые коммерческие операции ее в большинстве случаев оказывались убыточными. Это, можно сказать, общая судьба казенных промышленных заведений. Надеется ли горное начальство в данном случае предотвратить возможность такого оборота дел — мы не знаем, но несомненно, что некоторые изменения в системе управления заводами могли бы оказать услугу. Так, например, передача казенных заводов на известный срок на коммерческом начале товариществу специалистов гораздо более мирилось бы с выгодами производства, чем управление заводами теми же специалистами в

²³ Выкуп прусских железных дорог // Новое время». 1883. № 2620. 16 июня. С. 1.

²⁴ Среди газет и журналов // Новое время. 1882. № 2306. 31 июля. С. 2.

²⁵ Винная монополия // Новое время. 1886. № 3563. 28 января. С. 1.

качестве чиновников горного ведомства, мало заинтересованных в развитии и успехах промышленности. Несомненно, что эта индифферентность заправителей казенных производств к коммерческим успехам учреждений всегда наиболее губила промышленную деятельность казны в какой бы отрасли она ни проявлялась»²⁶. В статье, посвященной визиту в Россию крупного германского промышленника, отмечалось также: «Заводы, *поощряемые* казною, покровительствуемые, получающие субсидии, или, еще хуже, казною управляемые, сразу превращаются во что-то совершенно нелепое. Деятельность фабричная и торговая уходит на задний план, канцелярия выступает на передний, а директор, по мере увеличения своей важности, делается все более и более бесполезным для сущности заводской деятельности»²⁷.

Звучали на страницах газеты и голоса технических специалистов. Так, анонимный автор статьи «Сказочная сила» отмечал, что «казенная эксплуатация» любых предприятий дает «или из рук вон плохие произведения, или произведения прекрасные, но непомерно дорогие». Причину этого он видел в том, что «во всяком деле, в котором нет хозяина, т.е. человека, материально заинтересованного в самом детальном ходе, нельзя ожидать какого бы то ни было успеха. Работа требует страсти, а казна мертва и бесстрашна, как и всякая коллективно-служебная единица. Отношения казны к делу — формальны и всегда только формальными останутся, а потому ей с успехом и выгодой можно заниматься только такими делами, которые удобно укладываются в простую форму»²⁸. Автор другой статьи указывал: «Русская казна надолго будет являться тем дурным хозяином, который в страду рассуждает о плоде, в рабочее время — пишет инструкции, а когда все разумные люди кончили дело и завалились на печи, то начинает хлопотать о настоящей работе, по нужному для себя делу. Избытки праздного наблюдения (большею частью формального) без всякой тени определенной ответственности чиновников — вот истинная причина убыточности и неуспешности русского казенного хозяйства»²⁹. Даже в 1886 г., когда государственная политика уже явно склонялась к казенному железнодорожному строительству, на страницах «Нового времени» можно было прочесть следующее: «Не подлежит <...> сомнению, что казенное управление имеет свои специфические недостатки, присущие каждому казенно-

²⁶ Казенные горные заводы // Новое время. 1880. № 1559. 2 июля. С. 1.

²⁷ Крупн-сын в Петербурге // Новое время». 1880. № 1720. 10 декабря. С. 2.

²⁸ В. П-н. Сказочная сила // Новое время. 1882. № 2110. 12 января. С. 2.

²⁹ Неизменные свойства казенного хозяйства // Новое время. 1884. № 3031. 6 августа. С. 1.

му хозяйству во всех странах в мире, которые никакими софизмами официальных панегириков замазать нельзя. Источник этих недостатков — полная безответственность каждого казенного управления и отсутствие стимула, побуждающего действовать по возможности лучше. Есть, конечно, и в казенной службе исключения, но это стакан воды в океане общего правила»³⁰.

Не осталось «Новое время» в стороне и от оживившихся в это время дискуссий о Сибирской железной дороге, выражая при этом солидарность с теми изданиями, с которыми обычно полемизировало, — «Голосом», «Молвой» и «Санкт-Петербургскими ведомостями». Так, в одном из обзоров печати отмечалось, что «предположение строить сибирскую дорогу казенными чиновниками» вызывало у этих изданий «основательное недоумение»³¹. Солидарность эта во многом объяснялась активной координирующей деятельностью, которую развил еще со второй половины 1860-х гг. Е.В. Богданович. Махинации генерала в этой сфере вызывали сомнения у многих современников³². Однако «Новое время» до определенного момента последовательно отстаивало выгодный ему частный характер проекта: «Слух о том, что Сибирскую железную дорогу решено строить на казенные деньги, привел многих в недоумение. Неужели печальный опыт прошедшего не достаточно еще убедительно доказал нерациональность и несвоевременность подобного способа сооружения, чтобы вновь повторять его? спрашивали со всех сторон.<...> Действительно, где данные, из которых мы могли бы заключить, что двадцатилетний опыт умудрил наших путейцев и новые сооружения пошли бы у них втрое дешевле прежнего. Дело, впрочем, не в инженерах, а в системе. И в казне, и у частных лиц строят часто одни и те же техники, между тем в то время, когда частные железные дороги, при всех их недостатках и злоупотреблениях, обходились от 35 до 90 тысяч рублей за версту, казенные железные дороги обошлись в России от 90 до 150 тысяч рублей за версту, в среднем по крайней мере в 2 ½ раза дороже частных. <...> Отчего такая разница — объяснить легко. Концессионер <...> все-таки близко заинтересован в деле; он учитывает своих служащих, от главного инженера, получающего иногда по сту тысяч жалованья, до последнего десятника. Казна, правда, не даст главному инженеру и пяти тысяч, но зато контроль ее чисто бумажный и формальный. Другого и быть не может, так как “казна” понятие отвлеченное. <...> То, что сказано о железных до-

³⁰ Наши железные дороги // Новое время. 1886. № 3572. 6 февраля. С. 2.

³¹ Среди газет и журналов // Новое время. 1880. № 1645. 26 сентября. С. 2.

³² Друзин М.В. Е.В. Богданович: делец и деятель портформенного времени // Российская история. 2020. № 1. С. 98.

рогах, применимо, как известно, и к заводам, почтовым пароходам, верфям, землям, — везде казна показала себя дурным хозяином. Защитники казенных способов постройки возражают обыкновенно тем, что указывают на Финляндию, где казенная дорога построена довольно дешево. Это указание так же убедительно, как пример железной дороги на луне. Мало ли что дешево и хорошо в Финляндии, чего у нас быть не может! Зачем нам ходить в Финляндию, когда у себя на каждом шагу мы видим в чиновнике апатическое и рутинное отношение к делу. Почему же следует предполагать, что тот же чиновник, которым недовольны в Петербурге, Москве, Харькове, вдруг станет предприимчивым, смелым и усердным, когда его перенесут на пространство между Екатеринбургом и Тюменью?»³³

Два года спустя газета вновь выражала сомнение в способности построить дорогу на государственный счет: «Дело было совсем готово разрешиться, как министерство путей сообщения в сотый раз начало “изучать” вопрос: не выгоднее ли строить дорогу на казенные средства? Мало того, говорят даже, что это изучение как будто склоняет министерство к казенному способу. Этого только не доставало, чтобы окончательно затормозить появление дороги, которая осуществит свою задачу лишь тогда, когда чья-нибудь энергия подвинет дорогу смелою рукою до Волги с одной стороны и Амура и Тихого океана — с другой. Уж, конечно, не у казенных строителей отыщем мы эту энергию и не в казенных сундуках найдем те сотни миллионов, которые необходимы для грандиозного предприятия. Мысль о том, чтобы вновь строить железные дороги казенными средствами, вообще можно признать весьма неудачною. Не говоря уже о прежних постройках, счета которых не закончены за двадцать и тридцать лет по открытии движения, неужели недостаточно вразумителен опыт последних казенных сооружений?»³⁴

Однако по мере изменения государственной политики менялись и взгляды самого Богдановича — и здесь их взаимопонимание с Сувориным было на некоторое время утрачено. 18 декабря 1884 г. Комитет министров должен был обсуждать очередной проект строительства Сибирской железной дороги. За некоторое время до заседания Богданович направил Суворину свою статью, в которой доказывал, что «...нужно употребить все усилия, чтобы вразумить министров 18 декабря, что следует спешить Сибирской дорогой, начиная от Нижнего к воротам Сибири, а затем со временем, придем и к Сретенску по проекту Черняева»³⁵.

³³ Сибирская железная дорога // Новое время. 1880. № 1646. 27 сентября. С. 1.

³⁴ Сибирская железная дорога // Новое время. 1882. № 2359. 22 сентября. С. 1.

³⁵ Е.В. Богданович — А.С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 414. Л. 49.

Только 17 декабря 1884 г. «Новое время» опубликовало на первой странице обширный текст Богдановича под названием «Сибирская дорога — злоба дня», в которой генерал отстаивал «южное направление» будущего Транссиба, аргументируя свою правоту следующим образом: «Сибирская дорога строится для всей России, вместе с Сибирью, и должна удовлетворять общегосударственным целям. Здесь решающий голос принадлежит всецело совокупности всех экономических интересов государства, а не одному какому-нибудь специальному интересу – горнозаводскому, земледельческому или иному»³⁶. Сам Богданович придавал этой публикации большое значение и, посылая Суворину следующую статью, приуроченную к новому заседанию Комитета министров, писал: «Если бы статья “Злоба дня” появилась за неделю до заседания, то последовала бы другая развязка <...> Мой принципал, гуляя по Большой Морской 17-го декабря, сам слышал запросы разносчикам газет: “нет ли статьи Богдановича о Сибирской дороге?” А другой знакомый человек слышал, как один разносчик напротив Казанского собора, суля газету, приговаривал: “статья г. Богдановича, старосты Исаакиевского собора”. Дерзая сказать, что прилагаемая статья интереснее, выразительнее первой, и уповаю, что и она, быть может, подсобит делу»³⁷.

Однако следующую статью Суворин опубликовать отказался, сославшись — судя по очередному письму Богдановича, — на невозможность защиты чьих-либо личных интересов. Обиженный генерал в ответ доказывал свою бескорыстность: «почти накануне Выс[очайшей] Резолюции — я задался мыслию о возможности поправить дело и, потому, привел исторически, за 18 лет, все данные, свидетельствующие о том, как относились к делу “южной” Сибирской дороги общество, сословия и правительственные лица в самой Сибири, в России и даже в Европе. Такой перечень документальных указаний прежде всего оправдывал меня, показывая, что Богданович *не выдумал* какую-то линию, которою тревожил общественное мнение <...> Если в статье, между строк, обнаруживалось относительно некоторых лиц (Абаза и др.), что прежде они отстаивали одно, а теперь другое — то это уже не моя вина <...> Мне все кажется, что Вы взглянули на дело *по-своему* именно потому, что часто смешиваете мою роль в этом деле. Нередко Вы напоминали о концессии или о каких-то материальных выгодах, между тем, после того как Государь открыто отверг всякую иную постройку железных дорог кроме казенной, о концессиях или иных выгодах нет и речи. Для меня это

³⁶ Сибирская дорога — злоба дня // Новое время. 1884. 17 декабря. № 3164. С. 1.

³⁷ Е.В. Богданович — А.С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. 414. Л. 60.

вопрос нравственный, вопрос о том, над серьезным ли делом или над пустяками я работал 18 лет»³⁸. Впрочем, и это не убедило строптивого журналиста окончательно. Особенное возмущение Богдановича вызвало сообщение «Нового времени» о заседании Комитета министров 2 января 1885 г.: «Во вчерашнем номере “Нового времени” в “Экономическом обозрении” Вы сами говорите, что Сибирская дорога известна в публике под названием *дороги генерала Богдановича*. Казалось бы, тем скорее и тем с большим правом сей генерал может и даже должен представить свой *отчет* обществу <...> Вы указываете на какое-то противопоставление меня и Государя <...> Я Вам сто раз говорил, что Государь твердо стоит на способе *казенной постройки* железных дорог, а Вы вчера (там же) снова начали склоняться в пользу частных построек, т.е. *концессионного* способа»³⁹.

Одним из постоянных авторов «Нового времени» в первой половине 1880-х гг. был генерал-майор В.К. Петерсен, чье отношение к государственной собственности было достаточно сложным. Отмечая объективную тенденцию усиления роли государственного капитала в хозяйственной жизни страны, он смотрел на этот процесс довольно скептически: «Практика строительства общепольных сооружений путем частных концессий по-видимому потерпела в общем мнении фиаско, и теперь чаще чем когда-либо встречаются люди, готовые вовлечь казну в самые сложные и дорогие инженерные предприятия. Не разделяя во чтобы то ни стало ни общего негодования на железнодорожников и концессионеров, ни уповая особенно на лучший порядок ведения русского инженерного дела в казенных руках, я тем не менее должен сознаться, что вследствие неясно понимаемой у нас политики немцев, переходящих в деле эксплуатации железных дорог к казенному порядку, мнение о выгоде казенного строительства сравнительно с концессионным безусловно преобладает и в обществе вообще, и даже в обществе специалистов и инженеров над тем мнением, которое довольно часто высказывалось мною. <...> Нечего делать, обжегшись на молоке, подуем на воду, и презрев концессиями, которые раздавались столь легкомысленно, примемся за солидное ведение строительного дела в России руками агентов казны»⁴⁰. Последовательно критикуя «государственный социализм», Петерсен указывал на «невозможность осуществления на практике требований, при которых казенное хозяйство могло бы быть действительно контролируемо. Легко написать фактический

³⁸ Там же. Л. 45–46.

³⁹ Там же. Л. 49.

⁴⁰ *А-т (В.К. Петерсен)*. В мире подрядов // Новое время. 1883. № 2632. 28 июня. С. 1.

контроль — но где взять контролеров чиновников с такой привилегированной совестью, которая сама не нуждалась бы в контроле?»⁴¹

При этом Петерсен критиковал и зарубежный опыт «государственного социализма», указывая, правда, не на германский, а на куда менее удачный французский пример и ссылаясь при этом на авторитет И. Тэна: «Если государство управляет почтой и телеграфами, то еще никто не доказал, что оно ими управляет хорошо; если же здесь мы замечаем некоторый прогресс, то последний является главным образом потому, что почта и телеграф представляют всемирное дело в котором конкурируют между собою разные государства. Однако и здесь прогресс медлен, конкуренция еще везде очень дорога, а содержание агентов почтовых и телеграфных необыкновенно мала. Прежние казенные фабрики и заводы, занятые изготовлением средств защиты, ружей, пушек и пороху (так!) мало по малу везде переходят в частные руки, причем качество произведений этих фабрик с каждым годом улучшается, делается разнообразнее, совершеннее и дешевле. Если же везде заметна тенденция к переходу в казенные руки эксплуатации железных дорог, то на последнее существуют особые причины. Железные дороги никогда (за исключением Англии и Америки) не были вполне частными и вполне коммерческими предприятиями. <...> У нас в России, где катедер-социалистические порядки процветают и практикуются со времен Петра Великого, именно железнодорожное дело представляет яркий образчик, до какой невообразимой нелепости могут доходить люди, ничем с коммерческим делом не связанные и все-таки берущиеся управлять этим делом извне его. <...> Вот почему слова Тэна о стоимости казенного хозяйства даже во Франции на 25 проц<ентов> дороже частного и при значительно меньшей его производительности, в этом случае констатируют только факт, справедливость которого вполне уясняется чисто теоретическими соображениями»⁴².

Еще более активно выступал против «государственного социализма» К.А. Скальковский. Он был постоянным сотрудником редакции и близким другом семьи Сувориных — настолько близким, что А.В. Богданович передавала в своем дневнике рассказ его брата, А.А. Скальковского о том, что «Суворина влюблена в его брата Константина, но что он ведет себя очень осторожно с ней, чтобы не повредить своих отношений с Сувориным, что подчас бывает нелегко»⁴³.

⁴¹ *Альцест* (В.К. Петерсен). Экономическая загадка // Новое время. 1883. № 2703. 7 сентября. С. 3.

⁴² *А-т* (В.К. Петерсен). В области труда и капитала. Буржуазия и коллективизм // Новое время. 1885. № 3390. 6 августа. С. 2–3.

⁴³ Дневник А.В. Богданович // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Ед. хр. 241. Л. 68–68об.

Скальковский вел в газете ряд рубрик и большинство его публикаций выходило без подписи. К ним, по всей вероятности, принадлежала и цитированная выше рубрика «Среди газет и журналов». Однако значительную их часть не составляет труда атрибутировать — как по характерному ироническому стилю, так и по совпадению с текстами последующих авторских сборников.

Так, в 1881 г. Скальковский писал: «На основании каких же соображений и умозаключений можно прийти теперь к убеждению, что в будущем казенная эксплуатация железных дорог даст положительные результаты? Почему десять лет настолько изменили условия железнодорожной администрации, что казенные инженеры станут вдруг усердными, департаментские чиновники предприимчивыми и энергическими, а бумажный, чисто формальный контроль действительным? Мы по крайней мере не питаем на этот счет ровно никаких иллюзий. Казенное хозяйство, касается ли оно железных дорог, заводов, даже театров везде одинаково оказывается бесплодным, убыточным и рутинным. Да и быть другим оно не может, особенно при существующей у нас бюрократической организации, при которой никто ни за что не отвечает, каждый сваливает с себя ответственность на спину другого и самое пустое дело требует разрешения свыше, дожидаясь его по годам, причем продолжительность рассмотрения вовсе не гарантирует серьезность последнего. Толковать о пользе казенного хозяйства могут у нас лишь теоретики, слышавшие, что вот-де в Германии есть доходные дороги, умело управляемые казенными инженерами. <...> Понятие о “государстве” и очень отвлеченное и очень реальное. Государство, которое мы знаем и которое по отношению к железным дорогам выражается у нас в известном “ведомстве”, деятельность которого слишком хорошо знакомо не только по цвету кантиков, но и по другим правам и полномочиям, — это государство не оставляет ни малейшей почвы для какого бы то ни было идеальничанья»⁴⁴. Почти дословно повторяются эти тезисы в книге Скальковского «Современная Россия»⁴⁵, из чего видно, что и годы спустя Скальковский не переменял своих взглядов. Наиболее полный же разбор Скальковским концепции «государственного социализма» можно найти на страницах его сборника 1903 г.⁴⁶

В 1883 г. Скальковский вступил в полемику с М.Н. Катковым по поводу пропагандируемого последним проекта строительства

⁴⁴ Новая железнодорожная политика // Новое время. 1881. № 1782. 12 февраля. С. 1.

⁴⁵ Скальковский К.А. Современная Россия. Т. 1. СПб., 1890. С. 212, 213–214.

⁴⁶ Скальковский К.А. Очерки и фантазии. СПб., 1903. С. 261–270.

государственных хлебных элеваторов. Отвечая на катковские рассуждения о необходимости усиления государственного вмешательства в экономику, он под псевдонимом «Американский гражданин» отвечал: «...в России-то можно ли говорить о расширении сферы правительственного вмешательства в промышленную жизнь, когда правительство и без того является на каждом шагу и купцом, и фабрикантом, и перевозчиком и ремесленником? Несмотря на такое направление казенной деятельности, продолжающееся веками и объясняемое или малою инициативою народа или отсутствием среднего сословия, все, что делает казна на промышленном направлении, она делает крайне неудовлетворительно. Заводы казенные, имея даровой оборотный капитал, не погашая имущество и не платя налогов, никогда, кроме убытков, ничего не давали; казенные каналы верх неурядицы; пробовала казна строить железные дороги — вышло вдвое дороже, чем у частных лиц, образумилась, бросила, вновь принялась за постройку — вышло втрое дороже частных. <...> Вот как хозяйничает казна! Да что заводы, каналы или адмиралтейства. Если есть дом дурно содержимый, плохо ремонтируемый, с неисправной мостовой, то уже заранее каждому известно, что это дом казенный. Велика будет выгода для русской хлебной торговли, если точно так же будут содержаться казенные элеваторы! А г. Катков, мало того, даже хлебную инспекцию предполагает образовать из чиновников»!⁴⁷

Впрочем, на следующий день газета опубликовала и ответное «Письмо в редакцию», автор которого указывал на необходимость уточнения данных об «убытках казны», связанных с казенной постройкой железных дорог. Предполагая, что последняя обошлась «не вдвое, довольно будет сказать в полтора раза», он прибавлял к этому и то, что по крайней мере некоторые дороги построены казной хорошо». Но главное, автор письма отмечал и иную, отличную от указанной Скальковским, причину этого: «В том-то и дело, говорят противники отобрания железных дорог в казну, что Германия воспитала себе честных чиновников, а у нас рабы ленивые и лукавые не берегут достояния общегосударственного. Можно доказать цифрами, что частные акционерные железнодорожные общества еще хуже расхищают народное добро. Но в этом малое утешение или ровно никакого. Слабость государственного контроля у нас — коренная причина неудовлетворительного казенного хозяйства. Следовательно, прежде всего необходимо позаботиться об усовершенствовании контроля»⁴⁸.

⁴⁷ *Американский гражданин* (К.А. Скальковский). Г. Катков об элеваторах. (Письмо в редакцию) // Новое время. № 2767. 1883. 10 ноября. С. 1.

⁴⁸ В. Казенное хозяйство и контроль. (Письмо в редакцию) // Новое время 1883. № 2768. 11 ноября 1883. С. 1–2.

В ответ на это Скальковский настаивал на недопустимости смешения двух понятий «правительства, как органа верховной власти, и казны, как собственника и предпринимателя в области казенного хозяйства». По его утверждению, «не может быть и речи об ограничении сферы вмешательства правительства в экономическую жизнь. И не будучи государственным социалистом можно признавать, что самые священные интересы страны заставляют каждое правительство и монархическое, и республиканское, иметь бдительный надзор и за железными дорогами, и за внешней торговлей, и за фабриками, и за кредитом. Но если правительство обязано содействовать тому, чтобы железные дороги возили дешево рабочий класс, или чтобы таможенный тариф поощрял железное производство, или чтобы на бумагопрядильных фабриках не увечили малолетних или чтобы банки не обкрадывали вкладчиков, то это не значит, что правительство обязано возить рабочих в своих собственных вагонах, построить железные заводы, прясть бумажную пряжу и в торговле деньгами заменять банкиров и менял»⁴⁹.

Четыре дня спустя, продолжая полемику с Катковым, Скальковский прибавлял: «Правительство может отлично исполнять свои функции и все-таки быть плохим предпринимателем в области казенного хозяйства. Я уже пояснял это в ответе г. В, не рационально смешавшему два таких разнородных понятия, как правительство и казна. Оставляя же правительство в стороне, я покорнейше бы просил указать, где это казенное хозяйство в России идет лучше частного и где это оно может выдержать сравнение казенными хозяйствами Пруссии? Правда, г. Катков уверяет, будто “в специальном кругу” железнодорожного мира уже давно сложилось убеждение, что постройка дорог казной и лучше и выгоднее, чем постройка их частными предпринимателями», но признаться если такое убеждение в каком-либо кругу существует, то круг этот не может считаться “специальным”. Ибо какие же специалисты люди, которые не в силах справиться даже с арифметикой, а только незнанием последней можно объяснить утверждение, что казна строит железные дороги дешевле частных лиц»⁵⁰.

Тем не менее, перемена государственного курса в этой сфере нашла свое отражение и на страницах газеты. Уже в 1882 г. там отмечалось, что «выдвинутый эксплуатацией железнодорожными компаниями своего монопольного положения вопрос о переходе

⁴⁹ *Американский гражданин (К.А. Скальковский)*. Казенное хозяйство. (Письмо в редакцию) // Новое время. 1883. № 2769. 12 ноября. С. 1.

⁵⁰ *Американский гражданин (К.А. Скальковский)*. Казенные элеваторы. (Письмо в редакцию «Нового времени») // Новое время. 1883. № 2773. 16 ноября. С. 1.

наших рельсовых путей в собственность государства встречает почти единодушное сочувствие в русской печати»⁵¹. Предлагались и компромиссные варианты: «Так как казенное управление нашими железными дорогами встречает еще сильную оппозицию и многие сомневаются в предпочтительности путейского заведывания ими акционерному, то выкупаемые дороги можно было бы отдать в арендное содержание частным лицам, обставив подобные контракты наиболее выгодными для государственного казначейства условиями. Во всяком случае, вопрос о выкупе железных дорог, наступлении установленных для того двадцатилетних сроков, возникает с нынешнего дня и заслуживает, по нашему мнению, серьезного обсуждения, потому что доставляет правительству возможность, тем или другим способом, стать еще более твердою ногою в железнодорожном деле, в видах сокращения государственных расходов»⁵². Высказывалась мысль и об ограничениях, которые следовало наложить на частные железные дороги: «Железные дороги и по закону, и по существу дела суть *государственные* пути сообщения, это не частное предприятие, пользование услугами которого зависит от свободного согласия со стороны предпринимателя»⁵³.

Вновь и вновь возвращаясь к осмыслению западного опыта в этой сфере, редакция отмечала: «... у нас вопрос о выкупе железных дорог едва затронут и при том чрезвычайно робко, нерешительно. Несколько случаев отобрания частных дорог в казну были вызваны вовсе не убеждением в выгодности казенной эксплуатации рельсовых путей, а единственно безвыходным положением некоторых дорог. Приходилось или закрывать линию, или брать ее в казну, чтобы сохранить хоть часть затраченных на нее казенных денег. Можно даже сказать, что общий вопрос о выкупе частных дорог в казну у нас еще не возбуждался в правительственных сферах. Быть может, иное дело казенная эксплуатация в Германии, иное дело — в России. Но мы не желали бы думать, что ведомство путей сообщения считает неосуществимой у нас правильную, возможно дешевую и выгодную для всех — вообще честную эксплуатацию железнодорожной сети казенными средствами. Необходимо по крайней мере выяснить принципиальную сторону этого вопроса и так сказать его фактическую обстановку у нас»⁵⁴.

⁵¹ Среди газет и журналов // Новое время. 1882. № 2313. 7 августа. С. 2.

⁵² Передовая статья // Новое время. 1883. № 2476. 19 января. С. 1.

⁵³ Железнодорожное фритредерство // Новое время. 1883. № 2509. 21 февраля. С. 1.

⁵⁴ О выкупе железных дорог в казну // Новое время». 1883. № 2530. 15 марта. С. 1.

Постепенно позиция «Нового времени» сближалась с позицией «этатистских» «Московских ведомостей». Всё чаще, солидаризируясь с последними, «Новое время» критиковало именно сторонников частного капитала: «Многие улучшения в железнодорожном деле и притом самые настоятельные только и существенны при казенном управлении. Впрочем, все это становится чересчур банальным. Сколько уж времени возбуждаются такие речи, а железнодорожные дельцы слушают да кушают»⁵⁵. Вслед за катковским изданием газета сетовала на неспособность государства найти управу на последних: «К сожалению, мы очень любим подражать Пруссии в таких вещах, которые для нас или не нужны, или бесполезны, а где подражание действительно было бы полезно, там у нас оказывается свое “особое мнение”, вроде, напр<имер>, убеждения в неприкосновенности железнодорожных концессий и т. п.»⁵⁶ В целом же газета в этот период старалась придерживаться объективной позиции: «Теперешний опыт управления некоторыми железными дорогами имеет огромное значение. От него будет зависеть дальнейшее направление нашего железнодорожного вопроса, т.е. есть ли выгода брать дороги в казну или лучше оставить их в частном владении»⁵⁷.

При этом первоначально редакция не забывала своей прошлой критики казенных железных дорог — указывая на то, что этот опыт будет учтен: «Общая безурядица, запутанность счетов, невозможность даже определить, сколько затрачено было казною на постройку — все это заставило правительство надолго отказаться от системы казенных построек. Но вот 2–3 года назад сделана новая попытка испробовать казенные строительные силы и приобретенная центральною администрациею опытность в деле железнодорожных сооружений сказалась сразу, как в правильной постановке работ, так особенно в образцовой организации фактического и целесообразного контроля, чего совершенно недоставало при постройке Николаевской дороги»⁵⁸. Однако вскоре и этот прежний негативный опыт государственного хозяйствования стал забываться: «Дороги строились хорошо или по крайней мере сносно только казной; частные общества и подрядчики строили из рук вон плохо и недобросовестно. Точно также большая часть улучшений, сделанных в эксплуатации железных дорог, почти насильно навязаны были их правлениям министерством путей сообщения. Если б не это, пришлось бы специально застраховывать свою жизнь перед каждой поездкой по

⁵⁵ Среди газет и журналов // Новое время». 1883. № 2645. 11 июля. С. 2.

⁵⁶ Среди газет и журналов // Новое время». 1883. № 2723. 27 сентября. С. 3.

⁵⁷ Среди газет и журналов // Новое время. 1883. № 2732. 6 октября. С. 2.

⁵⁸ Еще один вид железнодорожной спекуляции // Новое время. 1884. № 2933. 29 апреля. С. 1.

нашим “костоломкам”. <...> Как ни хитро железнодорожное дело, не сложнее же оно нескольких отраслей государственного хозяйства в сложности: почтовой, телеграфной, лесной и горной. Далеко не образцово ведутся у нас эти части казенного хозяйства, казна, однако, умела поставить их так, что убытков не терпит»⁵⁹.

При этом газета старалась прислушиваться и к позиции самих «железнодорожных дельцов» — однако и тут сказывалась смена общественных настроений. Так, в январском номере 1885 г. было помещено интервью постоянного корреспондента газеты А.Н. Молчанова с «железнодорожным королем» С.С. Поляковым. Выступая против издержек быстрой национализации, знаменитый капиталист, тем не менее, признавал: «Что казенное управление есть идеал, есть государственная необходимость, есть, так сказать, венец железнодорожного дела — в этом я никогда не сомневался и никогда этого не отрицал»⁶⁰. Таким образом, мнение о необходимости перехода железных дорог в руки государства торжествовало окончательно: «Только теперь, после долгого и горького опыта, мы можем оценить всю дальновидность Николая Павловича в железнодорожном вопросе. Теперь и слепые начинают видеть, что значит отдать в частные руки дело железнодорожных сообщений»⁶¹.

В январе 1886 г. в «Новом времени» появилась статья «Казенные железные дороги», содержащая подробный разбор новой железнодорожной политики. В ней отмечалось, что «мысль о казенном управлении железными дорогами явилась у нас, как логический вывод из тех явлений в железнодорожном деле, которые стали неизбежно принадлежностью на большинстве частных дорог и которые, разоряя страну, вместе с тем и непосредственно истощали государственное казначейство, вызывая крупные приплаты по гарантии, постоянные ссуды на технические улучшения и т. д., и все это при полной автономии частных предпринимателей, при отсутствии деятельного правительственного контроля, при множестве ведомых и неведомых злоупотреблений в расходовании казенных сумм, в порядках управления и эксплуатации дорог». Неудача первых опытов национализации частных железных дорог объяснялась следующим образом: «Правительство лишь в крайних случаях прибегает к отчуждению в казну частных железных дорог, а именно, когда последние оказываются несостоятельными, т.е. когда они уже доведены частными предпринимателями до технической негод-

⁵⁹ Железнодорожное хозяйство // Новое время. 1884. № 3171. 24 декабря. С. 2.

⁶⁰ Молчанов А.Н. Беседа с железнодорожным миллионером // Новое время. 1885. № 3205. 29 января. С. 1.

⁶¹ Среди газет и журналов // Новое время. 1885. № 3297. 4 мая. С. 2.

ности и хозяйственной анархии. Можно себе представить, какую обузу возлагают на казенное управление эти незавидные приобретения». Тем не менее, автор не призывал к полному изгнанию частного из этой сферы: «Необходимо, чтобы в казенной сети, хотя бы небольшая доля состояла из дорог доходных, которые уравновешивали бы бездоходность большинства теперешних дорог. Тогда и только тогда казенное хозяйство может дать хорошие положительные результаты, как их дает почта и телеграф, не только окупающие бездоходные линии, но еще приносящие казне хорошие доходы»⁶².

Таким образом, ко второй половине 1880-х гг. позиция «Нового времени» окончательно склонилась к признанию неизбежности «огосударствления» железных дорог. Во многом это стало следствием смены государственной политики, которой издание в целом старалось следовать, и таких субъективных факторов, как влияние Е.В. Богдановича — по утверждению недоброжелателей, связанного в этот период с Управлением казенных железных дорог⁶³. Однако и в этот период редакция старалась подходить к вопросу по возможности объективно, руководствуясь прежде всего соображениями общенациональной пользы. В целом, экономическая политика того времени не носила столь догматического характера, как в последующую эпоху «исторического материализма». Подчиняясь политическим (национальным и/или партийным) интересам, она носила скорее инструментальный, практический и ситуативный характер. Наиболее ярко последнее проявилось в экономической публицистике суворинского «Нового времени» переломных 1880-х гг.

References

Banaszkiewicz M., Kotov A.E. *Adam Honory Kirkor i gazeta "Nowoje wriemia" — nieznaną kartą polsko-rosyjskiej historii intelektualnej* [Adam Honory Kirkor and the *Novoye Vremya* Newspaper — an Unknown Page of Polish-Russian Intellectual History] // *Przegląd Nauk Historycznych*. 2021. T. 1. S. 191–224.

Dinerstein E.A. *A.S. Suvorin. Chelovek, sdelavshiy kar'yeru* [A.S. Suvorin. A Self-Made Man]. Moscow: ROSSPEN, 1998. 375 p.

Druzin M.V. *E.V. Bogdanovich: delets i deyatel' poreformennogo vremeni* [E.V. Bogdanovich: Businessman and Activist of the Post-Reform Era] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. N 1. P. 91–101.

Fedorov D.A. *Diskussiya o "zheleznodorozhnom voprose" na stranitsakh periodicheskoy pechati (1864–1878 gg.): provintsial'nyy "Kiyevlyanin" i russkaya publitsistika* [A Discussion about the "Railroad Issue" on the Pages of Periodicals

⁶² Казенные железные дороги // Новое время. 1886. № 3546. 11 января. С. 1–2.

⁶³ *Implacable* (Де-Скroxовский К.О.) Наши железнодорожные и таможенные болячки или Голос вопиющего в пустыне. Кронштадт, 1887. С. 71.

- (1864–1878): The Provincial *Kievlyanin* and Russian Journalism] // *Novoye proshloye / The New Past*. 2021. N 4. P. 124–141.
- Gusman L. Yu. *Ocherki istorii i ideologii russkogo konstitutsionalizma “Epokhi velikikh reform”* [Essays on the History and Ideology of Russian Constitutionalism in the Age of Great Reforms]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Politekhnicheskogo instituta, 2017. 189 p.
- Ivanov A.A., Kotov A.E. *Ekonomicheskaya publitsistika gazety “Okrainy Rossii” (1906–1912 gg.)* [Economic Journalism of the Newspaper *Okrainy Rossii* (1906–1912)] // *Voprosy istorii*. 2019. N 8. P. 50–63.
- Kiril'chik D.V. *Chastnyy kapital v Turkestane: diskussiya na stranitsakh periodicheskikh izdaniy v 1880–1910-kh gg.* [Private Capital in Turkestan: A Discussion on the Pages of Periodicals in the 1880–1910s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2022. N 4. P. 51–64.
- Kotov A.E. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye aspekty rusifikatsii zapadnykh okrain Rossiyskoy imperii v otsenkakh konservativnoy pechati: 1894–1899 gody* [Economic and Social Aspects of Russification of the Western Outskirts of the Russian Empire in the Assessments of the Conservative Press: 1894–1899] // *Nauchnyy dialog*. 2018. N 7. P. 246–262.
- Kotov A.E. “*Nenadezhnyy drug*”: A.S. Suvorin i salon Bogdanovichey v kontse XIX v. [An “Unreliable Friend”: A.S. Suvorin and the Bogdanoviches' Salon at the End of the 19th Century] // *Rossiyskaya istoriya*. 2020. N 1. P. 107–114.
- Kotov A.E. S.S. *Tatishchev i A.S. Suvorin: spor o narodnom predstavitel'stve* [S.S. Tatishchev and A.S. Suvorin: A Dispute about Popular Representation] // *Tavricheskiye chteniya*. 2016. *Aktual'nyye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'*. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statey* [The 2016 Tauride Readings. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity. International Scientific Conference. Collection of Scientific Articles] / Ed. by A.B. Nikolayev. Part 1. Saint Petersburg: ElekSis, 2017. P. 77–84.
- Makarova O. “*Zhenskiy vopros*” v zhizni i tvorchestve A.S. Suvorina [Women's Issue in the Life and Work of A.S. Suvorin]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2019. 274 p.
- Makhonina S. Ya. A.S. Suvorin i “*knyaz'ya-zhurnalisty*” [A.S. Suvorin and the “Princes-Journalists”] // *Russkaya literatura i zhurnalistika v dvizhenii vremeni* [Russian Literature and Journalism in the Flow of Time]. Yearbook 2012. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2012. P. 112–124.
- Proshchenko A.A. “*Dostoyevets*” Suvorin: ot protivoborstva k sblizheniyu [“Dostoevets” Suvorin: From Confrontation to Rapprochement] // *Neizvestnyy Dostoyevskiy*. 2019. N 2. P. 149–170.
- San'kova S.M. *Dva litsa “Novogo vremeni”. A.S. Suvorin i M.O. Men'shikov v zerkale istoriografii* [Two Faces of the *Novoye Vremya*. A.S. Suvorin and M.O. Menshikov in the Mirror of Historiography]. Orel: Gosuniversitet-UNPK, 2011. 224 p.
- Shishkina T.A. *Problema preodoleniya agrarnogo krizisa i razvitiya sel'skogo khozyaystva tsentral'noy chasti Rossii v publitsistike A.S. Suvorina* [Overcoming the Agrarian Crisis and the Development of Agriculture in the Central Part of Russia in the Journalism of A.S. Suvorin] // *Upravleniye strategicheskimi razvitiyem*

territoriy. Sbornik nauchnykh trudov [Management of the Strategic Development of Territories. A Collection of Scientific Papers] / Ed. by O.N. Fomin. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya imeni P.A. Stolypina, 2016. P. 132–133.

Shishkina T.A. *Voprosy patriotizma v osvshchenii rossiyskoy pechati vtoroy poloviny XIX v. (na primere gazety "Novoye vremya")* [Issues of Patriotism in the Coverage of the Russian Press in the Second Half of the 19th Century (The Case of the Newspaper *Novoye Vremya*)] // *Grazhdanstvennost' i patriotizm v sovremennom obshchestve. Sbornik nauchnykh trudov* [Civic Spirit and Patriotism in Modern Society. A Collection of Scientific Papers]. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya imeni P.A. Stolypina, 2015. P. 153–157.

Shishkina T.A. *Voprosy poreformennogo razvitiya Rossii v publitsistike A.S. Suvorina* [Issues of Post-Reform Development of Russia in the Journalism of A.S. Suvorin] // *Krest'yanskaya reforma 1861 goda i transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy sistemy v Rossii: k 150-letiyu otmeny krepostnogo prava. Sbornik statey* [Peasant Reform of 1861 and the Transformation of the Socio-Economic and Political System in Russia: To the 150th Anniversary of the Abolition of Serfdom. A Collection of Articles]. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya imeni P.A. Stolypina, 2011. P. 131–139.

Shishkina T.A. *Voprosy stanovleniya zemskogo samoupravleniya v Rossii na stranitsakh russkoy pechati vtoroy poloviny XIX veka (na primere publitsistiki A.S. Suvorina)* [Issues of the Formation of Zemstvo Self-Government in Russia on the Pages of the Russian Press of the Second Half of the 19th Century (A Case of A.S. Suvorin's Journalism)] // *Mestnoe samoupravlenie v sisteme publichnoy vlasti. Sbornik nauchnykh trudov* [Local Self-Government in the System of Public Authority. A Collection of Scientific Papers]. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya imeni P.A. Stolypina, 2015. P. C. 82–83.

Stepanov V.L. *Gosudarstvo ili chastnyy kapital? Diskussii v pechati o reformirovanii zheleznodorozhnogo khozyaystva Rossii v seredine 1870-kh — nachale 1890-kh gg.* [State or Private Capital? Discussions in the Press about the Reform of the Russian Railway Industry in the Mid-1870s — Early 1890s] // *Rossiyskaya istoriya*. 2021. N 3. P. 51–69.

Stepanov V.L. *M.N. Katkov o problemakh tamozhennoy politiki v Rossii: fritrederstvo ili protektsionizm? (1860–1880-ye gg.)* [M.N. Katkov on Customs Policy in Russia: Free Trade or Protectionism? (1860–1880s)] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2020. N 3 (8). P. 116–129.

Stepanov V.L. *N. Ya. Danilevskiy o zadachakh ekonomicheskoy politiki v poreformennoy Rossii* [N. Ya. Danilevsky on the Objectives of Economic Policy in the Post-Reform Russia] // *Sovremennaya nauka. Aktual'nyye problemy teorii i praktiki*. Series *Gumanitarnyye nauki*. 2019. N 11–2. P. 44–48.

Stepanov V.L. *Piteynyy vopros v Rossii na stranitsakh izdaniy Mikhaila Katkova* [A Drinking Issue in Russia on the Pages of Mikhail Katkov's Publications] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 2022. Vol. 67. Issue 4. P. 1101–1117.

Поступила в редакцию
6 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-63-81

Б.М. Горелик

ОТРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТНЫХ НАСТРОЕНИЙ НАЧАЛА XX В. В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ПЕСНЕ О ЮЖНОАФРИКАНСКОЙ ВОЙНЕ

B.M. Gorelik

RUSSIAN FOLK SONG ABOUT THE SOUTH AFRICAN WAR AS AN EXPRESSION OF PUBLIC DISCONTENT OF THE EARLY 20th CENTURY

Аннотация. Около 120 лет назад в Российской империи на волне общественного интереса к первому крупному вооруженному конфликту XX в., англо-бурской войне 1899–1902 гг., родилась народная песня «Трансваль, Трансваль, страна моя». Ее текст основан на стихотворении петербургской поэтессы Г. Галиной. Песня о борьбе за свободу, которую вели жители далекой, преимущественно аграрной, как и тогдашняя Россия, страны, нашла отклик в русском обществе начала XX в. Его растущая политизация проявлялась, в том числе, в повышенном интересе россиян к противостоянию «крестьянских республик» (как отечественные публицисты называли Южно-Африканскую Республику и Оранжевое Свободное Государство) и Британской империи, стремившейся к экспансии в интересах крупного капитала. За один только 1900 г. в Российской империи вышли десятки специализированных и популярных книг и брошюр об этом конфликте на разных языках, а также сотни статей в газетах и популярных журналах. На эту войну откликнулись и русские литераторы. А песня о чужой войне на юге Африки на десятилетия закрепились в русском фольклоре и массовой культуре в целом. Важная причина популярности «Трансваля» в Российской империи состоит в том, что эта песня давала возможность, в безопасной для певца и его слушателей форме, выразить надежду на общественно-политические перемены. Появление песни и рост ее популярности совпадает с распространением протестных настроений в российском

Горелик Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Института Африки Российской академии наук

Gorelik Boris Moiseyevich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Centre for Southern Africa Studies
boris.gorelik@inafr.ru
ORCID: 0000-0001-8839-3889

обществе в 1900–1910-е гг. среди как городских, так и деревенских жителей. Песня переосмысливалась в процессе ее бытования: сочувствие к бурям, сражающимся против Британской империи, постепенно сменялось сочувствием к судьбе своих соотечественников. Русская народная песня, в которой отразились события в Южной Африки, побуждала жителей Российской империи задуматься об их собственных условиях жизни и о будущем родины.

Ключевые слова: англо-бурская война, Южная Африка, Трансвааль, политизация российского общества, русский песенный фольклор, историческое сознание.

Abstract. The folk song “Transvaal, Transvaal, My Country” emerged in the Russian Empire about 120 years ago. It happened in the wake of the extraordinary public interest in the first major armed conflict of the 20th century, the Anglo-Boer War of 1899–1902. The lyrics are based on a poem by a Saint-Petersburg poet, G. Galina. The song about the freedom struggle, which was waged by the people of a distant, but, like Russia, predominantly agrarian country, resonated with the early 20th-century Russian society. Its growing politicisation manifested itself in the keen interest that Russians took in the confrontation between two “peasant republics”, as Russian publicists termed them, and an empire, which had a strong army and a desire for expansion in the interests of its capital. The Russian song about a foreign war in Southern Africa became entrenched in Russian folklore and in Russian popular culture in general. A reason for the popularity of “Transvaal” in the Russian Empire was that the song enabled expressions of hope for social and political change in a form that was safe for the singer and his listeners under a repressive regime. The emergence and growing popularity of “Transvaal” coincided with the prevalence of protest sentiments in Russian society, among urban and rural residents, in the 1900s–1910s. The song changed its meaning over the years. Sympathy for the Boers who fought against the British Empire was gradually replaced by sympathy for one’s compatriots. The Russian folk song, inspired by the events in South Africa, prompted people in the Russian Empire to reflect on their own living conditions and the future of their homeland.

Keywords: Anglo-Boer War, South Africa, Transvaal, politicisation of Russian society, Russian verbal folklore, historical consciousness.

* * *

Введение

В первые годы XX в. в России родилась лирическая народная песня, которая начиналась так:

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне.

Эти слова и сегодня знакомы многим жителям нашей страны, даже если они не знают об англо-бурской войне 1899–1902 гг., кото-

рой посвящена песня. Ее текст — фольклоризированный вариант стихотворения «Бур и его сыновья» петербургской поэтессы Г. Галиной.

Российское общество было взбудоражено противостоянием ведущей капиталистической державы, Британской империи, и двух южноафриканских республик, Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, в которых, как и в тогдашней России, еще не завершилась трансформация аграрного общества в индустриальное. Впервые в массовом сознании жителей Российской империи отразились актуальные события на юге Африки. За один 1900 г. в нашей стране вышли десятки специализированных и популярных книг и брошюр об этом конфликте на разных языках, а также сотни статей в газетах и популярных журналах.

Англо-бурская война вызвала отклик и среди русских литераторов. На рубеже XIX–XX вв. были опубликованы стихотворение «Думы пленного бура» В.А. Гиляровского, сатирические стихи о британских военачальниках Ф.К. Сологуба, а также сочинения менее известных авторов, скрывшихся за псевдонимами и печатавшихся в юмористических журналах. Да и Г. Галина посвятила англо-бурской войне не одно стихотворение, а поэтический цикл — «К событиям в Трансваале». Издавались ноты и тексты бурских военных песен, а также гимна Трансвааля в переводе А.М. Евлахова. На музыку были положены и произведения русских поэтов. Музыкальные издательства выпускали ноты маршей, фортепианных фантазий, мелодекламаций и «воинственных песен буров», сочиненных отечественными композиторами.

По окончании войны в Южной Африке почти все эти произведения потеряли актуальность. Удачнее сложилась судьба стихов Г. Галиной. Песенная переработка стихотворения «Бур и его сыновья» на десятилетия вошла в русский городской и деревенский фольклор. «Казалось, не было такого уголка в России, где не пели бы эту песню, — отмечают историки А.Б. Давидсон и И.И. Филатова, первыми изучившие ее бытование. — Одинаково популярна среди монархистов, либералов и революционеров, она пелась и в петербургских трактирах, и в забытых Богом деревнях, и на длинных сибирских дорогах»¹.

Ее пели и в годы Первой мировой войны, и гражданской, и в последующий, относительно мирный период². А в 1940-е гг., когда стала

¹ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg, 1998. P. 252.

² Симаков В.И. Солдатские песни. Ярославль, 1915. См. также: Davidson A., Filatova I. Op. cit. P. 254.

необходима мобилизация жителей СССР для защиты родины от нацистского агрессора, песня подкрепляла тезис о священной войне, требующей участия всего народа. С началом Великой Отечественной войны «Трансваль», по свидетельству А.Т. Твардовского, «вновь зазвучал у нас с особым смысловым наполнением»³.

Историко-культурное значение песни «Трансваль» не только в том, что она надолго закрепились в русском фольклорном фонде и массовой культуре в целом. К этой народной песне обращались в своих произведениях литераторы, композиторы и кинематографисты⁴. Она десятилетиями напоминала жителям России о вооруженном конфликте на юге Африки. Поскольку в песенном тексте упоминаются южноафриканские реалии, даже ее переосмысления в контексте событий на родине сохранили связь с далекой войной, которой посвящены и сама песня, и ее поэтический источник. В значительной степени благодаря ей англо-бурская война на полвека сохранилась в историческом сознании российского, а потом и советского народов.

Песня «Трансваль» нетипична для русской военно-бытовой лирики. Хотя мотив прощания солдата с остающейся дома женой или невестой, а также описание военных будней и трагической гибели на поле боя часто встречаются в народных песнях о войне, эти произведения обычно посвящены вооруженным конфликтам, в которых Россия участвовала непосредственно (например, русско-турецкие войны, наполеоновские войны, русско-японская война). Певца и его аудиторию волновали чувства и судьбы русского солдата и его родных⁵. Но в песне, восходящей к стихотворению Г. Галиной «Бур и его сыновья», в центре внимания — южноафриканцы, а не русские. Россия не была вовлечена в англо-бурскую войну, о которой поется в этой русской народной песне. Родина, о которой горюет старый бур, — это в географическом и культурном отношениях далекая и чужая для певца и его слушателей страна на юге Африки.

Почему же песня о вооруженной борьбе потомков европейских колонистов за многие тысячи километров от России была сложена и воспринята русским народом? Почему она оставалась актуальной десятилетиями, невзирая на другие войны, революции и социальные потрясения, затмившие в коллективном сознании воспоминания о южноафриканском конфликте?

³ Твардовский А. Новомировский дневник. Т. 1. М., 2009. С. 493.

⁴ Краюшкина Т.В. Народная песня «Трансвааль» в русской прозе 20-х гг. XX в. — начала XXI в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 160–172.

⁵ Русская лирическая песня / Под ред. В. С. Бахтина. СПб., 2004. С. 36–37.

Этими вопросами задаются в России давно. В связи с песней «Трансваль» А.Т. Твардовский задумался о «живучести поэтического слова в общечеловеческом потреблении по самым загадочным (не вдруг понятным) причинам»⁶. М.А. Осоргин объяснял стойкую популярность этой песни тем, что русским свойственны сочувствие угнетенным народам, интернационализм, исключительная отзывчивость. Писатель считал, что песня об освободительной борьбе другого народа могла стать народной только в России⁷. Выдающийся петербургский фольклорист В.С. Бахтин высказывался осторожнее: «Трудно назвать причины популярности песни, неисповедимы пути судьбы». Впрочем, он тоже связывал широкое распространение «Трансваля» со всеобщим сочувствием в России к борьбе малочисленных, но свободолюбивых буров против могущественной Великобритании⁸.

Фольклор подвержен преобразованиям под воздействием творческой народной практики и внешних факторов. Народные песни могут приобрести новое значение при смене социально-политической обстановки. Фольклористы обратили внимание на переосмысление песни «Трансваль, Трансваль» в процессе ее бытования. Сочувствие к бурам дополнялось или даже заменялось сочувствием к судьбе своих соотечественников при царизме. По мнению А.М. Новиковой, песня стала восприниматься как косвенный призыв к борьбе с угнетением народа, не только южноафриканского, но и своего, российского⁹. Тем более, как напоминал музыковед В.Е. Гусев, и литературный прообраз песни (стихотворение Г. Галиной) соответствовал «свободолюбивым и революционно-патриотическим настроениям молодежи» 1900-х гг.¹⁰ Действительно, в стремительно политизировавшемся российском обществе на рубеже веков находили горячий отклик произведения фольклора и художественной литературы, прямо или косвенно призывавшие к политической борьбе. Леворадикальные силы видели в них средство пробуждения общественного сознания в преддверии революции¹¹.

Если эти предположения верны, то лирическая песня о далеких бурах обладала протестным потенциалом, который проявился в пер-

⁶ Твардовский А. Новомирский дневник. Т. 1. С. 493.

⁷ Осоргин М.А. Времена. Происшествия зеленого мира. М., 2005. С. 303.

⁸ Жили-были... Разговоры с В.С. Бахтиным / Под ред. О. Комаровой. СПб., 2006. С. 106.

⁹ Русские народные песни / Под ред. А. М. Новиковой. М., 1957. С. 26.

¹⁰ Песни и романсы русских поэтов / Под ред. В. Е. Гусева. М.; Л., 1965. С. 46–47.

¹¹ Корелин А.П., Тютюкин С.В. Революционная ситуация начала XX в. в России // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 23.

вые же годы ее существования. Я проверил эту гипотезу, опираясь на материалы, которые проясняют социально-политический контекст появления исходного стихотворения и народной песни, ее бытование, восприятие песни и литературного прообраза социальными группами в досоветский период. В качестве источников, помимо обычных для исторического исследования дневников, мемуаров и автобиографических художественных произведений, были задействованы звукозаписи и нотные издания; поэтические сборники, в том числе изданные социалистическими организациями и нелегально распространявшиеся в Российской империи; песенники; литературные рецензии. Привлекались также труды по литературоведению и фольклористике.

Участие Г. Галиной в протестном движении

Стихотворение, ставшее литературным источником народной песни «Трансваль, Трансваль», было создано петербургской поэтессой Глафирой Адольфовной Эйнерлинг, писавшей под псевдонимом «Г. Галина». Дочь главного кассира Александровского театра и хористки по окончании гимназии работала на телеграфе. Только выйдя замуж в конце 1890-х гг., она смогла посвятить себя творчеству.

Ее литературная репутация противоречива. С одной стороны, современники упрекали поэтессу за излишнюю сентиментальность, банальность рифм и шаблонность метафор. Особую неприязнь ее творчество вызывало у символистов. По мнению З.Н. Гиппиус, Галина испытывала «панический ужас перед живым и правдивым словом»¹². В.Я. Брюсов считал поэтессу «бездарной», обреченной «навсегда остаться в тюрьме условностей и общих мест»¹³.

Кроме того, с 1910-х гг. среди творческой интеллигенции ее имя стало ассоциироваться с литературной поденщиной. Расставшись с мужем, она оказалась в материальной зависимости от гонораров за свои стихи и сказки для детских журналов. Поэтесса признавалась, что ради заработка ей приходится «насиловать свое творчество и работать по заказу»¹⁴. Саша Черный даже сделал ее героиней эпитаграммы о поэтах-халтурщиках: Галина, как птичка, сидит на ветке, читает слащавые стихи скучающим детям и спрашивает журнального редактора: «Сколько напикала строчек?»¹⁵ Финансовые трудности

¹² Крайний А. [Гиппиус З.Н.] Весна пришла (Поэзия г-жи Галиной) // Новый путь. 1903. Апрель. С. 175–176.

¹³ Брюсов В.Я. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1975. С. 321.

¹⁴ Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей / Под ред. Ф.Ф. Фидлера. М., 1911. С. 143.

¹⁵ Черный С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1996. С. 90–91, 408.

преследовали ее до конца жизни. Писательница, подрабатывавшая переводами и получавшая небольшую пенсию, умерла в пригороде блокадного Ленинграда в 1942 г.¹⁶ В советский период ее новые произведения не публиковались.

С другой стороны, некоторые ее стихотворения считались в Российской империи вольнодумными, даже революционными. Впервые ее стихи появились в печати в «Живописном обозрении» в 1895 г. Редактор журнала, либерал А.К. Шеллер-Михайлов, помог начинающему автору выбрать псевдоним и поощрял ее занятия литературой. С 1899 г. стихи и прозу Галиной часто публикуют ведущие либеральные и социалистические журналы: «Русское богатство», «Мир Божий», «Жизнь», «Журнал для всех». Ее сотрудничество с ними началось по протекции В.Г. Короленко, редактора неонароднического «Русского богатства»¹⁷.

В 1902 г. вышел ее первый поэтический сборник. Бывший на родоволец П.Ф. Якубович в рецензии для «Русского богатства» отметил жизнерадостную искренность молодого поэта. Сравнивая ее стихи с поэзией декадентов, он так описал свое впечатление: «Точно веселый луч солнца ворвется вдруг в серую, залитую скукой и холодом, жизнь!»¹⁸ А.Н. Куприн также считал достоинством ее лирики безыскусность и задушевность¹⁹.

В начале 1900-х гг. Г. Галину причисляли к поэтам либеральных и социалистических взглядов. В своих стихах она выражала симпатии не только борцам против британского империализма на юге Африки, но и протестующим против царского режима у себя на родине. Как сообщается в Энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона (1905), именно произведения, проникнутые «общественным настроением», принесли ей известность²⁰.

В первую очередь это относится к стихотворению «Лес рубят — молодой, нежно-зеленый лес...» (1901), которое в первые годы распространялось лишь в списках и нелегальных изданиях. Стихи созданы под впечатлением от правительственных репрессий в отношении протестующего студенчества. Непосредственным стимулом стало решение властей об отдаче 183 киевских студентов в солдаты за

¹⁶ Запорожцева Н.С. Тайны сарапульского зрителя. Сарапул, 2016. С. 105, 108, 159–160.

¹⁷ Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь / Под ред. П.А. Николаева. Т. 1. М., 1989. С. 515.

¹⁸ Мельшин Л. [Якубович П.Ф.] Очерки русской поэзии. СПб., 1904. С. 367.

¹⁹ Куприн А.И. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 2007. С. 432.

²⁰ Энциклопедический словарь. Доп. том Iа. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1905. С. 494.

участие в беспорядках. Преследования, считала поэтесса, не смогут подавить сопротивление:

Лес рубят... Но земля укроет семена:
Пройдут года, и мощной жизни силой
Поднимется борцов зеленая стена —
И снова зашумит над братскою могилой!²¹

Г. Галина впервые прочитала это стихотворение на вечере петербургского «Союза взаимопомощи русских писателей» в присутствии М. Горького, В.Г. Короленко, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Н.К. Михайловского, В.И. Немировича-Данченко и К.С. Станиславского²².

А через две недели, 17 марта 1901 г., около Казанского собора в Петербурге состоялась, как записал в дневнике император Николай II, «давно ожидавшаяся крайне некрасивая демонстрация толпы молодежи с разночинцами»²³. Многочисленные участники солидаризировались с киевскими студентами. Полиция и войска жестоко разогнали демонстрацию. Союз писателей, выступавший за широкое обсуждение причин студенческого движения, был распущен по требованию властей. Наряду с другими активистами союза, Г. Галина подверглась преследованию. За чтение стихотворения «Лес рубят...» на вечерах, где проводился сбор средств на «революционные цели», поэтесса была выслана из столицы²⁴.

Крамольное стихотворение воспринималось с тех пор как отклик на разгон петербургской манифестации. В нем видели протест против произвола карательных органов самодержавия. Эти стихи декламировали на подпольных собраниях наряду с горьковской «Песней о Буревестнике»²⁵. Они вышли в эсеровском «Вестнике русской революции»²⁶. В.И. Ленин планировал напечатать «Лес рубят...» в редактируемой им социал-демократической газете «Искра», потому что эти стихи, по его мнению, отражали «общественное настроение» в России²⁷. Найти место для стихотворения в газете все же не удалось, но в следующем, 1902 г. оно вошло в поэтический сборник «Песни борьбы», который выпустила женева типография

²¹ Избранные произведения русской поэзии. СПб., 1908. С. 224.

²² *Скиталец С. Г. Максим Горький (Встречи)* // Сборник воспоминаний о жизни М. Горького в Нижнем Новгороде / Под ред. А.И. Елисеева. Горький, 1937. С. 150.

²³ Дневники императора Николая II (1894–1918). М., 2011. С. 585.

²⁴ Русские писатели. 1800–1917. Т. 1. С. 515.

²⁵ Поэзия в большевистских изданиях. 1901–1917 / Под ред. И.С. Эвентова. Ленинград, 1967. С. 422–423.

²⁶ Лес рубят (стихотворение) // Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 16.

²⁷ Дун А. О двух стихотворениях, предназначавшихся для ленинской «Искры» // Русская литература. 1963. № 3. С. 161.

«Искры» под грифом РСДРП²⁸. Это и стало первой публикацией произведения Г. Галиной.

Стихотворение «Лес рубят...», с его оптимистическим финалом, должно было приободрить читателей, укрепить веру в неизбежность перемен, дать надежду на возобновление борьбы. Поэтому в 1900–1910-е гг. оно вошло в несколько сборников прогрессивной и даже революционной поэзии, в том числе распространявшихся нелегально. Его можно найти и в антологии «Перед рассветом», подготовленной большевичкой В.М. Бонч-Бруевич, женой близкого соратника Ленина, при участии Ю.О. Мартова. Во время Первой русской революции этот социал-демократический сборник стихов и песен для российских рабочих выдержал два издания, и в каждом из них присутствовал «Лес рубят...»²⁹. Прямая отсылка к этой антологии содержится в названии второго поэтического сборника Г. Галиной — «Предрассветные песни» (1906)³⁰.

Хотя с 1904 г. стихотворение «Лес рубят...» публиковалось в России легально, за авторской подписью, оно осталось популярным среди революционеров³¹. В 1908 г. В.Д. Бонч-Бруевич включил его в свою антологию «Избранные произведения русской поэзии». Сборник, выпущенный в Петербурге и несколько раз переиздававшийся, содержал более 800 стихотворений о свободе и борьбе за нее. Помимо стихотворения «Лес рубят...», в этой книге было приведено и произведение, которому суждено было стать литературным прототипом народной песни «Трансваль, Трансваль».

Литературный прообраз

Стихотворение «Бур и его сыновья» было создано 26-летней поэссой в 1899 г. Именно тогда она впервые активно выступила в печати со своими стихами.

Через две недели после начала англо-бурской войны Галина заметила в иллюстрированном приложении к «Новому времени» рисунок на основе фотографии «Бур и его десять сыновей, вооруженных для похода»³². На снимке времен первой войны между Трансваа-

²⁸ Песни борьбы. Poésies Révolutionnaires. Сборник революционных стихотворений и песен. Женева, 1902. С. 105–106.

²⁹ Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Женева, 1905. С. 20–21; Перед рассветом. Сборник революционных песен и стихотворений. Berlin, 1906. С. 41.

³⁰ Галина Г. Предрассветные песни. СПб., 1906.

³¹ Якубович П. Русская муза. Собрание лучших оригинальных и переводных стихотворений русских поэтов XIX века. СПб., 1904. С. 403.

³² Новое время. Иллюстрированное приложение. 1899. № 8490. 16 (28) октября. С. 12.

лем и Британской империей (1880–1881) была изображена группа вооруженных мужчин разного возраста: от пожилого отца до его младших сыновей-подростков. Это изображение, появившееся тогда во многих изданиях, способствовало формированию в российском обществе ложного представления о том, что почти все граждане южноафриканских республик мужского пола, от подростков до стариков, взялись за оружие для защиты своих республик. В России продавался плакат «Семейство буров» с лубочной картинкой, интерпретирующей всё тот же снимок. Кроме того, Г. Галиной, вероятно, был известен отразившийся в сообщениях русской прессы мотив: бурский подросток убеждает отца взять его с собой на фронт вместе со старшими братьями³³.

Под впечатлением от известной иллюстрации Г. Галина написала «Бур и его сыновья». И 30 октября 1899 г. стихи появились в «Новом времени», одной из влиятельнейших ежедневных газет в России³⁴. Для поэтессы, которая до того писала преимущественно о красоте природы, одиночестве и мечтах о настоящей любви, стихи «Бур и его сыновья» стали, по-видимому, первым опытом гражданской лирики. Впоследствии она написала еще четыре стихотворения о свободолюбии и патриотизме, объединив их в цикл «К событиям в Трансваале» и включив в свой первый поэтический сборник (1902)³⁵.

Упомянутая антология Бонч-Бруевича «Избранные произведения русской поэзии» содержит восемь произведений Г. Галиной. В этих стихах — возмущение насилием и произволом, призыв к борьбе с цинизмом и равнодушием, скрывающимися под маской благоразумия, похвала «горячей, родной молодежи», жертвующей собой ради свободы. Здесь и второе стихотворение из цикла «К событиям в Трансваале»: «Последний выстрел», о двух братьях, сражающихся в бурском отряде. Когда первый брат погибает, не успев отомстить врагам свободы, второй берет его ружье, заряжает и продолжает бой³⁶. Подобное могло произойти и на баррикадах, которые оборонялись бастующими рабочими в России в 1900-е гг.

После Первой русской революции поэтесса продолжала сотрудничать, в том числе, с леворадикальными (по меркам реакционного режима) изданиями. Например, ее стихи напечатаны в первом

³³ См. подобную историю, опубликованную за несколько дней до стихотворения Галиной: Картинки войны // Московские ведомости. 1899. № 293. 24 октября (5 ноября). С. 4.

³⁴ Галина Г. Бур и его сыновья // Новое время. 1900. № 8492. 18 (30) октября. С. 3.

³⁵ Галина Г. Стихотворения. СПб., 1902. С. 159–169.

³⁶ Избранные произведения русской поэзии. С. 224–227.

и единственном номере «Нашего журнала» (1908), запрещенного властями за поддержку революционных настроений³⁷. Она не теряла связи с Бонч-Бруевичем, в том числе в советский период. Сохранилось письмо Г. Галиной к нему как руководителю издательства ЦК РКП(б) «Коммунист» от августа 1920 г. Поэтесса сообщает о бедственном положении своей семьи в Петрограде, просит ускорить выплату гонорара за публикацию и помочь с работой. «Знаю Вас за отзывчивого человека, — пишет она, — и поэтому надеюсь, пособите, чем сможете»³⁸.

Происхождение и бытование песни

Поэтесса в дошедших до нас письмах и автобиографиях не упоминала о своем трансваальском цикле. Критика также не благоволила к нему. Куприн считал эти стихи Г. Галиной «менее удачными», чем ее пейзажная и любовная лирика³⁹. Тем не менее фольклоризированная версия ее стихотворения об отце и его сыновьях, отправившихся воевать за свою южноафриканскую родину, разошлась по России и стала по-настоящему народной.

Стихотворение «Бур и его сыновья» сразу привлекло общественное внимание. В первые же месяцы после публикации в «Новом времени» эти стихи перепечатывались в изданиях как для юных, так и для взрослых читателей. Иногда публикация иллюстрировалась вдохновившей поэтессу фотографией престарелого бура и его десяти сыновей, собравшихся на войну⁴⁰.

Мелодичность ее поэзии отмечали Куприн и другие современники. «Короткие, певучие строчки г-жи Галиной скорее следует называть „песнями“: они льются так же свободно и непосредственно, как трели поющей на заре птицы», — писал П.Ф. Якубович⁴¹. Музыкальность, возможно воспринятая ею от матери, профессиональной певицы, привлекала к ее произведениям выдающихся русских композиторов. Б.В. Асафьев, Р.М. Глиэр, М.Ф. Гнесин, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чайковский положили ее стихи на музыку. Некоторые стихи, в том числе вызвавшие неодобрение литературных рецензентов, были использованы сразу несколькими авторами. Стихотворение «Лес

³⁷ Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века / Под ред. Б.А. Бялика и др. Кн. 1. М., 1981. С. 351.

³⁸ Цит. по: *Запорожцева Н.С.* Тайны сарапульского смотрителя. С. 239–240.

³⁹ *Куприн А.И.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 432.

⁴⁰ Об отражении событий этой войны в русских изданиях для юношества см.: *Горелик Б.М.* Англо-бурская война в представлении детей и подростков в Российской империи // Ученые записки Института Африки РАН. 2023. № 1 (62). С. 105–119.

⁴¹ *Куприн А.И.* Полное собрание сочинений. Т. 3. С. 432; *Мельшин Л.* [Якубович П.Ф.] Очерки русской поэзии. С. 368.

рубят...» стало основой для двух песен⁴². С.В. Рахманинов написал три романса на стихи Г. Галиной, и музыковед В.Е. Гусев отмечал, что обращение великого композитора к ее поэзии — «знаменательный факт в истории русской песенной культуры начала XX века»⁴³.

Стихотворение «Бур и его сыновья» вскоре после опубликования было положено на музыку для голоса и фортепиано непрофессиональным петербургским композитором Михаилом Алексеевичем Губченко. Ноты были выпущены отдельным изданием в том же 1899 г.⁴⁴ Тем не менее, музыка Губченко не прижилась. Сохранилась звукозапись хорового исполнения песни (1900-е гг.), в точности следующего тексту Г. Галиной, но с другой мелодией, напоминающей «Среди долины ровныя»⁴⁵. Эта мелодия используется и в народной песне «Трансваль», которая появилась в тот же период.

Песня «Трансваль» возникла благодаря коллективному творчеству, существенной переработке стихотворения в устном обиходе. Песенный текст, так же как стихотворение-прообраз, состоит из четверостиший с чередованием четырехстопных и трехстопных ямбических строк. Но, если в стихотворении было семь строф, то в песенной версии — восемь или девять. В большинстве вариантов «Трансваля» лишь одна строфа заимствована из произведения Г. Галиной почти без изменений («Настал, настал тяжелый час / Для родины моей...»)

Стихотворение написано от первого лица, как монолог старого бура, а в народной песне его слова передает собеседник. Кроме того, из песни мы узнаем, что четверо сыновей бура уже погибли в бою, а младшему — не 13 лет, как у Галиной, а лишь 12. В отличие от поэтического прототипа, текст песни содержит указание, что действие происходит в южноафриканской республике. Более того, появляются и самые известные, начальные строки, которые отсутствовали в стихотворении. В ранних вариантах они звучали так:

Трансваль, Трансваль, звезда моя!
Ты вся горишь во мне.

После фольклорной шлифовки, изменения певцами в 1910-е гг. сложился другой вариант:

Трансваль, Трансваль, страна моя,
Ты вся горишь в огне.

⁴² Глебов И. [Асафьев Б.В.] Русская поэзия в русской музыке. Петроград, 1922. С. 37–38.

⁴³ Песни и романсы русских поэтов. С. 46–47.

⁴⁴ Галина Г., Губченко М. Бур и его сыновья. СПб., 1899.

⁴⁵ Хор В.С. Варшавского. Трансваль. Граммофонная пластинка. М.: Пате Рекорд, 190?. Каталогный номер: 27921.

В песню введен отсутствующий у поэтессы сюжет о том, как младший сын, оказавшись с отцом и братьями на фронте, спасает свой отряд. Когда бойцы лишились обоза, этот «малютка на позицию ползком патрон принес». Происхождение эпизода, вероятно, нужно искать в тогдашней популярной культуре. Например, в пантомиме «Англо-трансваальская война», шедшей в крупнейших российских цирках в начале 1900 г., была похожая сцена. Во время стычки с англичанами капитан бурского отряда обнаруживает, что у него не осталось патронов. Его юный сын вызывается принести их, но в поле мальчика сражает неприятельский снаряд⁴⁶.

Бродячие шарманщики разнесли эту песню по городам и селам. За исполнение «Трансваля» юный Константин Паустовский и другие гимназисты, сочувствовавшие бурам, отдавали уличным музыкантам деньги, припасенные на мороженое⁴⁷. Шарманка принесла «Трансваль» и в дом учителей Смоличей в Умани. Песня глубоко взволновала семью, — в том числе, сына Юрия, будущего председателя Союза писателей Украинской ССР. Мальчик решил: «Когда вырасту и буду большой, непременно сделаю так, чтоб противные англичане не смели притеснять бедных буров»⁴⁸.

Художник Ю.П. Анненков вспоминал, что эту песню исполняли в петербургских трактирах. Гармонисты громко играли «Трансваль» для извозчиков, студентов, проституток и мелких чиновников. Посетителей до слез трогало, что бурский мальчик собирается отдать жизнь за родину. «Трактирные песни — бумажные розы своего времени, — заключает Анненков, — они линяют от пролитого пива, оставляя пятна на скатертях»⁴⁹.

А.Г. Железняков, участвовавший в разгоне Учредительного собрания и вошедший в историю как Матрос Железняк, в детстве слышал, как старшая сестра пела «Трансваль» под гитару. А его старший брат, в будущем тоже революционный матрос и анархист, подростком тайно покинул дом, чтобы уехать к воюющим бурам, но был пойман и возвращен к родителям⁵⁰.

В.В. Маяковский, любивший народные песни, в юности часто пел с друзьями «Трансваль»⁵¹. Возможно, поэту вспомнилось об

⁴⁶ Дмитриев Ю. Русский цирк. М., 1953. С. 192–193.

⁴⁷ Паустовский К. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1982. С. 44.

⁴⁸ Смолич Ю. Детство. М., 1937. С. 7.

⁴⁹ Анненков Ю.П. Повесть о пустяках. СПб., 2001. С. 37.

⁵⁰ Мар Е. Человек из песни. Рассказы о герое гражданской войны Анатолии Железнякове. М., 1963. С. 11.

⁵¹ Хлестов Н.И. Памятные годы // Маяковский в воспоминаниях родных и друзей / Под ред. Л.В. Маяковской и А.И. Колоскова. М., 1968. С. 100.

этом в жаркий день 1927 г., когда, открыв окно рабочего кабинета, он увидел во дворе шарманщика, исполнявшего знакомую мелодию. К ногам музыканта жители бросали монеты из окон квартир. Этот момент Маяковский запечатлел в поэме «Хорошо», описывая быт своих московских соседей, которые:

<...> летом
слушают асфальт
с копейками
в окне:
— Трансваль,
Трансваль,
страна моя,
ты вся
горишь
в огне!⁵²

В Тарусе будущие литераторы, сестры Марина и Анастасия Цветаевы катались с другими подростками на лодке по Оке, жгли костры, пели о Ермаке, Стеньке Разине и «Варяге», а потом, «до трех часов утра и полной хрипоты: “Трансваль, Трансваль, страна моя”!»⁵³

По крайней мере, с 1905 г. текст «Трансваля» вошел в песенники. На популярность песни указывает то, что она часто давала название всему сборнику: «Трансвааль». «Китайка и Трансваль», «Боевой Трансвааль»⁵⁴. Наиболее ранний из подобных песенников (1905) вышел значительным для того времени тиражом 5 тыс. экземпляров. Два года спустя другой такой сборник издан уже тиражом 12 тыс. экземпляров. Песня «Трансваль» внесена и в рукописную антологию «Новый Наутилус», составленную зауральским просветителем, крестьянином Д.М. Тороповым. Собиратель фольклора Шадринского уезда Пермской губернии записал местный вариант «Трансваля» во время Первой мировой войны⁵⁵.

⁵² Маяковский В. Полное собрание сочинений. Т. 8. М., 1968. С. 283–284. См. также: Маяковский глазами современниц. Воспоминания, дневники. СПб., 2014. С. 400.

⁵³ Цветаева А.И. Воспоминания. Т. 1. М., 2008. С. 470; Цветаева М.И. Собрание сочинений. Т. 5. Кн. 1. М., 1994. С. 183.

⁵⁴ См., например: Трансвааль. Сборник песен. М., 1905; Трансвааль. Сборник песен. М., 1907; Трансвааль. Новейший песенник. СПб., 1907; Трансвааль. Сборник песен. М., 1908; Трансвааль. Новейший песенник. СПб., 1908; Китайка и Трансваль. Песни. Одесса, 1910; Трансвааль. Новейший сборник песен. М., 1910; Трансвааль. Сборник песен. М., 1910; Боевой Трансвааль. Новый песенник. М., 1911.

⁵⁵ Зыков А.А. Вклад Д.М. Торопова в зауральскую фольклористику. Дис. ... кандидата филологических наук. Курганский государственный университет, 2019. С. 117.

С 1900-х гг. российские звукозаписывающие компании выпускали пластинки с этой песней. Владельцы граммофонов слушали «Трансваль» в профессиональном исполнении. Известны записи московских хоров под управлением Ф.П. Павлова и В.С. Варшавского, а также хора Народного дома императора Николая II в Петрограде⁵⁶. Эти коллективы придерживались тех вариантов текста, которые чаще других встречались в песенниках.

Раскрытие протестного потенциала

Песня «Трансваль» могла вызвать отклик даже у тех, кто был мало осведомлен о конфликте на юге Африки. Это подтверждают воспоминания литератора В.Б. Сосинского о его детстве в 1900-е гг. Кровельщик, чинивший крышу дома Сосинских в Луганске, за работой пел о южноафриканской республике. Благодаря этой песне Сосинский, которому тогда было около пяти лет, на всю жизнь сохранил «любовь к неведомому Трансваалу, преклонение перед героическими бурами, уважение к большим бородам и к широкополым шляпам [непременные атрибуты бура в русской массовой культуре того времени] и неприязнь к тем, кто посягает на чужое»⁵⁷.

В деревне Глотовка Смоленской губернии в начале 1910-х гг. о смысле этой песни размышлял крестьянский сын Михаил Исаковский. В будущем прославленный советский поэт, а тогда еще школьник, он любил «в полный голос петь с друзьями: «Трансвааль, Трансвааль — страна моя»⁵⁸. Песня отозвалась в душе подростка, хотя, как он признавался позднее:

Я даже знал тогда едва ль —
В свои двенадцать лет, —
Где эта самая Трансвааль
И есть она иль нет⁵⁹.

Далекая англо-бурская война оставила след в коллективном сознании, но довольно быстро ее место заняли события, имевшие непосредственное отношение к России. Не только дети, не заставшие кампании в поддержку буров, но и многие взрослые перестали

⁵⁶ Русский хор Ф.П. Павлова. Трансвааль. Граммофонная пластинка. М.: Zonophone Records, 1908 (?). Каталогный номер: X-64709; Хор В.С. Варшавского. Трансвааль; Русский хор Народного дома императора Николая II в Петрограде. Трансваль, Трансваль. Граммофонная пластинка. Петроград: Русское акционерное общество граммофонов, [не ранее 1914 г.] Каталогный номер: 12433.

⁵⁷ Комаров Е. [Сосинский В.Б.] Трансвааль // Новоселье. 1946. № 26. С. 96.

⁵⁸ Исаковский М. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1981. С. 66.

⁵⁹ Там же. Т. 2. С. 145–150. См. также его воспоминания: Исаковский М. Собрание сочинений. Т. 3. С. 50.

связывать песню «Трансвааль» с южноафриканским вооруженным конфликтом.

В рассказе Саши Черного «Первое знакомство» (опубликован в 1912 г., через десять лет после англо-бурской войны) горожанин приезжает в село в Орловской губернии собирать фольклор. Деревенская молодежь предпочитает городские песни, включая «Трансвааль», хотя они не знают ни о бурах, ни о Южной Африке. Рассказ горожанина о бурской республике слушают равнодушно⁶⁰. По-видимому, в их среде песня приобрела другой смысл, не связанный с Южной Африкой.

Другое свидетельство смысловой трансформации находим на плакате 1910-х гг. с текстом «Трансваля»⁶¹. На лубочной картинке, изображающей события, о которых поется в песне, южноафриканцы одеты почти как русские крестьяне: на мужчинах рубахи и даже косоротки; женщина, провожающая мужа на фронт, одета в сарафан. По сути, это сцены освободительной крестьянской войны, и, если исключить несущественные визуальные детали, местом действия могла быть Россия.

Некоторые современники предполагали, что эта песня о чужом народе помогала жителям России выразить свои собственные, возможно, еще не вполне осознаваемые чаяния. Писатель Н. Тиханов впервые услышал ее подростком в Самарской губернии. «Трансвааль» пели под гармонь рабочие, а также крестьяне, приехавшие в уездный город. Тиханов обратил внимание на финальные строки:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Защитник говорит,
За кривду Бог накажет нас,
За правду наградит.

«При чем здесь кривда и правда? — писал Тиханов в автобиографической повести. — Я решил, что в них скрыт иной смысл, о котором пока нельзя говорить. Так думали, очевидно, и поющие: они с особым чувством пели заключительный куплет»⁶².

По сравнению с поэтическим прообразом, в песне заметнее мотив личного освобождения. Старик-отец и его сыновья не только отстаивают независимость родины, но и «за свободу борются». Один из руководителей Советского государства Н.И. Бухарин, рассказывая о своих гимназических годах, вспоминал, как московские масте-

⁶⁰ Черный С. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1996. С. 68.

⁶¹ Трансвааль: Народная песня. Плакат. М., [1910?].

⁶² Тиханов Н. Жар-птица. Повесть. М., 1966. С. 51.

ровые за работой затягивали «Трансваль» со смутной надеждой, со стремлением к справедливости. «В этих словах о свободе, за которую борются юные сыновья старого бура, уже звучали далекие намеки на возможность какой-то иной жизни... — считал Бухарин. — Но не пришли еще сроки и не исполнились времена...»⁶³

Эти ожидания стимулировала революция 1905–1907 гг., когда Бухарин участвовал в деятельности организации социал-демократов, распространял большевистские прокламации и вел агитацию среди московских рабочих. Ему помогал младший друг и однокашник, будущий советский писатель И.Г. Эренбург, который еще в девятилетнем возрасте пытался убежать из дома в Трансвааль, чтобы воевать с англичанами⁶⁴.

Пример южноафриканских бойцов оказался востребованным во время Первой русской революции. Из-за экономического кризиса резко снизился уровень жизни подданных империи. По словам писателя Б.А. Пильняка, «российский крестьянин и российский рабочий ощутили себя “бурами”, когда русский барин и российский промышленник оказывались хуже, чем для буров “англичанка”, которая — “гадит”...» Поколение Пильняка, родившееся в 1890-е гг. и ставшее свидетелями или участниками трех русских революций, «в первом сознании <...> слышало, как пели “Трансвааль”»⁶⁵. Напомним, что текст этой народной песни впервые был опубликован в 1905 г., когда бои шли уже не на равнинах неведомой бурской республики, а на улицах российских городов⁶⁶.

И годы спустя в камерах Вологодского центра заключенные пели «Трансваль» наряду с революционными песнями. Об этом вспоминал социал-демократ И.И. Генкин, приговоренный к 15 годам каторги за подпольную деятельность⁶⁷.

Михаил Исаковский считал, что эта народная песня воодушевляла, давала пример сопротивления народа своим притеснителям. В 1948 г. он опубликовал поэму «Песня о Родине», написанную тем же размером и метром, что текст «Трансваля». В каждую часть поэмы вписана первая строка этой народной песни. В заключении Исаковский упоминает антиколониальные движения, действовавшие в Азии и Африке. «Повторением рефрена о Трансваале, — объяснял поэт, — я как бы советую народам этих стран вести борьбу со

⁶³ Бухарин Н. Времена. Роман. М., 1994. С. 185.

⁶⁴ Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1991. С. 445, 455–456.

⁶⁵ Пильняк Б. Собрание сочинений. Т. 6. М., 2004. С. 303, 306.

⁶⁶ Трансвааль. Сборник песен. М., 1905. С. 6–7.

⁶⁷ Генкин И. По тюрьмам и этапам. Петроград, 1922. С. 199.

своими врагами так же стойко, так же мужественно, как это делали когда-то буры»⁶⁸.

Заключение

Устойчивое присутствие «Трансваля» в народном песенном репертуаре, несмотря на грандиозные социально-политические перемены в России в первой половине XX в., связано с вытеснением исходной, устаревшей ассоциации с южноафриканскими событиями. В 1910-е гг. на вопрос собирателя фольклора из рассказа Саши Черного, что такое «Трансваль», деревенские жители отвечают: «Это так, зря, без внимания»⁶⁹. Южноафриканские лексика и коннотации в тексте народной песни сохранялись, но певцы и аудитория могли их игнорировать. Для них эта песня была не о бурах и их республике, а о русских и России.

Песня о борьбе за свободу, которую вели жители далекой, преимущественно аграрной страны, нашла отклик в российском обществе начала XX в. Его растущая политизация проявлялась и в повышенном интересе россиян к противостоянию «крестьянских республик», как их называли отечественные публицисты, и империи, обладавшей мощной армией и стремлением к экспансии в интересах капитала. Одна из причин популярности «Трансваля» в том, что она давала возможность выразить надежду на общественно-политические перемены в безопасной для певца и его слушателей форме. Бытование песни «Трансваль» демонстрирует, как протестные настроения распространялись в российском обществе, среди городских и деревенских жителей в 1900–1910-е гг. Русская народная песня, в которой отразились события на юге Африки, побуждала жителей Российской империи задуматься об их собственной жизни и будущем родины.

References

Davidson A., Filatova I. *The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902*. Cape Town; Pretoria; Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. 287 p.

Dmitriyev Yu. *Russkiy tsirk* [Russian Circus]. Moscow: Iskusstvo, 1953. 234 p.

Dun A. *O dvukh stikhotvoreniyakh, prednaznachavshikhsya dlya leninskoy "Iskra"* [On Two Poems Intended for Lenin's "Iskra"] // *Russkaya literatura*. 1963. N 3. P. 161–163.

Glebov I. [Asaf'yev B.V.] *Russkaya poeziya v russkoy muzyke* [Russian Poetry in Russian Music]. Petrograd: Petrogradskaya gosudarstvennaya akademicheskaya filarmoniya, 1922. 152 p.

⁶⁸ Исаковский М.В. Письма о литературе. М., 1990. С. 188.

⁶⁹ Черный С. Собрание сочинений. Т. 4. С. 68.

Gorelik B.M. *Anglo-burskaya voyna v predstavlenii detey i podrostkov v Rossiyskoy imperii* [Anglo-Boer War as Seen by Children and Teenagers in the Russian Empire] // *Uchenyye zapiski Instituta Afriki RAN*. 2023. N 1 (62). P. 105–119.

Korelin A.P., Tyutyukin S.V. *Revolyutsionnaya situatsiya nachala XX v. v Rossii* [Revolutionary Situation in the Early 20th-Century Russia] // *Voprosy istorii*. 1980. N 10. P. 4–24.

Krayushkina T.V. *Narodnaya pesnya “Transvaal” v russkoy proze 20-kh gg. XX v. — nachala XXI v.* [Folk Song “Transvaal” in the Russian Prose from the 1920s through the 2000s] // *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 2019. Vol. 54. P. 160–172.

Literaturnyy protsess i russkaya zhurnalistika kontsa XIX — nachala XX veka [Literary Process and Russian Journalism in the Late 19th and Early 20th Century] / Ed. by B.A. Byalik et al. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1981. 388 p.

Pesni i romansy russkikh poetov [Songs and Romances of Russian Poets] / Ed. by V.E. Gusev. Moscow; Leningard: Sovetskiy pisatel', 1965. 1119 p.

Poeziya v bol'shevistskikh izdaniyakh. 1901–1917 [Poetry in Bolshevik Periodicals. 1901–1917] / Ed. by I.S. Eventov. Leningard: Sovetskiy pisatel', 1967. 512 p.

Russkaya liricheskaya pesnya [Russian Lyrical Songs] / Ed. by V.S. Bakhtin. Saint Petersburg: Kompozitor, 2004. 700 p.

Russkiye narodnyye pesni [Russian Folk Songs] / Ed. by A.M. Novikova. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1957. 735 p.

Russkiye pisateli. 1800–1917. Biograficheskiy slovar' [Russian Writers. 1800–1917. A Biographical Dictionary] / Ed. by P.A. Nikolayev. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1989. 671 p.

Zykov A.A. *Vklad D.M. Toropova v zauralskuyu fol'kloristiku: diss. ... kanidata filologicheskikh nauk* [D.M. Toropov's Contribution to Trans-Ural Folkloristics: PhD Candidate Diss. in Filologiya]. Kurgan: Kurganskiy gosudarstvennyy universitet, 2019. 186 p.

Поступила в редакцию
6 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-82-96

А.С. Медяков

**О СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ОТКРЫТОК В НЕМЕЦКО-ЧЕШСКОМ КОНФЛИКТЕ
РУБЕЖА XIX–XX ВВ.**

A.S. Medyakov

**ON SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF THE USE
OF POSTCARDS IN THE GERMAN-CZECH CONFLICT
AT THE TURN OF THE 19th CENTURY**

Аннотация. Открытки в качестве отражения немецко-чешских противоречий периода «кризиса Бадени» в конце XIX — начале XX в. уже не раз становились предметом изучения. Исследовательская новизна данной статьи заключается в том, что проблема рассматривается не на материале собственно открыточных изображений, а с точки зрения первичной функциональности открыток как средства коммуникации и коммерческого продукта. В фокусе внимания автора — коммерческие, почтово-технические, потребительские практики, институциональные и правовые аспекты, а также проблема рецепции открыточных посланий, как индивидуальной, так и общественной. Различные национальные объединения и частные предприниматели, главные производители открыток, зачастую намеренно радикализировали их содержание, исходя из своих политических или коммерческих интересов. Специфика открытки как средства почтового сообщения и ее массовость служили основой для уникальных практик в мобилизации сторонников и критики противников посредством «картографических атак». Ареной национальной борьбы и средством выражения личной позиции являлось даже оформление открыточных формуляров. Издательства соответствующих направлений оформляли их в «немецком» либо «чешском» духе, в то время как официальная позиция свелась к полному отказу от какого-либо наименования этого почтового продукта. Вместе с тем, многочисленные варианты собственноручной правки, касавшиеся всех составных частей открытки — технического оформления

Медяков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Medyakov Aleksandr Sergeevich, Doctor in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

alexander.medyakov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0187-6437

формуляра, адреса, марки, — позволяли пользователям заявить о своей позиции по национальному вопросу. Правовая сторона производства, функционирования и бытования открыток определялась, с одной стороны, общими с другими видами печатной продукции условиями, в частности, либеральным законом о прессе 1868 г., с другой — распоряжениями по почтовому ведомству, периодически изымавшими отдельные открытки из оборота. Всё это становилось предметом судебных разбирательств, дебатов в парламенте и тем самым являлось еще одним каналом попадания открыток в публичную сферу и, соответственно, служило привлечению дальнейшего внимания общества к национальному конфликту и его обострению.

Ключевые слова: почтовая открытка, Австро-Венгрия, национальный вопрос, немецкий национализм, «кризис Бадени», пропаганда.

Abstract. Postcards as a reflection of German-Czech contradictions in the period of the Badeni crisis in the late 19th and early 20th centuries have more than once been the subject of study. The research novelty of this article lies in the fact that the problem is examined not through postcard images themselves, but from the point of view of the primary functionality of postcards as a means of communication and a commercial product. The author focuses on commercial, postal-technical, consumer practices, institutional and legal aspects, as well as the reception of postcard messages, both individual and public. Various national associations and private entrepreneurs, main producers of postcards, often deliberately radicalized their content in their political or commercial interests. The specificity of the postcard as a means of postal communication and its mass appeal served as the basis for unique practices in mobilizing supporters and criticizing opponents by “cartographical attacks”. Even the design of postcard forms was a means of national struggle and expression of personal position. Publishers of the respective orientations designed them in the “German” or “Czech” spirit, while the official position was to refuse any name for this postal product. At the same time, the numerous variants of handwritten edits concerning all the constituent parts of the postcard (technical design of the form, address, and stamp) allowed users to state their position on the national question. The legal side of postcards’ production, functioning and existence was determined, on the one hand, by conditions which were common to other types of printed matter, in particular, by the liberal press law of 1868, and, on the other hand, by postal regulations that periodically withdrew certain postcards from circulation. All this became the subject of litigations and debates in parliament and thus provided a way for postcards to enter the public sphere and, accordingly, served to attract further public attention to the national conflict and its aggravation.

Keywords: postcard, Austria-Hungary, national question, German nationalism, Badeni crisis, propaganda.

* * *

1897 год принес с собой Австро-Венгрии, и особенно Цислейтании, ее западной половине, два социальных процесса, казалось бы, бесконечно далеких друг от друга, но неожиданно ставших

взаимодополняющими. С одной стороны — это резкое обострение национальной проблемы как в землях «короны св. Вацлава» (Богемии, Моравии и Силезии), так и по всей империи, что явилось следствием попытки премьер-министра К. Бадени ввести фактическое равноправие немецкого и чешского языков («кризис Бадени»). С другой — широкое распространение в монархии Габсбургов иллюстрированной открытки¹, породившей невероятный общественный энтузиазм, который объяснялся сочетанием сразу нескольких факторов, объединенных одним качеством — быстротой, такой востребованной, по словам современника, «нашим любящим скорость временем»².

Быстрота написания, быстрота (и дешевизна) доставки дополнились еще одним обстоятельством — ни один визуальный медиум эпохи не мог сравниться с открыткой по скорости реакции на какие-либо события. «Теперь нет ни одной выставки, сколь угодно малой, ни одного праздника или заседания любого рода, которое не послужило бы поводом выпустить в мир иллюстрированную и, по возможности, цветную открытку», — писала в начале 1897 г. австрийская газета³. Известный австрийский сатирик Карл Краус заявлял, что «открыточная зараза» «выродилась в настоящую манию»⁴. Мощнейшим фактором распространения открытки стало собирательство, за кратчайший срок распространившееся, подобно лесному пожару. «Собирание открыток превратилось в спорт, который превзошел все подобные, который охватил все возрасты и классы населения, от первоклассника до светской дамы, и который вызвал к жизни целую индустрию»; «современный собирательский спорт, расцветающий на глазах, — это собирание открыток»; «еще никогда ни один спорт не находил такого распространения за такое короткое время, как собирание открыток», — не уставали удивляться австрийские газеты, описывая коллекционирование в таких терминах, как

¹ В качестве средства почтового сообщения открытка являлась совместным австро-германским «изобретением», практическое использование которого началось в 1869–1870 гг., однако длительное время открытки существовали в форме почтового бланка без каких-либо иллюстраций, т.е. фактически как облегченный вариант письма, преимущество которого заключалось главным образом в пониженном почтовом тарифе. См. подробнее: *Медяков А.С.* Открытка рубежа XIX–XX вв. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. Вып. 67.

² Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts. 1905. № 1. S. 13.

³ Grazer Tagblatt. 13.1.1897. Ее дополнял известный чешско-немецкий журнал Э. Киш: «Каждое народное собрание, каждый праздник стрелков или певцов, каждые выборы, любой протест, каждое студенческое объединение, каждый сход крестьян, каждое состязание певцов, каждое спортивное соревнование приносили свои открытки» (*Kisch E.E.* Die Abenteuer in Prag. Leipzig, 1920. S. 82).

⁴ *Kraus K.* Zuckersteuer auf Ansichtskarten // Die Fabel. 1899. N 14. S. 12.

«спорт», «страсть» и даже «мания»⁵. Открытка была нужна всем, и ее интересовало всё — от постройки новой трамвайной остановки до коронации. И, конечно, не могли остаться вне ее внимания политические события, тем более такие яркие, как «кризис Бадени».

Более того, открытка объявлялась едва ли не его творцом: «Определенно, именно и только открытки в 1897 г. сделали венский рейхстаг столь популярным, превратили дела и депутатов в предмет всеобщего интереса и обеспечили событиям в парламенте бурный резонанс по всей Австрии. Случайной стадии в собирании открыток депутаты были обязаны своими тумачами, дуэлями и известностью; тем же модным открыточным жанрам министры были обязаны своим падением, лавки в Праге, Граце и других местах — разграблением, чрезвычайные суды — возникновением, а тюрьмы — переполнением!»⁶. Это свидетельство Эгона Киша, конечно, не свободно от иронического преувеличения, но тем не менее справедливо указывает на весьма значительную роль, сыгранную открытками в ходе кризиса. Из этого же высказывания следуют и те сферы, в которых открытка обнаруживает свою ценность как источник и которые далеко не ограничиваются лишь ее иллюстративной частью. В частности, он обращает внимание, во-первых, на общественный резонанс, на социокультурную релевантность открытки, во-вторых, на значение такой важной открыточной практики, как коллекционирование.

Открытки в качестве отражения немецко-чешских противоречий периода «кризиса Бадени» уже не раз становились предметом исследования⁷. Вместе с тем, в абсолютном большинстве современных работ обращение к открытке происходит в своего рода безвоздушном пространстве, когда открытка трактуется просто как «картинка».

Между тем ценность открытки как источника заключается именно в ее комплексном характере: во-первых, это ультрасовременное на тот момент средство коммуникации, и изучение почтово-технической стороны дела нередко приводит к весьма интересным результатам. Во-вторых, это процветающая индустрия, классически ориентированная на закон спроса и предложения. Соответственно, исследуя подобные аспекты, производственные и коммерческие,

⁵ Prager Tagblatt. 31.10.1897; Neues Wiener Journal. 23.12.1897; Mährisch-Schlesische Presse. 12.11.1898.

⁶ Kisch E.E. Op. cit. S. 79–80.

⁷ Jaworski R. Deutsche und tschechische Ansichten. Kollektive Identifikationsangebote auf Bildpostkarten in der späten Habsburgermonarchie. Innsbruck; Wien; Bozen, 2006; *Idem*. «Hinweg mit der Sprachenverordnung!». Die deutschen Obstruktionskarten während der Badeni-Krise 1897/1898 // Bohemia. 2009. N 49.

в том числе тиражи, рекламу, можно выявить, какие сюжеты в тот или иной момент оказывались востребованными или, наоборот, теряли популярность. Наконец, открытка — это предмет личного потребления, это шарнир, соединяющий публичную и частную сферы: она предлагается публично, но потребляется частным образом; она служит межличностной коммуникации, однако содержание личного послания, как письменного, так и визуального, может быть доступно сторонним лицам и являться объектом административного вмешательства. В силу всех этих причин ограничиваться лишь анализом изображения совершенно недостаточно. Каким было бытование открытки в социальном мире? Какие личные и социальные практики были с ней связаны? Какой отклик вызывало визуальное послание? Ведь именно сочетание многих факторов превращало открытку, по словам одного из современников, в «совершенно современное средство выражения народной души».

Конечно, в рамках одной статьи возможно ответить лишь на некоторые из этих вопросов, а именно на те, которым, как правило, не придают значения исследователи. Оставляя в стороне собственно образный мир открыток, посвященных немецко-чешскому конфликту рубежа веков и, как отмечалось выше, уже неоднократно изученных, в центре внимания настоящей статьи стоят проблемы социокультурного бытования открыток, выявления вариантов взаимодействия их первичной функциональности в качестве коммерческого продукта и средства почтового сообщения, с одной стороны, и компонента национального конфликта — с другой. Состояние доступной источниковой базы диктует и иное ограничение: в дальнейшем речь пойдет исключительно об открытках немецких производителей Цислейтании.

* * *

В первую очередь следует обратить внимание на некоторые особенности изучения открытки. Открытка — это исключительно комплексный феномен, что приводит к значительным сложностям уже на уровне ее элементарной классификации в качестве исторического источника⁸. Соответственно, столь же комплексным и многосторонним должен быть ее анализ. Одной из важных сторон является присутствие открыток в публичной сфере, в том числе связанные с ними практики.

Уникальным качеством открытки оказывается единственная в своем роде возможность выяснить взаимосвязь между визуаль-

⁸ См. подробнее: *Медяков А.С.* Немецкая открытка Первой мировой войны как исторический источник. Дисс. ... докт. ист. наук. Т. 1. М., 2020. С. 99–129.

ным посланием и реакцией на него, выявить которую позволяют, с одной стороны, содержание личных посланий на самих открытках, с другой — информация о спросе на них. В последнем случае необходимую информацию можно почерпнуть из прессы, регулярно сообщавшей о происходящем на рынке открыток. Применительно к тематике настоящей статьи следует отметить, что уже характер и направленность многих из подобных изданий свидетельствовали об особенной популярности, которой пользовались так называемые «обструкционные открытки», резко критиковавшие политику Бадени, в «немецко-национальных» кругах⁹. Вместе с тем, круг покупателей многих из таких открыток был значительно шире, причем изучение прессы позволяет выявить наиболее востребованные из них. Так, венская «Нойес винер журнал», подчеркнуто заявлявшая о себе как о «беспартийной ежедневной газете», писала, что «среди открыток лихорадочный спрос нашла особенно удачно исполненная открытка, на которой чех с языковыми законами в руках корчится в пыли от ударов св. Михаила, который занес свой пылающий меч над поверженным противником (Angreifer)»¹⁰.

Как отмечалось выше, для выявления всей полноты той роли, которую открытки играли в немецко-чешском противостоянии рубежа веков, немаловажное значение имеет сама первичная функциональность открытки, т.е. ее качества как коммерческого продукта и средства коммуникации.

Открытки активно использовались как способ финансирования различных выпускавших их объединений — «ферейнов». Наряду с отдельными издателями наиболее масштабно производство «национальных открыток» практиковали в Австро-Венгрии так называемые немецкие «ферейны защиты», ставившие своей целью расширить национальную пропаганду, а также обеспечить поддержку немецкого языка в этнически смешанных регионах. Крупнейшими из них являлись созданный в 1880 г. «Немецкий школьный ферейн» («Шульферейн») и «Ферейн Зюдмарк» (1889). Наряду с ними существовали более локально или профессионально ограниченные «Союз немцев северной Моравии», «Союз немцев в Нижней Австрии», «Импер-

⁹ Об этом же свидетельствуют и личные тексты на открытках, особенно типичное для этих кругов приветствие «хайль!». См. подробнее: *Медяков А.С.* «Совершенно новое средство агитации»: немецкая «национальная открытка» в Австро-Венгрии рубежа XIX–XX вв. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. N 2.

¹⁰ *Neues Wiener Journal*. 29.07.1897. Речь идет о действительно чрезвычайно популярной открытке «Обструкция — Долой языковые указы!». См.: *Obstruction — Hinweg mit der Sprachen-Verordnung! Historische Bildpostkarten*. Universität Osnabrück. Sammlung Prof. Dr. S. Giesbrecht. — URL: https://bildpostkarten.uni-osnabrueck.de/frontend/index.php/Detail/objects/os_ub_0001703 (дата обращения 12.11.2022).

ский союз молодых немецких рабочих», «Союз немецких рабочих альпийских провинций» и др.

Частные издатели также использовали колоссальный спрос на «обструкционные открытки» не только для выражения своей собственной позиции, но и для получения коммерческой выгоды, вплоть до того, что некоторые из них умышленно до крайности заостряли содержание открыток, чтобы спровоцировать их запрет и, соответственно, превратить их в «редкость», за которую многие были готовы платить суммы, значительно превышавшие обычные цены¹¹. Так сочетание коммерческих интересов с бумом коллекционирования вело к радикализации тех образов, в которых трактовался конфликт, внося тем самым свою лепту в его ужесточение.

Собственно правовая сторона издания открыток регулировалась либеральным законом о прессе от 1868 г., не предусматривавшим предварительной цензуры, поэтому практически все запреты — а их было очень много — осуществлялись постфактум на основе ст. 302 Уголовного кодекса о разжигании межнациональной и религиозной розни. На пике «кризиса Бадени» официальная «Винер Цайтунг» сообщала о подобных случаях практически еженедельно.

Чаще всех с подобными рестрикциями сталкивался издатель и депутат австрийского рейхсрата Эдуард Штрахе (1847–1912) из богемского Варнсдорфа, выпустивший в том числе открытку «Долой языковые указы!», о которой шла речь выше. В ответ на конфискацию другой его популярнейшей открытки, изображавшей Михеля, немецкую символическую фигуру¹², который, «вооружившись дубинкой и стоя на разорванном [листочке] чешского государственного права, вынуждает к бегству чешского двуххвостого льва»¹³, Штрахе подал апелляцию. Проиграв ее в судах первых двух инстанций, в третьей он, тем не менее, добился отмены конфискации. Показательна аргументация, которая использовалась в судебном разбирательстве и которая являлась типичной для противостоявших друг другу в языковом конфликте сторон, отнюдь не только касательно открыток. В то время, как ответчик заявлял, что «означенная картинка изображает национальную борьбу немцев с чехами и посредством изгнания чешского льва подстрекает немцев в Богемии к незаконным действиям против чехов», адвокаты Штрахе смогли убедить суд, что речь

¹¹ Kisch E.E. Op. cit. S. 80; Jaworski R. “Hinweg mit der Sprachenverordnung”. S. 9.

¹² См. о нем: Szarota T. Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps. Osnabrück, 1998. О бытовании фигуры Михеля в открытках см.: Медяков А.С. Война формата 9x14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М., 2021. С. 183–200.

¹³ Neue Freie Presse. 17.11.1897.

идет о борьбе не против чехов, а против чешского государственного права — «этой утопии, которая противоречит конституционным законам от 21 декабря 1867 г.»¹⁴. Однако, сделав выводы из «подстрекательского действия» открыток во время «кризиса Бадени», власти в дальнейшем стали действовать жестче: год спустя за эти же открытки Штрахе подвергся штрафу и даже трехдневному аресту¹⁵.

Использование открыток в межнациональной борьбе далеко не ограничивалось, по выражению современника, лишь «картографическими атаками»¹⁶ на противника посредством иллюстраций. Наряду с коммерческой, заслуживает внимания также коммуникационная и почтово-техническая сторона феномена австрийской «национальной открытки», также остающаяся вне поля зрения исследователей в случае обращения исключительно к ее иллюстративной части. «Немецко-национальные» газеты рекламировали открытки в качестве «превосходного средства агитации», позволявшего доставить пропаганду во всех смыслах слова адресно. В отношении же противников та же самая специфика открытки как средства коммуникации могла превращать ее в своеобразное «почтовое оружие». Такое применение нашла, в частности, всё та же открытка Штрахе «Долой языковые указы!», использовавшаяся в качестве средства мобилизации сторонников и одновременно как способ заявить массовый протест: «В почтовых ящиках города было найдено 4000 таких открыток, среди них многие с заполненным адресом графа Бадени, которые были конфискованы почтовыми органами. Несмотря на это, как утверждают, множество таких открыток под защитой конвертов нашло свою дорогу в Буск, где сейчас находится граф Бадени», — сообщила «Нойес винер журнал»¹⁷.

Межнациональная борьба затронула также все стороны и все аспекты почтово-технической стороны дела, начиная с самого элементарного — почтового бланка и его названия. Официальным названием выпускавшихся в Австро-Венгрии открыток с момента их введения в почтовый оборот в 1869 г. являлось «Correspondenzkarte».

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Neues Wiener Journal. 2.10.1898. Очередная конфискация открыток Штрахе на основании всё той же ст. 302 последовала в сентябре 1900 г. См.: Wiener Zeitung. 2.09.1900; Prager Tagblatt. 3.09.1900.

¹⁶ Kisch E. Op. cit. S. 81.

¹⁷ Neues Wiener Journal. 29.07.1897. Подобное использование открытки в качестве способа политического давления было нередким в эту эпоху. Например, в 1907 г. железнодорожники Франции собирались буквально засыпать председателя Сената 400 тыс. открыток с изображением паровоза, чтобы ускорить рассмотрение их требований. См.: Leclerc H. Ansichten über Ansichtskarten // Archiv für deutsche Postgeschichte. 1986. N 2. S. 25.

Однако сохранившиеся до наших дней открытки носят многочисленные следы столкновений по поводу принятия либо непринятия этого наименования, служившие выражением собственных национальных взглядов, причем как издателей, так и пользователей. «Немецко-национальные» издатели даже в этом, казалось бы, сугубо мелком вопросе стремились к выражению пангерманистских взглядов, выпуская формуляры, оформленные на манер принятых в Германии — “Postkarte”; нередкими были собственноручные исправления такого же свойства, сделанные отправителями. Напротив, переправления с “Post-” на “Correspondenz-” как выражение имперского патриотизма встречаются, насколько можно судить, гораздо реже. Весьма распространенным являлся также самодеятельный перевод бланка на прочие национальные языки — в этом случае немецкие обозначения просто вычеркивались и заменялись другими, чаще всего чешским “dopisnice” или венгерским “levelező-lap”.

Подобное перенесение языкового конфликта в сферу почтового сообщения не только негативно сказывалось на последнем, но и несло ущерб фирмам-производителям открыток. Открыточное производство отчасти становилось заложником национальной проблемы, что вредило коммерческим интересам.

В поисках выхода из ситуации производители первоначально попытались использовать на внутреннем рынке то оформление открыточного формуляра, которое предназначалось для международного сообщения и в котором его название дублировалось на многих языках. Вместе с тем, проблема снималась лишь частично: на таком формуляре, наряду с общеимперским, присутствовало и венгерское обозначение, поскольку, хотя при учреждении Всемирного почтового союза в 1874 г. Австро-Венгрия вошла в него как единая почтовая территория, Венгрии было предоставлено отдельное право голоса. Однако обозначений на языках прочих народов империи (кроме итальянцев), естественно, не было.

Промежуточным выходом стал своеобразный гибрид, который начали практиковать некоторые коммерческие издательства, в том числе крупнейшая фирма «Братья Кон. Вена»: к языкам членов Всемирного почтового союза (французскому, итальянскому, русскому и т.д.) добавлялись чешское и польское обозначения. Таким образом, охваченными оказались пять из одиннадцати народов Австро-Венгрии. Однако этот паллиатив не снимал всех проблем. С одной стороны, по-прежнему не все народы Австро-Венгрии затронуло подобное формулярное равноправие. Еще важнее было то, что на языке и в правилах работы почты, для которой страны существуют в первую очередь в качестве так называемых единых почтовых терри-

торий, подобная практика, по сути, отрицала существование общего государства. Фактически почтовыми субъектами, строго говоря, выступали отдельные национальности — показательно, что места для официального общеимперского “Correspondenzkarte” на формуляре не нашлось.

В конечном счете, коммерческие издательства, заинтересованные лишь в бесперебойном сбыте своей продукции, пришли к «соломонову» решению: они перестали указывать какие-либо обозначения вовсе. Австрийская открытка онемела: «То есть и здесь решение языкового вопроса — это онеметь. Частная индустрия, которая стремилась устроить всех, выбросила на рынок международные открытки, на которых есть все языки, а теперь, наконец, наступило успокоение умов по поводу настоящей австрийской открытки, она — немая, но при этом так громко и ясно говорит о расцветших в Австрии языковых спорах!», — писала в октябре 1898 г. «Мэриш-Шлезисше прессе»¹⁸. Открытки немецких издательств Цислейтании так и остались по большей части «немыми» вплоть до краха Австро-Венгрии, в то время как чешские и особенно венгерские — в чем-то даже символическим образом — продолжали печатать формуляры на национальных языках, без всяких реверансов в сторону «общего государства».

Однако только формулярами дело не ограничилось. Вообще, едва ли имелся хоть один элемент открытки, который так или иначе не был задействован в национальной борьбе¹⁹. Так, не редки случаи, когда отправители вносили собственноручные изменения в оформление наиболее распространенного открыточного жанра «Привет из...», заменяя “Gruß” («привет») на приветствие на национальном языке, чаще всего на чешское “Nazdar”.

Достаточно распространенной практикой являлись самостоятельные переименования географических объектов, затрагивавшие каклицевую, так и оборотную стороны открытки. В тех же открытках жанра «Привет из...» немецкие названия населенных пунктов менялись на наименования на других языках, например, «Брюнн» на «Брно».

Наконец, еще одной ареной языковой борьбы оказалась даже адресная строка. Отправители, чаще всего опять-таки чехи, перево-

¹⁸ Die stumme Postkarte // Mährisch-Schlesische Presse. 31.10.1898.

¹⁹ В том числе наклеивались дополнительные марки политического содержания. Для получения почтового штемпеля на запрещенных открытках коллекционеры пересылали их в запечатанных конвертах, вырезав ножницами угол конверта, так чтобы была видна только марка, но не само изображение: «Вне себя от злобы почтовый служащий из противного лагеря был вынужден ставить свой штемпель...». Kisch E.E. Op. cit S. 81.

дили на собственный язык названия не только населенных пунктов, но и улиц, так что почта временами даже стала испытывать трудности с доставкой из-за «этих невозможных ни для одного серьезного народа в мире игрищ с названиями мест во всей этой смешной мании величия», по выражению немецкой газеты²⁰.

Однако наиболее резонансной проблемой, весьма остро заявившей о себе во время «кризиса Бадени», но сохранявшейся и позже, стали не подобные демонстративные акты отправителей посланий, а действия самих почтовых чиновников.

Принципиальной, можно сказать «родовой» спецификой открытки являлось то, что она существовала и функционировала в качестве «открытого» письма, соответственно, и изображение, и текст личного послания был виден всем, кто с конкретной открыткой соприкасался. Первоначально власти во многих странах смущал абсолютно «открытый» характер обмена между частными лицами как текстами, так и изображениями. Например, во Франции были введены наказания за оскорбления посредством открытки — из-за все того же «открытого» характера они приравнивались к публично нанесенным²¹. Той же обеспокоенностью объясняется и надпись на первых российских открытых письмах: «Почтовое управление за содержания письма не отвечает».

В Австро-Венгрии, как и в других европейских странах, закон защищал тайну переписки, однако открытка своим существованием сводила ее практически на нет, и на пике национальной борьбы скандалы, связанные с компрометацией переписки богемскими почтовыми чиновниками, были весьма частым явлением. Так, пресса сообщала, что один из адресатов в Брюнне (Брно) получил открытку от друга-студента, в которой «немецкий привет хайль»²² был зачеркнут, и вместо него чешский почтовый служащий вписал «наздар»²³. В отдельных случаях дело доходило до суда, причем в роли ответчика мог оказаться и автор послания. Например, в декабре 1897 г. состоялся суд из-за оскорбления достоинства над отправителем открытки следующего содержания: «Хайль, победа и месть! Любезная фрей-

²⁰ Freie Stimmen. 30.12.1908.

²¹ Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts. 1887. N 17. S. 513–516.

²² Приветствие «хайль» имело давние корни, но к рубежу веков стало считаться «истинно немецким» и получило широкое распространение в кругах немецких националистов Австрии, выступая достаточно надежным маркером соответствующих настроений отправителя. См.: Behrenbeck S. “Heil” // E. François, H. Schulze. (Hg.) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. III. München, 2009; Schmitz-Berning C. Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin; New York, 1998. S. 299–300.

²³ Jörgel Briefe. 5.9.1908.

лейн! Весь немецкий народ чувствует героя, который без устали стоит на страже своего возлюбленного германства²⁴. Из его славных дел произрастает великая победа также и для нас, что подвигает меня на просьбу вместе со мной возгласить нашему высокочтимому депутату восторженное “хайль!”. Большое спасибо за Вашу драгоценную открытку. К сожалению, вся картинка полностью испорчена чешскими почтовыми ... (газета выпустила бранное слово. — А.М.) Браунау²⁵.

Фраза о «полностью испорченной открытке» отсылает еще к одной стороне весьма специфической почтовой практики в Богемии рубежа веков — фактической цензуре изображений. Насколько можно судить, достаточно часто, особенно в наэлектризованной атмосфере периода «кризиса Бадени», она носила самодеятельный характер. Так, вскоре после дуэли Вольфа и Бадени чешские почтовые чиновники начали изымать открытки с изображением первого²⁶.

Однако главной мишенью для такого рода произвольной почтовой цензуры, на первый взгляд неожиданно, стал Бисмарк, творец австро-германской связи, верность которой являлась общим местом в австрийской публицистике того времени. В реальности же подобные действия, по сути, представляли собой реакцию на ту трактовку, которую фигура «железного канцлера» получила в кругах немецких националистов Австро-Венгрии, превративших Бисмарка в символ своих пангерманистских устремлений²⁷. В разгар «кризиса Бадени» осенью 1897 г. националистические органы печати не только Австро-Венгрии, но и Германии с возмущением сообщали, что почта в богемских землях не пропускала не только открытки с политическим содержанием, в которых фигурировал Бисмарк, но даже с простыми портретами ушедшего на покой канцлера²⁸. Тогда же в палате депутатов австрийского парламента была подана интерпелляция министру торговли, в ведомстве которого находилось почтовое дело, с требованием объяснить, на каком основании осуществляются подобные запретительные меры²⁹.

В дальнейшем проблема была не снята, а лишь обострилась в связи с тем, что изъятие открыток с изображением Бисмарка в «облагодетельствованной чешскими почтовыми чиновниками Моравии»

²⁴ Речь идет об открытке с изображением К. Вольфа, радикального немецкого националиста, в сентябре 1897 г. ранившего Бадени на дуэли.

²⁵ Grazer Tagblatt. 22.12.1897.

²⁶ Teplitz-Schönauer Anzeiger. 20.11.1897.

²⁷ См. подробнее: *Медяков А.С.* «Хайль Бисмарк!». «Железный канцлер» как символическая фигура немецкого национализма в открытках рубежа XIX–XX вв. // *Сибирские исторические исследования*. 2018. № 2.

²⁸ Deutsch-Soziale Blätter. 28.10.1897; 25.11.1897.

²⁹ Prager Tagblatt. 15.10.1897.

стало осуществляться уже не по произволу местных служащих, а как раз на некоторой формальной основе — распоряжении Дирекции почты и телеграфа по Моравии и Силезии, ссылавшемся на их «политико-демонстративный характер»³⁰. Дополнительно масла в огонь подлило то обстоятельство, что пост министра торговли, в компетенцию которого входила почта, в то время занимал Йозеф Бэрнрайтер из Богемии, единодушно заклеянный немецкой националистической прессой как «чех»³¹.

Несмотря на то что правовая база для подобных запретов была достаточно зыбкой, их продолжали практиковать и тогда, когда страсти по поводу распоряжений Бадени уже давно улеглись. Так, в 1905 г. та же Дирекция почты и телеграфа по Моравии и Силезии в Брно издала следующее распоряжение по поводу открыток «Союза немцев Северной Моравии»: «На этих открытках помещено изображение некоего германского героя, который обнаженным мечом изгоняет “двуххвостого льва”. На заднем плане изображения городов Брюнн и Ольмюц с городскими гербами. Так как эти изображения в сочетании с текстом носят без сомнения политико-демонстративный характер... следует исключить их из оборота»³². Авторы очередного запроса министру торговли и немецкая пресса выражали возмущение подобным вмешательством одновременно и в частную переписку, и в свободу выражения мнений, требуя указать правовые основания такого вмешательства³³, однако удовлетворительного ответа не получили.

* * *

Заметным социальным феноменом иллюстрированная открытка стала в самом конце XIX в. на пересечении сразу нескольких важных процессов. С одной стороны, она явилась одним из вариантов ответа на новые коммуникационные потребности возникавшего индустриального общества. С другой — оказалась едва ли не важ-

³⁰ Bismarck-Postkarten werden nicht befördert! // Grazer Tagblatt. 23.09.1898. К каким-то мерам по контролю над содержанием открыток власти подталкивали многочисленные скандалы, вплоть до международных. Так, в 1900 г. английское посольство заявило протест в связи с оскорбительными карикатурами на королеву Викторию, которые пользовались большой популярностью в среде немецких националистов, поддерживавших «германских братьев» буров во время англо-бурской войны. Итогом переписки премьер-министра и министра торговли австрийской половины империи стало решение обязать почтовых чиновников не допускать к пересылке открытки, содержавшие непристойности и оскорбления чести. Österreichisches Staatsarchiv. AVA. Mdl. Präs.16/2. K 1669. 1377/M 1/19.

³¹ Ibidem; Mährisch-Schlesische Presse. 31.10.1898.

³² Znaimer Wochenblatt. 4.03.1905.

³³ Ibidem; Ibid. 19.02.1905.

нейшей частью шедшего с конца XIX в. процесса «демократизации картинки», следствия как зарождения массовой культуры, так и развития массовых же способов производства изображений.

Все эти тенденции в полной мере проявили себя во время «кризиса Бадени». Именно тогда, буквально на глазах современников, появляется это совершенно новое, воспринимавшееся как ультра-современное средство быстрого и массового распространения визуальных образов, потенциально способное нести и политические смыслы. И фактически первым случаем применения этого потенциала на практике стал немецко-чешский конфликт рубежа XIX–XX вв.

В целом, невероятный бум «обструкционных открыток» этой поры объяснялся тем, что они оказались простым и эффективным способом выражения взглядов и интересов как конкретного человека, так и целых групп, а также коммуникации внутри отдельных сообществ. С точки зрения своих функций открытки допустимо сравнить с современной социальной сетью в Интернете: выполнялась задача поддержания контакта внутри сообщества по определенным — в данном случае национальным — интересам, изложенным понятным всем его членам символическим языком; подтверждался статус принадлежности к этому сообществу; иногда изображение предлагалось «оценить», отсылая к нему в тексте послания; распространялась специфическая для этого сообщества информация. Связанные с открыткой практики, как мало какое иное средство, позволяли любому человеку обозначить собственную позицию по отношению к происходящему — с помощью самого акта выбора предпочтительного сюжета, коллекционирования, манипуляций с оформлением открыточного формуляра, разного рода дописок и дорисовок и т.д. И, что особенно важно, эти кусочки картона формата 9x14 см давали возможность заявить свою позицию вовне, иногда выступая в качестве своеобразного входного или членского билета в национальное коммуникационное сообщество, иногда служа оружием для «картографической атаки».

References

Behrenbeck S. *“Heil” // Deutsche Erinnerungsorte*. Bd. III / Ed. by E. François, H. Schulze. Munich: C.H. Beck Publ., 2009. S. 310–327.

Jaworski R. *Deutsche und tschechische Ansichten. Kollektive Identifikationsangebote auf Bildpostkarten in der späten Habsburgermonarchie*. Innsbruck; Wien; Bozen: Studienverlag, 2006. 218 S.

Jaworski R. *“Hinweg mit der Sprachenverordnung!” Die deutschen Obstruktionskarten während der Badeni-Krise 1897/1898 // Bohemia*. 2009. N 49. S. 3–18.

Kisch E.E. *Die Abenteurer in Prag*. Wien; Prag; Leipzig: Verlag Ed. Strache, 1920. 506 S.

Kraus K. *Zuckersteuer auf Ansichtskarten // Die Fabel*. 1899. N 14. S. 14–24.
Leclerc H. *Ansichten über Ansichtskarten // Archiv für deutsche Postgeschichte*. 1986. N 2. S. 5–65.

Medyakov A.S. “Heil Bismarck!”. “Zheleznyy kantsler” kak simbolicheskaya figura nemetskogo natsionalizma v otkrytkakh rubezha XIX–XX vv. [“Heil Bismarck!”. The “Iron Chancellor” as a Symbolic Figure of German Nationalism in Postcards at the Turn of the 19th Century] // *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya*. 2018. N 2. P. 221–223.

Medyakov A.S. *Nemetskaya otkrytka Pervoy mirovoy voyny kak istoricheskiy istochnik: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk* [German Postcard of the World War I as a Historical Source: Doctor in History Dissertation]. Vol. 1. Moscow: MGU imeni M.V. Lomonosova, 2020. 346 p.

Medyakov A.S. *Otkrytka rubezha XIX–XX vv. kak sotsiokul’turnyy fenomen* [Postcard at the Turn of the 19th Century as a Socio-Cultural Phenomenon] // *Dialog so vremenem*. 2019. Issue 67. P. 146–162.

Medyakov A.S. “Sovershenno novoye sredstvo agitatsii”: nemetskaya “natsional’naya otkrytka” v Avstro-Vengrii rubezha XIX–XX vv. [“A Completely New Means of Agitation”: The German “National Postcard” in Austria-Hungary at the Turn of the 19th Century] // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2018. N 2. P. 80–97.

Medyakov A.S. *Voyna formata 9x14. Otkrytki v nemetskoj “kul’ture voyny” 1914–1918 gg.* [War in 9x14 Format. Postcards in the German “Culture of War” 1914–1918]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2021. 464 p.

Schmitz-Berning C. *Vokabular des Nationalsozialismus*. Berlin; New York: Verlag Walter de Gruyter, 1998. 717 S.

Szarota T. *Der deutsche Michel. Die Geschichte eines nationalen Symbols und Autostereotyps*. Osnabrück: Fibre, 1998. 421 S.

Поступила в редакцию
24 декабря 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-97-106

М.В. Ходяков

СТАНЦИЯ МАНЬЧЖУРИЯ В НАЧАЛЕ XX в.: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

M.V. Khodjakov

MANCHURIA RAILWAY STATION IN THE EARLY 20th CENTURY: PROBLEMS OF ORGANIZATION OF MANAGEMENT ON THE RAILWAY

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации управления на железнодорожной станции Маньчжурия в начале XX в. Станция находилась на китайской территории в двух километрах от российской границы. Несколько десятилетий здесь преобладало русское население, строились храмы, школы, больницы, действовали две таможни. Управление поселком, который сформировался при станции, осуществлялось администрацией Китайско-Восточной железной дороги. Одновременно с этим в момент окончания строительства железнодорожной соединительной ветви «Китайский разъезд — Маньчжурия» часть функций по управлению станцией взяла на себя Забайкальская железная дорога. В статье на основе материалов Российского государственного исторического архива показано, что совместное управление станцией сразу двумя железными дорогами имело ряд особенностей. Для урегулирования спорных ситуаций администрация железных дорог заключала специальные соглашения. Первое из них было подписано в 1903 г. и предусматривало поступление всех доходов и

Ходяков Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Khodjakov Mikhail Viktorovich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Modern History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University

m.khodyakov@spdu.ru

ORCID: 0000-0001-8469-2590

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-48-00004 «Китайско-Восточная железная дорога как трансграничная социокультурная система: история строительства, реконструкция и моделирование механизмов охраны культурного наследия»)

This research was supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project N 23-48-00004 “Chinese Eastern Railway as a trans-border socio-cultural system: studying its history, reconstructing and modeling mechanisms of cultural heritage protection”

сборов при эксплуатации пограничного участка дороги от китайской границы до станции Маньчжурия в пользование Забайкальской дороги. Она же должна была нести все расходы по эксплуатации подвижного состава. Эксплуатация станционных сооружений была четко регламентирована: одна часть каменного пассажирского здания, а также территорий вдоль железнодорожной магистрали переходила в ведение Забайкальской дороги, а другая — в ведение Китайской дороги. Расходы по содержанию и ремонту пассажирского здания, других сооружений общего пользования на станции Маньчжурия должны были производиться каждой дорогой в равных частях. Эффективность работы станции во многом зависела от правильной организации системы управления. Одновременное участие в этом процессе представителей сразу двух железнодорожных управлений вызвало отсутствие единства действий в организации перевозок. Казенная Забайкальская железная дорога находилась в зависимости от центральных ведомств. Китайско-Восточная железная дорога, как частная, имела более широкие полномочия. Не добавляло единства и присутствие на станции Маньчжурия коммерческих агентов, нередко преследовавших свои цели в ущерб государственным интересам.

Ключевые слова: станция Маньчжурия, Китайско-Восточная железная дорога, Забайкальская железная дорога, Кайдаловская железнодорожная ветвь, Забайкалье, приграничная территория,

Abstract. The article concerns the organization of management at the Manchuria railway station in the early 20th century. The station was located on the Chinese territory, two kilometers from the Russian border. For several decades, the Russian population constituted a majority there; churches, schools and hospitals were built, and two customs offices operated. The management of the hamlet, which sprang up near the station, was carried out by the administration of the Chinese Eastern Railway. Simultaneously, at the time of the completion of the construction of the railway connecting branch “Chinese Junction — Manchuria”, part of the functions of the management of the station was taken over by the Trans-Baikal Railway. On the materials of the Russian State Historical Archive the author had shown that the joint management of the station by two railways at once had a number of peculiar features. To resolve disputes, the administration of the railways entered into special agreements. The first of them was signed in 1903 and made provision for all income and fees from the operation of the border section of the road from the Chinese border to the Manchuria station to go into the use of the Transbaikal road. All expenses for the operation of the rolling stock were also to be borne by the Trans-Baikal Road. The operation of the station facilities was strictly regulated: one part of the stone building for passengers, as well as the territories along the railway line, passed under the control of the Trans-Baikal Road, and the other — under the control of the China Road. Expenses for the maintenance and repair of the building for passengers, as well as other public facilities at the Manchuria station, were to be borne by each road in equal parts. The efficiency of the station largely depended on the due organization of the management system. The simultaneous participation in this process of the representatives of two railway departments at once led to a lack of unity of action in matters of organizing transportation. The state-owned Trans-Baikal Railway

was dependent on the central departments. The Chinese Eastern Railway, as a private road, had broader competence. The presence of commercial agents at the Manchuria station did not add to unity, as they often pursued their own goals to the detriment of state interests.

Keywords: Manchuria Station, Chinese Eastern Railway, Trans-Baikal Railway, Kaidalovskaya railway line, Transbaikalia, border area.

* * *

Первая станция Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) Маньчжурия занимала особое положение в системе железнодорожного сообщения России. Находящаяся на границе с Китаем, она была конечным пунктом соединительной ветви (Кайдаловской) между Забайкальской железной дорогой (ЗЖД) и Китайско-Восточной железной дорогой. Географическое положение обусловило стремительную динамику ее развития. Постройка станции началась в 1900 г., в 1904 г. здесь открылось временное движение, а передача в эксплуатацию произошла в 1905 г.¹ Перепись 1910 г. зафиксировала в пристанционном поселке 4346 православных, 3204 «буддистов и конфуциан», около 500 иудеев, 200 магометан, 170 католиков, свыше 100 лютеран, более 40 старообрядцев и др.² К 1914 г. население поселка составляло свыше 10 тыс. чел.³ Уже в начале XX в. Маньчжурия была причислена к станциям II класса⁴. На станции располагался не только переселенческий пункт, но также китайская и русская и таможни. Этому способствовало пограничное положение станции, обусловившее открытие здесь в 1902 г. российской таможенной заставы с утвержденным штатом управляющего и двух его помощников⁵.

Поскольку станция оказалась в сфере деятельности одновременно двух железных дорог — ЗЖД и КВЖД — ее функционирование отражалось в исследовательской литературе уже в начале XX столетия. Так, об особых условиях эксплуатации ЗЖД писал начальник

¹ Никифорова Н.В. История Забайкальской железной дороги (1887–1934 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2019. С. 65.

² Солдатов В. Железнодорожные поселки по Забайкальской линии. Статистическое описание и материалы по переписи 1910 года / Под ред. Д.М. Головачева. Т. 5. СПб., 1912. С. 452–453.

³ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге: 1914: От С.-Петербурга до Владивостока / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова и инж. А.Ф. Здырского. 12-е изд. СПб., 1914. С. 455.

⁴ Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. 1901–1902 гг. / Под ред. А.И. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1902. С. 343. К станциям I класса относились крупные сортировочные, грузовые и пассажирские станции. Участковые и небольшие грузовые станции попадали во II или III класс. Промежуточные станции — в IV или V класс.

⁵ Таможня на Тихом океане: документы и материалы. Вып. 5. Таможня в Забайкалье. 1862–1926 гг. / Сост. Н.А. Беляева, Н.А. Троицкая. Владивосток, 2008. С. 29.

дороги Ф.И. Кнорринг⁶. В отчете о постройке Кайдаловской соединительной ветви протяженностью 340 верст от Китайского разъезда ЗЖД до станции Маньчжурия КВЖД говорилось как о стоимости работ по сооружению дороги, так и о проблемах, связанных с организацией рабочей силы и доставкой стройматериалов⁷.

В исследованиях современных авторов история станции Маньчжурия рассмотрена через призму ряда вопросов, связанных с ролью Забайкалья в экономической жизни страны⁸, проблем дефицита в железнодорожной сети⁹, финансирования железнодорожного строительства¹⁰.

Нередко исследователи касались истории станции Маньчжурия в связи с изменениями контуров российско-китайской границы. В частности, «дикость нравов» и «темная сторона» жизни станции были охарактеризованы в работе Сёрен Урбански. В поселке, по мнению автора, в начале XX в. процветали «ночная жизнь, проституция, азартные игры и места, предназначенные для употребления алкоголя»¹¹. Правда, автор нашел возможность коснуться проблем формирования общественной администрации поселка, оставшейся под надзором и контролем правления КВЖД¹². Вместе с тем, вопросы организации железнодорожного сообщения на станции Маньчжурия в работах исследователей чаще всего обойдены стороной. Частично эти сюжеты были представлены лишь в диссертации Н.В. Никифоровой¹³. К сожалению, и в ряде новейших изданий, посвященных истории КВЖД, данный вопрос освещен поверхностно¹⁴.

⁶ Кнорринг Ф. Попытка определить хозяйственность эксплуатации железной дороги. Забайкальская ж.д. 1906–1910. Иркутск, 1910. С. 7–212.

⁷ Отчет о постройке соединительной ветви от Китайского разъезда Забайкальской ж.д. до ст. Маньчжурия Китайской Восточной ж.д. 1898–1901 гг. СПб., 1904. С. 4–5.

⁸ Иванов А.А., Кальмина Л.В., Курас Л.В. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / Отв. ред. Б.В. Базаров. Иркутск, 2012. С. 142–162.

⁹ Богомазов Н.И. «Рельсовый голод» на российских железных дорогах в годы Первой мировой войны и попытки борьбы с ним // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 2. С. 272–290; Баталова Т.И. Проблема дефицита в железнодорожной сети Азиатской России в конце XIX — начале XX в. // Экономическая история Сибири XX века. В 3 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Е.В. Демчик. Барнаул, 2006. С. 153–164; и др.

¹⁰ Дмитриева Н.В. На пути к КВЖД: финансовая составляющая истории строительства Кайдаловской железнодорожной ветви // Новейшая история России. 2023. Т. 13. № 4.

¹¹ Урбански С. За степным фронтиром: история российско-китайской границы / Пер. с англ. М., 2023. С. 190.

¹² Там же. С. 191–197.

¹³ Никифорова Н.В. Указ соч.

¹⁴ Китайско-Восточная железная дорога / Сост. В.И. Мителенко, Л.М. Ласточкина, И.А. Трунова и др. СПб., 2022. С. 153.

Между тем материалы РГИА позволяют охарактеризовать ряд проблем организации железнодорожного дела на станции Маньчжурия, опустив при этом как политику государства в сфере железнодорожного строительства, так и общее неблагоприятное состояние дел на ЗЖД, выразившееся в колоссальных хищениях. Эти вопросы были предметом разбирательства специальной комиссии, образованной распоряжением министра путей сообщения в марте 1907 г. Доклады об итогах расследования ситуации на ЗЖД, представленные спустя год, позволили Министерству путей сообщения не только провести кадровые перестановки, но и до некоторой степени улучшить работу дороги¹⁵. В настоящей статье акцент сделан прежде всего на трудностях, существовавших в деле совместного управления станцией Маньчжурия двумя железными дорогами — ЗЖД и КВЖД.

Постройка Забайкальской железной дороги, начатая в 1898 г., способствовала активному освоению азиатской части страны. Дорога сооружалась и сдавалась в эксплуатацию участками в разные сроки. О ходе прокладки «соединительной ветки» к китайской границе и станции Маньчжурия говорилось во всеподданнейшем докладе министра путей сообщения от 2 июля 1899 г. К этому времени на строительстве Кайдаловской ветви было занято до 9 тыс. чел.¹⁶ Работы на ветви велись таким образом, чтобы окончить их к 1901 г.¹⁷

Процесс «торжественной постройки» дороги был завершён 10 февраля 1901 г., и тогда же началось движение на соединительной ветке. В соответствии с договором, заключённым в день начала движения между начальником работ ЗЖД и начальником Западного отдела КВЖД, участок от китайской границы до станции Маньчжурия, протяжённостью 18,86 верст, оставался в ведении Забайкальской дороги, распоряжениями которой и осуществлялось его функционирование¹⁸. Официально участок Китайский разъезд — Маньчжурия был передан в эксплуатацию 11 октября 1901 г.¹⁹

Забайкальская дорога играла важную роль в заселении Забайкалья и Дальнего Востока. Общая численность Забайкальской области в 1906 г. составляла 810 861 чел., в 1907 г. — 830 157 чел., т.е.

¹⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 284. Оп. 1. Д. 1–80.

¹⁶ *Никифорова Н.В.* Указ. соч. С. 62.

¹⁷ РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 101. Л. 8 об.–9 об.

¹⁸ Там же. Л. 156 об.–157.

¹⁹ Забайкальская железная дорога. 1900–1910. Иркутск, 1910. С. 3.

увеличилась на 19 256 человек²⁰. При этом с 1906 по 1909 г. по Забайкальской железной дороге было перевезено на восток 188 159 переселенцев²¹.

С целью эффективной эксплуатации станции Маньчжурия между руководством ЗЖД и КВЖД 6 сентября 1903 г. было подписано специальное соглашение сроком на пять лет²². Один из его пунктов предусматривал, что все доходы и сборы при эксплуатации участка от китайской границы до станции Маньчжурия будут поступать в пользование Забайкальской дороги. Все расходы по ремонту и содержанию в рабочем состоянии данного участка, организации на нем перевозок, которые осуществлялись подвижным составом ЗЖД, также должна была нести Забайкальская дорога. Однако всё, что касалось эксплуатации станционных сооружений вдоль данного участка дороги, соглашением от 6 сентября 1903 г. было регламентировано более четко. В частности, сходящиеся пути Забайкальской и Китайско-Восточной железной дорог и их станционные сооружения на станции Маньчжурия, располагавшиеся с левой стороны каменного пассажирского здания (построенного КВЖД) по направлению от Иркутска к Харбину, переходили в ведение Забайкальской дороги. КВЖД оставляла за собой все постройки с правой стороны пассажирского здания. Вместе с тем, в исключительное ведение Забайкальской железной дороги переходила та часть территории станции Маньчжурия, которая находилась слева от главного пути Забайкальской дороги²³.

Предполагалось, что расходы по содержанию и ремонту пассажирского здания, а также других сооружений общего пользования ЗЖД и КВЖД на станции Маньчжурия будут производиться каждой дорогой в равных частях. Обе дороги, Забайкальская и Китайско-Восточная, имели на станции Маньчжурия своих представителей (агентов). Агенты ЗЖД могли осуществлять свои действия в левой части станции (от Иркутска в направлении Харбина), а агенты КВЖД — в правой части (в том же направлении). Не исключалось, что двухкилометровый пограничный участок Мациевская–Маньчжурия в будущем будет окончательно присоединен к Забайкальской железной дороге. В этом случае его дальнейшая эксплуатация должна будет производиться на условиях, подлежащих утверждению министров путей сообщения и финансов, обеспечивающих Забай-

²⁰ Никифорова Н.В. Указ. соч. С. 73.

²¹ Забайкальская железная дорога. 1900–1910. С. 8.

²² РГИА. Ф. 273. Оп. 11. Д. 101. Л. 156 об.–157.

²³ Там же. Л. 156 об.

кальской дороге полную возможность пользования как своими сооружениями, так и устройствами общего пользования на станции Маньчжурия²⁴.

По прошествии пяти лет совместная эксплуатация станции Маньчжурия и продление договора натолкнулись на ряд сложностей. К осени 1908 г. явственно обозначились разногласия между ЗЖД и КВЖД по проекту соглашения о дальнейшем общем пользовании станцией. Телеграмма правления Общества КВЖД от 1 августа 1908 г. указывала на необходимость продления на год действующего соглашения. Существовало также личное указание министра путей сообщения генерала Н.К. Шауфуса, отданное им осенью 1907 г. агентам Забайкальской дороги, о целесообразности объединения станции Маньчжурия под общим управлением КВЖД²⁵. В связи с окончанием срока соглашения о порядке эксплуатации участка дороги от Китайской границы до станции Маньчжурия и самой станции начальник ЗЖД телеграммой от 2 сентября 1908 г. на имя управляющего КВЖД Д.Л. Хорвата просил командировать на станцию Маньчжурия представителя КВЖД. В ответ Хорват запросил проект нового соглашения, разработанного ЗЖД. Выяснилось, что проект соглашения КВЖД Забайкальская дорога сочла «неприемлемым» и включила в текст соглашение дополнительный пункт, по которому назначение распорядительных агентов на станции Маньчжурия должно было осуществляться с согласия обеих дорог. Причем, если одна из дорог вдруг «заявляла просьбу» о назначении или удалении уже служащего агента, то дорога, на которой агент выполнял свои обязанности, должна была назначить другого агента. В итоге генерал Хорват, выступив против удаления агентов дороги по требованию одной из сторон, не направил представителя КВЖД на переговоры представителей железных дорог²⁶.

4 октября 1908 г. Управление железных дорог предложило через Правление Общества КВЖД обратиться к управляющему КВЖД «командировать представителя этой дороги в совещание», которое планировалось провести в Иркутске «или в крайнем случае на ст. Маньчжурия»²⁷. Результатом непростых переговоров, начавшихся в Иркутске 9 февраля 1909 г., стало соглашение двух дорог²⁸, заключенное 14 февраля. По нему две части станции объединялись под управлением одного начальника станции, назначаемого управ-

²⁴ Там же. Л. 157 об.

²⁵ Там же. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1835. Л. 4 об.

²⁶ Там же. Л. 4.

²⁷ Там же. Л. 1 об.

²⁸ Там же. Л. 69–80.

лением КВЖД из своих агентов по согласованию с начальником ЗЖД²⁹.

Руководство КВЖД выступало против того, чтобы согласовывать с Управлением Забайкальской дороги назначение начальника объединенной станции Маньчжурия, ссылаясь на то, что подобного пункта, являющегося «излишнею формалистикою», нет ни в одном из существующих соглашений, поскольку управлению ЗЖД были неизвестны служащие КВЖД — «кандидаты на должность». Это обязательство КВЖД считало для себя «стеснительным», но в конечном итоге согласилось с данным требованием ЗЖД³⁰. В ведении ЗЖД оставалось хозяйство по службе тяги, поскольку ее депо на станции было преобразовано в коренное и имело «значительное оборудование»³¹.

Соглашения между двумя железными дорогами по вопросу об управлении объединенной станцией Маньчжурия заключались вплоть до революционных событий 1917 г. В основе соглашений лежала конкретная задача: «упростить и ускорить прохождение через станцию грузов и вагонов, уменьшить станционную работу и сократить общие расходы по содержанию двух станций». С 1911 г. предусматривался 3-летний срок действия соглашения между дорогами. Взаимоотношения между руководством двух дорог были далеки от дружественных. Так, ЗЖД должна была выплачивать КВЖД денежные суммы за пользование водой «для нужд движения и служащих». В частности, соглашением от 1 октября 1910 г. ЗЖД должна была платить за воду по 300 руб. в месяц³². Одновременно с этим КВЖД получала право пользоваться поворотным кругом Забайкальской дороги «впредь до установления своего круга или треугольника». Но при этом была установлена и плата за пользование не только кругом, но и рабочей силой ЗЖД. Она составляла 50 руб. в месяц³³.

До 1916 г. соглашения предусматривали ежегодные выплаты Забайкальской дороги управлению КВЖД на содержание объединенной станции. Они составляли 80 тыс. руб. При этом управление КВЖД считало, что взносы ЗЖД не соответствуют затратам на содержание станции. Ежегодную сумму выплат КВЖД пыталась увеличить до 107 800 руб.³⁴ Но официально в соглашениях сумма не менялась до 1916 г., когда по причине всеобщего удорожания она была определена в размере 108 200 руб. в год. В целом расходы по содер-

²⁹ Там же. Л. 19.

³⁰ Там же. Л. 23.

³¹ Там же. Л. 19.

³² Там же. Д. 1836. Л. 29 об.

³³ Там же. Л. 215 об.

³⁴ Там же. Л. 163 об., 177.

жанию объединенной станции Маньчжурия составляли: в 1913 г. — 279 795 руб.; в 1914 г. — 246 345 руб.; в 1915 г. — 262 101 руб.³⁵

Противоречия между дорогами обнаружили не только в финансовых вопросах. Князь С.Н. Хилков от имени управляющего КВЖД 23 сентября 1911 г. сообщал в правление Общества КВЖД, что при объединении станции 1 октября 1910 г. «по настойчивому требованию» управления ЗЖД был создан архив станции за все время ее существования. Принятые от ЗЖД документы серьезно осложняли функционирование станции Маньчжурия: «Нам никакой надобности в этом архиве нет», — сетовал Хилков. А управление ЗЖД просто «заваливает начальника станции требованиями о наведении различных справок за прошлые года, отнимая у него для этого людей и вызывая значительную переписку». Хилков предлагал передать архив станции Маньчжурия Забайкальской дороге. Но представитель ЗЖД «от решения данного вопроса уклонился». Князь обращался в правление Общества КВЖД с просьбой «снестись с Управлением железных дорог» и просить его распоряжения о приеме Забайкальской дорогой «от нас обратно» архива станции Маньчжурия за время, предшествующее 1 октября 1910 г.³⁶

Серьезные претензии у обывателей вызывала и организация отправки грузов со станции. Корреспондент газеты «Забайкалье» отмечал мытарства грузоотправителей, которые привезя свой груз на станцию, вдруг обнаруживали отсутствие не только товарного двора, но необходимых платформ. Привыкнув к осуществлению погрузки «своими средствами», отправители никак не могли смириться с тем, что вагоны под погрузку находились в постоянном движении. А агенты, действовавшие на станции, непрозрачно намекали на то, что отправку груза следовало бы сопроводить коробкой хороших сигар или деньгами на покупку спиртного³⁷.

Станция Маньчжурия, расположенная на стыке двух железных дорог, играла ключевую роль в процессе транспортировки переселенцев, а также китайских рабочих. Через нее по КВЖД на запад проследовали десятки тысяч китайцев, значительная часть которых была занята на постройке российских транспортных коммуникаций³⁸. Эффективность работы станции во многом зависела от правильной организации системы управления. Одновременное участие в этом процессе представителей сразу двух железнодорожных управ-

³⁵ Там же. Л. 236 а, 281.

³⁶ Там же. Л. 137.

³⁷ Забайкалье. 1903. 11 июля.

³⁸ Ходяков М. В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2017. № 1 (18). С. 7–30.

лений вызывало отсутствие единства действий в деле перевозок, не говоря уже о непроизводительной передаче на узловой станции грузов и затруднений в обмене подвижным составом. Кроме того, казенная Забайкальская железная дорога находилась в определенной зависимости от центральных ведомств. Для решения ряда вопросов с ними порой требовалось продолжительное время. В отличие от нее КВЖД, формально эксплуатировавшаяся в качестве частной дороги, имела более широкие полномочия. Не добавляло единства и присутствие на станции Маньчжурия коммерческих передаточных агентов, нередко преследовавших свои личные цели в ущерб государственным интересам.

References

Batalova T.I. *Problema defitsita v zheleznodorozhnoy seti Aziatskoy Rossii v kontse XIX — nachale XX v.* [The Problem of Shortages in the Railway Network of Asian Part of Russia in the Late 19th — Early 20th Centuries] // *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka* [An Economic History of the 20th Century Siberia]. In 3 parts. Part 1 / Ed. by E.V. Demchik. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 2006. P. 153–164.

Bogomazov N.I. "Rel'sovyy golod" na rossiyskikh zheleznnykh dorogakh v gody Pervoy mirovoy voyny i popytki bor'by s nim ["Rail Famine" on Russian Railways During the First World War and Attempts to Combat It] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2023. Vol. 13. N 2. P. 272–290.

Dmitriyeva N.V. *Na puti k KVZHD: finansovaya sostavlyayushchaya istorii stroitel'stva Kaydalovskoy zheleznodorozhnoy vetvi* [On the Way to the Chinese Eastern Railway: The Financial Component of the History of the Construction of the Kaidalovskaya Railway Branch] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2023. Vol. 13. N 4. P. 850–874.

Ivanov A.A., Kal'mina L.V., Kuras L.V. *Zabaykal'skaya periferiya na perelome epoch (1880–1920-ye gg.)* [Transbaikal Periphery at the Turn of the Era (1880–1920s)] / Ed. by B.V. Bazarov. Irkutsk: Ottisk, 2012. 299 p.

Khodjakov M.V., Zhao Zh. *Trudovaya migratsiya kitaytsev v Rossiyu v gody Pervoy mirovoy voyny* [Labor Migration of the Chinese to Russia During the First World War] // *Noveyshaya istoriya Rossii*. 2017. N 1 (18). P. 7–30.

Kitaysko-Vostochnaya zheleznyaya doroga [Chinese Eastern Railway] / Compiled by V.I. Mitelenko, L.M. Lastochkina, I.A. Trunova, B.B. Tychinin, I. Ya. Utesheva. Saint Petersburg: DeskrIPTa, 2022. 368 p.

Nikiforova N.V. *Istoriya Zabaykal'skoy zheleznoy dorogi (1887–1934 gg.): diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [A History of the Transbaikal Railway (1887–1934): PhD Candidate Diss. in History]. Irkutsk: Irkutskiy gosudarstvennyy universitet putey soobshcheniya, 2019. 277 p.

Urbanski S. *Za stepnym frontiro: istoriya rossiysko-kitayskoy granitsy* [Beyond the Seppe Frontier: A History of the Russian-Chinese Border]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2023. 480 p.

Поступила в редакцию
16 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-107-120

С.Е. Руднева

**«ЗЕМСКИЙ СОБОР ВСЕЯ ЗЕМЛИ РУССКОЙ»
В 1917 г. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ НОВЕЙШЕГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОВЕЩАНИЯ 1917 г. А.Б. НИКОЛАЕВА**

S.E. Rudneva

**“ZEMSKY SOBOR OF ALL THE RUSSIAN LAND” IN 1917.
REFLECTIONS ON THE LATEST STUDY OF THE HISTORY
OF THE 1917 STATE CONFERENCE BY A.B. NIKOLAEV**

Аннотация. В рецензии анализируется монография А.Б. Николаева «Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность», опубликованная в 2022 г. Подготовка и проведение масштабного общероссийского мероприятия в революционном 1917 г. даны в русле исследований российского парламентаризма. Созыв Московского Государственного совещания 1917 г. стал насущной необходимостью для коалиционного Временного правительства, рассчитывавшего укрепить свой престиж, личную власть А.Ф. Керенского, возможно, получить «трибуну», где оно могло бы оперативно давать пояснения по всем возникавшим вопросам в случае преобразования его из совещательного суррогата парламента в орган с учредительными функциями. Кроме того, Временное правительство искало возможности примирить на государственном уровне уже совсем к тому времени размежевавшихся революционно-социалистическую демократию и буржуазный либерализм. Значимый характер Московского Государственного совещания 1917 г. состоял в попытке найти выход из создавшегося революционного тупика, послужить для слабой, зависимой, двойственной государственной власти опорой, которая позволила бы ей стать властью единой, сильной, способной спасти страну от внутреннего развала. В стремлении возобладать над надвигающейся политико-социальной анархией совещание явилось напряженным, драматичным моментом в ходе революции 1917 г. Для наблюдателей и участников Государственного совещания было очевидно, что это «Земский собор всея земли Русской», собравшийся

Руднева Светлана Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Российского университета транспорта (МИИТ)

Rudneva Svetlana Evgenievna, Doctor in History, Professor, Department of History, Russian University of Transport (MIIT)

se_rudneva@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3187-0351

в первопрестольной столице России, чтобы решить насущные проблемы, упрочить власть физически и духовно. Итоги Государственного совещания оказались противоречивыми для всех политических сил. Временное правительство смогло получить на совещании поддержку большинства, но характер этой поддержки свидетельствовал о крайне шатком положении коалиции. Автор рецензируемой монографии в результате проведенного исследования приходит к выводу, что Государственное совещание, сохранив коалицию, не укрепило ее. Представители революционной демократии вынуждены были пойти на уступки буржуазии, что привело в дальнейшем к утрате влияния революционной демократии среди рабочих и солдат.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Временное правительство, российский парламентаризм в 1917 г., суррогат парламента, предпарламентаризм, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Abstract. The review examines the monograph by A.B. Nikolaev “State Conference of 1917: Summoning, Composition, Activities”, published in 2022. The preparation and holding of the large-scale all-Russian event in the revolutionary year of 1917 are analyzed in the context of studying parliamentarism in Russia. The Moscow State Conference of 1917 arose from an urgent necessity for the coalition Provisional Government to strengthen its prestige and A.F. Kerensky’s personal power, as well as probably to receive a “tribune”, which could be used to give prompt explanations on all issues that would arise in the event of its transformation from an advisory institution as an ersatz parliament into a body with constituent functions. In addition, the Provisional Government was looking for opportunities on a state level to reconcile revolutionary socialist democracy and bourgeois liberalism movements, which had already completely split by that time. Moscow State Conference of 1917 assumed crucial significance due to the desire to find a way out of the existing revolutionary impasse and to serve as a support for the weak and dependent dual state power. Having ensured this support, it would become a united, strong power, capable of saving the country from internal collapse. In an effort to prevail over the impending political and social anarchy, the Conference became a tense, dramatic episode of the Revolution of 1917. The observers and participants of the State Conference obviously regarded it as the “Zemsky Sobor of all the Russian Land” which met in the former capital of Russia to solve the pressing problems and give state power the physical and spiritual strength it needed. The results of the State Conference proved to be contradictory for all political forces. The Provisional Government was able to obtain majority support at the meeting, but the nature of this support indicated the extremely precarious position of the coalition. As a result of the research, the author of the reviewed monograph comes to the conclusion that the State Conference, while maintaining the coalition, did not strengthen it. Representatives of revolutionary democracy were forced to make concessions to the bourgeoisie, which subsequently led to the loss of revolutionary democracy’s authority among workers and soldiers.

Keywords: February Revolution of 1917, Provisional Government, Russian parliamentarism in 1917, ersatz parliament, pre-parliamentarism, Petrograd Council of Workers’ and Soldiers’ Deputies.

Монография А.Б. Николаева посвящена истории созыва, формирования состава, деятельности Московского Государственного совещания, проходившего с 12 по 15 августа 1917 г. в историческом здании Большого театра¹. История созыва и деятельности Государственного совещания, активная борьба вокруг него различных политических сил в России — важная, интересная, малоизученная тема. Исследование истории совещания, всех сложнейших перипетий, связанных с ним², автор монографии проводит в русле исследований российского парламентаризма, парламентских идей, традиций. Впервые столь глубоко изучается политическое противостояние разнообразных политических сил в связи с созывом Государственного совещания, формированием его состава, деятельности.

Монография состоит из введения, трех глав, заключения, шести приложений, списка использованных источников и литературы, именного указателя. Заинтересованному читателю открывается широкомасштабная картина подготовки общероссийского совещания, от возникновения идеи созыва Государственного совещания в условиях революционного 1917 г., до его созыва, работы по дням, подведения итогов форума.

Созванное Временным правительством 12–15 августа 1917 г., Государственное совещание было институтом общественно-правительственной (предпарламентской)³ линии развития парламентаризма, направленной на поддержку правительственной власти со стороны общественных организаций. Временное правительство нуждалось в формальном выражении ему доверия и поддержки со стороны общества⁴. Как отмечает А.Б. Николаев, в нарушение договоренностей, заключенных в ночь на 2 марта 1917 г. между М.В. Родзянко, с одной стороны, и А.Ф. Керенским, с другой, в присутствии князя Г.Е. Львова, вопрос о восстановлении парламентских прав Государственной думы IV созыва был отклонен Временным правительством, не создавшим Думу и Государственный совет в апреле 1917 г.⁵

¹ Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность: монография. СПб., 2022.

² Яковенко Б.В. История Великой русской революции: Февральско-мартовская революция и ее последствия. М., 2013. С. 280.

³ Руднева С.Е. Предпарламент (октябрь 1917 г.): опыт исторической реконструкции. М., 2006. С. 16–17.

⁴ Бубликов А.А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы): впечатления и мысли очевидца и участника. М., 2018. С. 95.

⁵ Николаев А.Б. Политическая система в России в марте — октябре 1917 г.: основные черты и этапы истории // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. Vol. 12. N 1. С. 109–110, 118, 129 и др.

Временное правительство, не заинтересованное в сложении своих полномочий, не нуждалось в полноценном парламенте, поскольку временный характер власти оказался бы исчерпан.

А.Б. Николаев справедливо замечает, что ни Государственная дума, ни Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов полностью для этой роли не подходили, поскольку Дума стремилась к восстановлению своих прежних функций и получению новых, а Петроградский Совет рассчитывал на заполнение собой парламентского вакуума в качестве «революционного парламента» (с. 6). Следовательно, актуальность приобретал вопрос о включении в механизм власти Временного правительства такого же временного представительного органа. Московское Государственное совещание по способу формирования, составу и функциям стало суррогатом совещательного парламента.

Идея проведения такого совещания возникла в дни апрельского кризиса 1917 г., в июльские дни 1917 г. эти планы получили свое дальнейшее развитие и были осуществлены 12–15 августа 1917 г. Автор монографии прав, что важнейшие итоги Государственного совещания использовались при проведении Всероссийского Демократического совещания, состоявшегося 14–22 сентября в Петрограде. Деятельность Московского Государственного совещания, Демократического совещания в Петрограде, затем Предпарламента (7–25 октября, Петроград) стоит рассматривать в качестве взаимообусловленных составляющих единого процесса развития российского парламентаризма в революционном 1917 г.⁶ Особенность политической борьбы, развернувшейся в связи с Государственным совещанием, состояла в противостоянии между буржуазией, революционной демократией и большевиками.

Автор рецензируемой монографии проводит подробнейший историографический анализ огромного массива исследований по теме: от первых статей 1917 г. о совещании до трудов современных авторов. Источниковая база исследования не менее фундаментальна. Подробно изучены соответствующие фонды ГАРФ, РГИА, ЦГАМО, ЦГА Москвы, стенографический отчет Государственного совещания, опубликованный в 1930 г., документы делопроизводственного характера, публиковавшиеся в многочисленных сборниках. Также при подготовке монографии А.Б. Николаевым использовались работы деятелей партии большевиков — В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина, периодическая печать различных

⁶ Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): история форума. М., 2000. С. 4.

партийных направлений. Автором исследования подробно изучены материалы и документы 350 газет, что составляет большую часть газетного фонда 1917 г., хранящегося в Санкт-Петербурге. В результате кропотливого исследовательского труда по материалам печати автору монографии удалось восстановить фамилии более 350 членов Государственного совещания, ранее неизвестных. Кроме того, опубликованные на страницах газет тексты речей и деклараций сравнивались с текстами из стенографического отчета. При проведенной работе с газетами А.Б. Николаевым выявлен и использован в рецензируемой монографии полный текст декларации IV Государственной думы, опубликованный демократической и социалистической газетой «Власть народа» 17 августа 1917 г.

Автором широко использованы документы личного происхождения. Привлечены мемуары и воспоминания непосредственных участников событий — министра-председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, командующего Московским военным округом А.И. Верховского, представителей революционной демократии Н.Н. Суханова, И.З. Штейнберга, членов Государственной думы разных созывов: гр. Э.П. Беннигсена, А.А. Бубликова, П.Д. Долгорукова, Н.И. Кареева, П.Н. Милюкова, В.Д. Набокова, Л.Н. Новосильцева, Н.В. Савича, С.И. Шидловского.

Безусловный вклад А.Б. Николаева в изучение темы и новизна исследования состоят в том, что в нем представлена целостная история Государственного совещания 1917 г. в Москве. Впервые показана автором история возникновения идеи совещания, освещены и проанализированы различные проекты созыва форума, установлена необходимая взаимосвязь между проектами, показаны и исследованы позиции партий и организаций, борьба партии большевиков против идеи Государственного совещания в апреле 1917 г. А.Б. Николаевым по-новому рассмотрена практическая подготовка созыва и ход Государственного совещания, представлена во всем многообразии политическая борьба вокруг него в июле — августе 1917 г. Впервые автором монографии поставлен и вопрос о позиции большевистской фракции Государственного совещания 1917 г.

В основу монографии А.Б. Николаевым положена его диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель — август 1917 г.)», написанная под руководством видного историка, доктора исторических наук, профессора О.Н. Знаменского, защищенная в 1990 г. Благодарной памяти научного руководителя и посвящена рецензируемая моно-

графия. Как до, так и после защиты у А.Б. Николаева выходили работы, написанные по теме этой диссертации, многие из них широко востребованы исследователями революции 1917 г. Автор монографии, известный специалист по теме исследования, обобщил в монографии и глубоко проанализировал все свои наработки по истории Государственного совещания.

Глава первая посвящена исследованию возникновения и развития идеи Государственного совещания с апреля по июль 1917 г. А.Б. Николаев дополняет тезисы своей статьи «Парламентский проект В.В. Шульгина»⁷, опубликованной в 1994 г. Автор исследования отмечает, что 21 апреля 1917 г. на заседаниях думского Комитета в ходе обсуждения вопроса о путях выхода из апрельского политического кризиса В.В. Шульгин выступил с предложением о создании совещательного органа при Временном правительстве. Аргументация Шульгина была следующей: во-первых, в стране нет общей «трибуны», с которой могли бы выступать представители различных политических течений, поскольку Государственная дума не заседала, а Совет рабочих и солдатских депутатов не выражал интересов всей страны; во-вторых, отсутствовала «трибуна» для Временного правительства, где оно могло бы оперативно давать пояснения по всем возникавшим вопросам. Шульгин предложил состав такого совещательного органа: Временное правительство в полном составе, представители Государственной думы, члены Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. По мнению Шульгина, представители Думы в этом совещании должно было быть столько же, сколько представителей Совета, что обеспечило бы внутреннее равновесие совещательного парламента, равное представительство демократической и цензовой общественности. В основу такого совещательного органа Шульгин предлагал положить принцип квотированного представительства, при котором выделенные квоты заполнялись бы самостоятельно участниками совещания. Это предполагало включение в него наиболее видных представителей Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Анализируя гипотетическую перспективу деятельности такого «парламентского» совещания, А.Б. Николаев справедливо отмечает, что думская часть совещания шла бы рука об руку с Временным правительством при рассмотрении различных проектов, а при осуществлении их прикрывалась бы авторитетом Петроградского Совета. Петроградскому Совету навязывался бы парламентский образ действий, при-

⁷ Николаев А.Б. «Парламентский» проект В.В. Шульгина // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды / Ред. кол.: В.И. Старцев и др. Вып. 2. СПб., 1994. С. 36–42.

учавший к парламентским формам борьбы с несоциалистическим представительством. Совещательный парламент стал бы не только противовесом «безответственным» Советам, но также их политическим воспитателем.

В прениях на заседании Временного комитета Государственной думы (ВКГД) 21 апреля 1917 г. противников проекта Шульгина оказалось больше, чем сторонников. Одни скептики считали, что создание совещательного парламента может внушить неправильную мысль, будто Учредительное совещание предполагается созвать не так скоро. Это признавалось опасным, поскольку в марте — апреле 1917 г. идея и лозунг Учредительного собрания пользовались наибольшей популярностью, что приходилось безусловно учитывать в борьбе за влияние на массы.

Другие противники проекта указывали, что устройство такого рода совещательного парламента может еще больше затруднить и без того сложное положение Временного правительства, так как ему будут беспрестанно задавать «трудные» вопросы. Третья группа противников проекта Шульгина полагала, что неудобно создавать такой своеобразный совещательный парламент в то время, когда формально продолжает существовать Государственная дума. Среди них был М.В. Родзянко, считавший необходимым восстановить полностью функции Государственной думы в том составе, в котором ее застала революция. Позже, как отмечает автор монографии, Родзянко заявлял о своей готовности приступить к новой в то время конструкции Думы: кооптировать в нее представителей революционной демократии, которые заменили бы тех депутатов, которые выступали против ее созыва — всё левое крыло до партии октябристов; созвать всех членов всех четырех Государственных дум и объявить их Национальным собранием (с. 35).

Противники предложения Шульгина могли также понимать его как радикальную, даже капитулянтскую реформу Государственной думы. Поэтому она была неприемлема для сторонников сохранения Думы как представительного органа, находящегося на каникулах или в состоянии технического перерыва. По утверждению А.Б. Николаева, на заседании Временного комитета Государственной думы проект В.В. Шульгина о создании совещательного парламента не был поддержан. В связи с этим проектом возник план создания частных совещаний членов Государственной думы, исходивший, по мнению автора монографии, от противников шульгинского проекта создания совещательного парламента (с. 37). Состоявшиеся 2, 3, 4 мая 1917 г. совместные совещания Временного правительства, Исполко-

ма Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы, с обсуждением на них вопроса о создании коалиции, показали отсутствие намерений у Временного правительства по возобновлению заседаний Государственной думы и потребности в опоре⁸ на суррогат парламента.

Не состоявшаяся поддержка Временным правительством проекта Шульгина объяснялась, на взгляд А.Б. Николаева, тем, что оно не прочь было использовать Государственную думу как исходный материал для строительства удобной для себя линии парламентаризма, квазипарламента⁹, и ясно видело падающий авторитет этого представительного органа. Также Временному правительству было выгоднее ограничить растущее влияние Советов, их стремление посягать на полномочия правительства, а не стимулировать эти процессы при помощи парламентаризма. В целом, Временное правительство предполагало препятствовать развитию парламентаризма в думских или советских формах. Как отмечает автор монографии, Временное правительство если и нуждалось в поддержке, то в более широкой, чем соединенное в совещательном парламенте представительство Государственной думы и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (с. 39). По этой причине Временное правительство склонялось к проектам создания совещательного учреждения, сформированного из представителей других организаций.

А.Б. Николаев считает, что не последнюю роль в судьбе предложения сыграли позиции партий меньшевиков и эсеров, занятые ими в апреле 1917 г. относительно проектов создания всякого рода парламентских учреждений. В местных организациях, находившихся под влиянием эсеров и меньшевиков, общее представление о парламенте было смутное. Отношение к различным проектам создания суррогатов парламента в соглашательской среде было неоднозначным, имелись как их сторонники, так и противники. Парламентские усилия Государственной думы вызывали почти единодушный протест со стороны петроградских меньшевиков. По утверждению автора исследования, проект Шульгина не нашел поддержки в среде эсеров и меньшевиков, занимавших руководящее положение в Исполкоме Совета, члены которого должны были по его проекту принять участие в работе совещательного органа при Временном правительстве

⁸ Вознесенский А.Н. Москва в 1917 году. М., 2018. С. 107.

⁹ Николаев А.Б. Александр Федорович Керенский в 1917 году: краткая биография политика // А.Ф. Керенский: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, коммент. А.Б. Николаева. СПб., 2016. С. 88.

наряду с представителями Государственной думы. В то же время, некоторые меньшевики из московской организации поддержали другой проект создания парламентского учреждения, появившийся в Комитете московских общественных организаций (МОО).

Также 21 апреля 1917 г. на частном совещании Комитета московских общественных организаций при обсуждении политического кризиса, вызванного нотой П.Н. Милюкова, председатель президиума исполнительного комитета МОО кадет Н.М. Кишкин предложил обменяться мнениями по существу конфликта. В ходе дискуссии возник вопрос о государственном органе из представителей общественных организаций для совещания с правительством и его поддержки.

По утверждению А.Б. Николаева, идея Государственного совещания возникла после 4 часов дня 21 апреля 1917 г. в ходе частного совещания Комитета МОО. Вместе с тем, отмечает автор монографии, сама постановка вопроса о Государственном совещании на «частном совещании» членов Комитета могла быть связана с проектом В.В. Шульгина. Н.М. Кишкин 21 апреля вел переговоры с товарищем министра внутренних дел Д.М. Щепкиным. Щепкин общался с М.В. Родзянко, от которого мог, по мнению А.Б. Николаева, получить информацию о проекте Шульгина. «Можно предположить, что проект Шульгина через Щепкина стал известен Кишкину, который мог проинформировать о нем членов «частного совещания» членов КМОО. В результате обсуждения этой информации и могла возникнуть мысль о создании Государственного совещания» (с. 42–43). Автор монографии подчеркивает, что идея созыва парламентского учреждения не получила правительственной поддержки, в среде московской буржуазии были сильны настроения против созыва Государственного совещания, негативно отнеслись к этой идее представители эсеров и меньшевиков, с протестом выступили большевики.

Развитию идеи созыва совещания в Москве способствовали июльский кризис 1917 г. и события, связанные с ним. 8 июля 1917 г. министром-председателем стал А.Ф. Керенский, которому предстояло сформировать новый состав Временного правительства. На заседании Временного правительства вечером 11 июля и в ночь на 12 июля 1917 г. государственный контролер октябрист И.В. Годнев указал, что Временное правительство не совсем считается с огромными и важными по своему значению группами русского общества, подчеркнул необходимость созыва совещания в Москве не позднее 18 июля 1917 г. из представителей всех организован-

ных сил страны, не имевших представительства в Советах. Изучив большой массив материалов прессы по этому вопросу, А.Б. Николаев пишет, что вопрос об участии кооперативов, профсоюзов, Советов в Московском совещании Годневым не ставился, а был решен в ходе обсуждения его предложения. Министры-социалисты сумели перехватить инициативу у Годнева: Советы получали места на совещании. Организация совещания в Москве должна была проходить под общим руководством А.Ф. Керенского. Инициатива созыва совещания ставила своей целью дальнейшее наступление на Советы, непосредственной задачей провозглашалось разрешение правительственного кризиса.

Государственное совещание должно было своим авторитетом поддерживать правительственную программу и укрепить личную власть А.Ф. Керенского. Однако планы Временного правительства, а также лично Керенского оказались под угрозой срыва, поскольку в ход подготовки Государственного совещания вмешался главковерх генерал Л.Г. Корнилов. Керенский предпринял против главковерха ряд шагов, которые должны были подготовить общественное мнение к предстоящей его отставке, чтобы при этом не ослабить своего собственного положения. В то же время началась консолидация сил, стоявших на корниловской платформе. Как отмечает А.Б. Николаев, у Корнилова уже был определенный план давления на Временное правительство, не исключавший и вооруженное восстание. Натолкнувшись на сопротивление правых, Керенский не рискнул снять Корнилова с поста главковерха, но предпринял ряд мер против отдельных организаций — сторонников Корнилова. Выступление Корнилова на Государственном совещании, по мнению Керенского, не должно было касаться общегосударственных вопросов. Содержание доклада посвящалось бы ситуации на фронте, состоянию армии, стратегическому положению.

А.Б. Николаев подробно освещает организацию и проведение Государственного совещания, работу Московского городского общественного управления по устройству масштабного общероссийского мероприятия. Временное правительство, формируя состав Государственного совещания, делало ставку на представительство в нем общественных организаций, а не политических партий. Поэтому, как замечает автор монографии, особый интерес представляет выяснение вопроса о позиции различных политических партий в связи с созывом Московского совещания. Рассмотрев их подробно, исследователь указывает, что к 11 августа 1917 г. целью Государственного совещания выдвигалось укрепление личной власти

А.Ф. Керенского, в качестве задачи — сохранение и укрепление коалиции на основе правительственной программы «порядка, жертв и обороны». Временное правительство надеялось, что это Совещание устранил трения между различными группами и партиями и создаст настроение общего единения перед лицом грозной опасности, переживаемой страной. Состав Государственного совещания был подобран таким образом, чтобы обеспечить преобладание на нем буржуазных представителей. В то же время организаторы стремились уравновесить буржуазный и демократический элементы состава совещания.

В главе 3 монографии А.Б. Николаев подробно рассматривает деятельность Государственного совещания 12–15 августа 1917 г. в Москве, групповые и фракционные заседания членов Государственного совещания, анализирует итоги совещания. Освещен приезд Л.Г. Корнилова в Москву и вопрос о возможном выступлении корниловцев в дни Государственного совещания. На совещании состоялось объединение буржуазных сил, сформировался блок на основе кадетских лозунгов создания «твердой единой власти» и «возрождения русской армии». Однако в то же время обнаружилось разбро и шатание в среде представителей буржуазных сил. Совещание показало полевание ряда организаций, в которых у кадетов ранее были достаточно прочные позиции: в группах губисполкомов общественных организаций, городских самоуправлений и губернских земств большинство было за представителями партий, входивших в Советы и им сочувствовавших. Сочетание благоприятных и неблагоприятных факторов, выявившихся в ходе Государственного совещания, усилило стремление кадетов к радикализации (с. 368).

Положение Временного правительства должно было внушать опасение Керенскому. В поисках «твердой власти» Керенский неизбежно шел на сближение с Корниловым. В условиях, когда Керенский собирался разорвать коалицию, а Корнилов с оружием в руках выступить против революционных завоеваний, лидеры ЦИК Советов превозносили результаты Государственного совещания. Действительно, как отмечает А.Б. Николаев, у революционной демократии были основания считать итоги Государственного совещания успешными для защиты своей политики. На совещании была выработана, оглашена, поддержана демократией декларация 14 августа 1917 г. Этот документ стал платформой демократического блока, который начал складываться на Совещании. В его состав вошли представители советской и «несоветской» демократии, к последней относились представители кооперации и интеллигентских

организаций. Складывание демократического блока привело, в свою очередь, к появлению проекта созыва «революционного парламента» в составе участников Государственного совещания, присоединившихся к декларации 14 августа 1917 г., некоторых представителей торгово-промышленных кругов и членов Государственной думы как отдельных политических деятелей (с. 373). Так было положено начало реализации идеи Демократического совещания, возникшей еще в 20-х числах июля 1917 г.¹⁰ Относительно борьбы большевиков в связи с итогами Государственного совещания, А.Б. Николаев отмечает, что она способствовала росту влияния большевистской партии среди рабочих и солдат, приводила к сплочению революционных сил для борьбы против наступления на завоевания революции. «Итоги Государственного совещания были противоречивы для всех политических сил, принимавших в нем участие. В лучшем положении оказались те из них, кто сумел мобилизовать своих сторонников для отстаивания своих интересов уже после Государственного совещания» (с. 380).

Наиболее противоречивыми автор монографии называет результаты совещания для революционной демократии. Лидеры ЦИК смогли сплотить на «платформе 14 августа» более 1200 членов совещания, создать на ее основе демократический блок, но вынуждены были пойти на уступки буржуазии, что привело к дальнейшей утрате влияния революционной демократии среди рабочих и солдат. Объективно совещание способствовало подъему революционных настроений в стране, чем воспользовались большевики для формирования революционной армии, задействовав эту силу для решения дальнейших вопросов революции.

Завершают монографическое исследование шесть содержательных приложений. В Приложении № 1 перечислены организации (учреждения), которым было отказано в представительстве на Государственном совещании, в Приложении № 2 указан численный и партийный состав участников Государственного совещания. Приложение № 3 представляет пофамильный состав участников Государственного совещания. В основу положен Список, помещенный в стенографический отчет Государственного совещания. Опираясь на материалы периодической печати, кропотливую работу с другими источниками, А.Б. Николаев пополнил Список на 374 фамилии. Из них 119 членов I–IV Государственных дум, входивших на Государственном совещании в другие группы.

¹⁰ Руднева С.Е. Демократическое совещание С. 15, 246.

В Приложении № 4 опубликован список лиц — служащих Московского городского общественного управления, принимавших участие в организации хозяйственной части Государственного совещания 14–16 августа 1917 г. В Приложении № 5 дан справочный листок — инструкция для членов Государственного совещания в Москве. Отмечалось, что совещание начнется 12 августа 1917 г. в 3 часа дня. 12 августа предполагалось посвятить сообщению членов Временного правительства. 13 августа планировались фракционные совещания, 14 августа — речи представителей различных групп совещания. Давались рекомендации участникам совещания по проезду на транспорте к зданию Большого театра, правилам получения билетов для входа на совещание, условиям питания в буфете, размещению в городских помещениях. Предусматривалось получение корреспонденции на имя членов совещания, почтово-телеграфные услуги, оказание необходимой медицинской помощи, приобретение железнодорожных билетов из Москвы по специальным заявлениям. В Приложении № 6 перечислены группы членов Государственного совещания, присоединившиеся к декларации объединенной демократии (декларация 14 августа 1917 г.).

Московское Государственное совещание наглядно продемонстрировало существование глубокого внутреннего антагонизма среди действовавших сил революции 1917 г. в России между правым либерально-буржуазным крылом, революционно-демократическим центром и крайне левой стороной. Совещание не уменьшило их разногласий, наоборот, обнаружило явную непримиримость. Монография А.Б. Николаева вносит большой вклад в изучение истории Государственного совещания, она безусловно займет достойное место среди исследований, посвященных истории российского парламентаризма в 1917 г., социальных реформ, движений, революции 1917 г. в России.

References

Nikolayev A.B. *Aleksandr Fedorovich Kerenskiy v 1917 godu: kratkaya biografiya politika* [Alexander Fedorovich Kerensky in 1917: A Brief Biography of the Politician] // *A.F. Kerenskiy: pro et contra. Antologiya* [A.F. Kerensky: Pro et Contra. An Anthology] / Compiled and commented by A.B. Nikolayev. Saint Petersburg: RKhGA, 2016. P. 7–92.

Nikolayev A.B. *Gosudarstvennoye soveshchaniye 1917 goda: sozvyv, sostav, deyatel'nost'* [State Conference of 1917: Summoning, Composition, Activities]. Saint Petersburg: Asterion, 2022. 480 p.

Nikolayev A.B. “Parlamentskiy” proyekt V.V. Shulgina [V.V. Shulgin’s “Parliamentary” Project] // *Rossiya v 1917 godu. Novyye podkhody i vzglyady* [Russia in 1917. New

Approaches and Perspectives] / Ed. by V.I. Startsev et al. Issue 2. Saint Petersburg: Tretya Rossiya, 1994. P. 36–42.

Nikolayev A.B. *Politicheskaya sistema v Rossii v marte-oktyabre 1917 g.: osnovnyye cherty i etapy istorii* [Political System in Russia in March–October 1917: Main Features and Stages of Its History] // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2019. Vol. 12. N 1. P. 97–146.

Rudneva S.E. *Demokraticeskoye soveshchaniye (sentyabr' 1917 g.): istoriya foruma* [The Democratic Conference (September 1917): A History of the Forum]. Moscow: Nauka, 2000. 253 p.

Rudneva S.E. *Predparlament (oktyabr' 1917 g.): opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Pre-Parliament (October 1917): A Case of Historical Reconstruction]. Moscow: Nauka, 2006. 279 p.

Voznesenskiy A.N. *Moskva v 1917 godu* [Moscow in 1917]. Moscow: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 2018. 302 p.

Yakovenko B.V. *Istoriya Velikoy russkoy revolyutsii: Fevral'sko-martovskaya revolyutsiya i yeye posledstviya* [A History of the Great Russian Revolution: The February-March Revolution and Its Consequences] / Preparation of the text and introduction by A.M. Shitov; notes by A.M. Shitov, O.T. Yermishin. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna: VIKMO-M, 2013. 426 p.

Поступила в редакцию
15 февраля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-121-141

В.В. Дементьева

И.Л. МАЯК КАК РЕЦЕНЗЕНТ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО РИМА

V.V. Dementyeva

I.L. MAYAK AS A REVIEWER OF SCIENTIFIC LITERATURE ON THE HISTORY OF ANCIENT ROME

Аннотация. Предмет данного исследования — научное наследие заслуженного профессора Московского университета Ии Леонидовны Маяк (1922–2018) в той его части, которую составляют опубликованные ею в 1958–1999 гг. рецензии на монографии по римской истории отечественных и зарубежных авторов. Рассматриваются побудительные мотивы И.Л. Маяк к написанию рецензий, методологические основы ее анализа, требования к источниковой базе и историографическому фундированию антиковедческих работ, к их структуре и логике изложения. Отмечается неприятие И.Л. Маяк догматизма в применении теории общественно-экономических формаций, а также гиперкритического отношения к источникам по архаическому Риму, распространение которого она считала методологическим следствием кантианства. Автор показывает, что И.Л. Маяк не только отслеживала трудный процесс реабилитации античной традиции как источ-

Дементьева Вера Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, руководитель Научно-образовательного центра антиковедения ЯрГУ

Dementyeva Vera Victorovna, Doctor in History, Professor, Department of General History, Head, Scientific and Educational Centre for Classical Studies, P.G. Demidov Yaroslavl State University

vv_dementieva@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1305-3251

Статья подготовлена при финансовой поддержке Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова (проект VIP-018).

This research has been supported by P.G. Demidov Yaroslavl State University within the framework of the scientific project VIP-018.

Статья подготовлена на основании доклада, прочитанного автором на конференции памяти заслуженного профессора Московского университета Ии Леонидовны Маяк, посвященной 100-летию со дня ее рождения, организованной кафедрой истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова. Подробно об этой конференции см.: *Бугаева Н.В.* Научная конференция памяти заслуженного профессора Московского университета Ии Леонидовны Маяк (1922–2018) (Москва, 30 сентября — 1 октября 2022 г.) // Вестник древней истории. 2023. № 1 (83). С. 992–996.

ника для изучения римской архаики, она сама активно продвигала этот процесс, в том числе — рецензируя чужие труды. Излагаются такие требования И.Л. Маяк к антиковедческим исследованиям, как необходимость проводить терминологический анализ сведений источников, проследить изменение содержания понятий с течением времени, показывать возможность различных интерпретаций приводимых фактов. При формулировании теоретических построений императивом И.Л. Маяк были: давать свою концепцию на фоне концепций предшественников; если проблема дискуссионная, обозначать свою позицию четко и определенно. Анализ содержания рецензий, написанных Ией Леонидовной, позволяет сделать вывод, что они дают возможность расширить представления о ее научных позициях, особенно по тем проблемам римской истории, изучением которых она непосредственно не занималась в своих монографиях и статьях, в частности, по вопросу о сохранении полисных основ в поздней Римской империи. Тексты рецензий И.Л. Маяк подкрепляют памятный многим поколениям историков ее образ: уважительное отношение к коллегам даже при серьезной критике написанного ими, деликатность замечаний, строгая академичность выражений. Показана полемическая заостренность и диалогичность рецензий И.Л. Маяк.

Ключевые слова: античная история, архаический Рим, Римская республика, Римская империя, научные рецензии, античная традиция, гиперкритицизм.

Abstract. The subject of this study is a part of the scientific heritage of the Honored Professor of Moscow University, Iya Leonidovna Mayak (1922–2018), represented by her reviews on national and foreign monographs on Roman history, published in 1958–1999. The article deals with I.L. Mayak's motives for writing the reviews, the methodological foundations of her analysis, her requirements for the source base and the historiographical rating of classical studies, their structure and the logic of presentation. It is noted that I.L. Mayak was opposed to dogmatism in the application of the theory of socio-economic formations as well as a hypercritical attitude to sources related to archaic Rome, the spread of which she considered to be the methodological consequence of Kantianism. It is shown that I.L. Mayak not only monitored the difficult process of rehabilitation of the ancient tradition as a source for studying the archaic Rome, but herself actively promoted this process, in particular by means of reviewing other people's works. The study considers the requirements set out by I.L. Mayak for classical studies such as the need to provide a terminological analysis of sources data, to trace changes in the content of concepts over time, to show the possibility of various interpretations of the given facts. In the formulation of theoretical constructions I.L. Mayak considered essential to provide a concept against the background of the concepts introduced by predecessors, and if the problem was debatable, to indicate the view clearly and definitely. The analysis of reviews written by Iya Leonidovna allows us to conclude that they make it possible to expand our understanding of her academic views, especially on those problems of Roman history, which she did not directly examine in her monographs and articles, in particular, on the issue of preserving polis paradigm in the late Roman Empire. Reviews by I.L. Mayak reflect her image memorable to many generations of historians: she was respect-

ful to colleagues, however critical of their work, delicate in remarks, stringently academic in expressing her thoughts. The article shows the polemic sharpness and dialogic character of the reviews by I.L. Mayak.

Keywords: ancient history, archaic Rome, Roman Republic, Roman Empire, ancient tradition, hypercriticism.

* * *

Рецензия научного издания — особняком стоящий жанр исследовательского труда ученого. Рецензирование трудов коллег по ремеслу историка не каждому дается с точки зрения выдерживания чистоты этого жанра и объективизации позиции рецензента. Вместе с тем, опубликованные рецензии — особенно, когда их у автора накапливается значимое количество, — многое могут сказать о нем как ученом: диапазоне его интересов (насколько дальше они простираются тех вопросов, которые он разрабатывает сам), его представлениях об «идеальной монографии», принадлежности к научному направлению, методологии и методике его работы, собственных предпочтениях в опоре на источниковую базу, а также достижения историографии и т.д. Одновременно рецензии характеризуют и непосредственно личность самого рецензента, его человеческие качества. По рецензии часто видно отношение к чужому труду как таковому и, в принципе, к любому собрату по профессии. Если для человека в роли рецензента признание заслуг другого возможно лишь с явным усилием, — это одна натура, а если он может от души восхищаться тем, что сделал коллега, — совсем другая. Поэтому в рецензиях, оставшихся в исследовательском наследии ушедшего ученого, можно добыть штрихи к его портрету — как профессиональному, так и личностному. И, разумеется, рецензии являются специфическим срезом состояния какой-либо области научного знания в определенных временных рамках: они показывают не только актуализированные в ней проблемы на соответствующем этапе развития историографии, но и характерные для этого этапа способы ведения заочной полемики, принятые нормы и правила научного обсуждения на страницах специализированной печати.

Наследие заслуженного профессора МГУ Ии Леонидовны Маяк (1922–2018), кроме статей и монографий, разделов учебников по древней истории, историографии и источниковедению, публикаций по методике преподавания, включает в себя 10 журнальных рецензий: семь на отдельные монографии¹, одну на несколько книг

¹ *Маяк И.Л.* D. Kienast. Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit. Heidelberg, 1954 // ВДИ. 1958. № 3 (65). С. 185–198; *Маяк И.Л.* Н.Н. Залесский. Этрусски в Северной Италии. Л., Изд-во Ленинградского университета, 1959 // ВДИ. 1961.

одного автора — Э. Перуцци², одну на несколько работ трех разных авторов³; хронологический диапазон публикаций — свыше 40 лет, с 1958 г. до 1999 г.

Большинство рецензий И.Л. Маяк (7 из 10) были опубликованы в «Вестнике древней истории». Среди них есть и весьма объемные для такого рода публикаций: набранные петитом, они могут доходить до 18 страниц большого журнального формата. Для рецензий на монографии Ия Леонидовна брала работы на русском (3 работы, одна из них двухтомник⁴), итальянском (3 книги, одна из них двухтомник⁵), немецком (2 работы)⁶, французском (2 работы)⁷, английском (2 работы)⁸ языках. В числе книг, попавших для рецензирования в круг зрения Маяк, были написанные — кроме тех представителей национальных историографий, для которых перечисленные языки были основными, — польским (Станиславом Мрожеком) и бельгийским (Жаком Пусэ) антиковедами.

№ 2 (76). С. 111–115; *Маяк И.Л.* Ф.М. Нечай. Рим и италики. Минск, 1963 // ВДИ. 1965. № 4 (94). С. 174–179; *Маяк И.Л.* E. Peruzzi. Aspetti culturali del Lazio primitive. Firenze, 1978 // ВДИ. 1980. № 3 (153). С. 200–215; *Маяк И.Л.* Новый труд о древнейшем Лации // ВДИ. 1983. № 1 (163). С. 187–199; *Маяк И.Л.* Рецензия на книгу: F. Milazzo “Realizzazione delle opere pubbliche in Roma arcaica e repubblicana. *Munera e ulro tribute*”. Napoli, 1993. 191 p. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1997. № 1 (2). С. 131–135; *Маяк И.Л.* Рецензия на книгу: Mrozek S. Die Städtlichen Unterschichten Italiens in den Inschriften der römischen Kaiserzeit (*populus, plebs, plebs urbana u. a.*). Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. 60 s. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 220–229; *Маяк И.Л.* Рецензия на: Т.А. Бобровникова. Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. Кн. первая. Война. 208 с. Кн. вторая. Мир. 240 с. Воронеж, 1996 // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 173–174.

² *Маяк И.Л.* Проблема возникновения Рима в исследованиях Э. Перуцци // ВДИ. 1975. № 4 (134). С. 147–165.

³ *Маяк И.Л.* Из новой литературы по источниковедческим проблемам древнейшего Рима // ВДИ. 1972. № 3 (121). С. 214–221.

⁴ *Залесский Н.Н.* Этруски в Северной Италии. Л., 1959; *Нечай Ф.М.* Рим и италики Минск, 1963; *Бобровникова Т.А.* Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. Кн. первая. Война. Воронеж, 1996; *Бобровникова Т.А.* Сципион Африканский. Картины жизни Рима эпохи Пунических войн. Кн. вторая. Мир. Воронеж, 1996.

⁵ *Peruzzi E.* Origini di Roma. Vol. 1. La famiglia. Fierenze, 1970; *Peruzzi E.* Origini di Roma. Vol. II. Le lettere. Bologna, 1973; *Peruzzi E.* Aspetti Culturali del Lazio Primitivo. Florence, 1978; *Milazzo F.* La realizzazione delle opere pubbliche in Roma arcaica e repubblicana. *Munera e ulro tributa*. Napoli, 1993.

⁶ *Kienast D.* Cato der Zenser: seine Persönlichkeit und seine Zeit. Heidelberg, 1954; *Mrozek S.* Die Städtlichen Unterschichten Italiens in den Inschriften der römischen Kaiserzeit. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990.

⁷ *Bloch R.* Tite Live Et Les Premiers Siècles De Rome. Paris, 1965; *Poucet J.* Recherches Sur La Légende Sabine des Origines de Rome (Recueil de travaux d'histoire et de philologie. Série 4. Fasc. 37). Université de Louvain, 1967.

⁸ *Franzoso C.M.* The life and times of Tarquin the Etruscan. London, 1960; *Peruzzi E.* Mycenaean in Early Latium. With an Archaeological appendix by Lucia Vagnetti. Roma, 1980.

Главный побудительный мотив для написания Ией Леонидовной рецензии – значение для антиковедческой науки проблематики исследования и его высокое качество⁹. Отбор книг для анализа она проводила не с целью применить и отточить критическое перо. Ни разу Маяк не объяснила выбор объекта рецензирования тем, что нужно подвергнуть книгу критическому разбору, поскольку та явно этого требует (в отличие от рецензий нынешнего дня, авторы которых могут сразу декларировать эту потребность). Если в мировой либо в отечественной историографии отсутствовали специальные монографии по какому-либо важному вопросу римской истории, то при издании таковой Ия Леонидовна откликнулась на книгу, тем более, если автор многосторонне стремился подойти к раскрытию изучаемого явления, как это было в случае с книгами Федора Макаровича Нечая и Николая Николаевича Залесского¹⁰.

Ия Леонидовна считала нашу страну великой историографической державой и полагала, что все крупные темы мировой истории, тем более древней, а особенно близкой ей римской, должны быть представлены на монографическом уровне. Тем более, если с точки зрения обобщения имеющегося материала наша историография опережала западную, Маяк радовалась этому факту и гордилась им, что отчетливо проявилось в рецензии на монографию Н.Н. Залесского об этрусках в Северной Италии¹¹. Именно заполнение пробелов в изучении появлением новой книги заставляло Ию Леонидовну взяться за написание рецензий, как это опять-таки видно в рецензии на двухтомник Татьяны Андреевны Бобровниковой о П. Корнелии Сципионе Африканском¹².

Весьма показательно то, на что именно Ия Леонидовна обращала внимание при написании рецензий, что выделяла в рассмат-

⁹ Маяк И.Л. Рецензия на книгу F. Milazzo... С. 131: «Значимость проблемы и высокий уровень ее исследования побуждают нас изложить для русского читателя основное содержание книги».

¹⁰ Маяк И.Л. Ф.М. Нечай. Рим и италики... С. 174; Маяк И.Л. Н.Н. Залесский. Этруски в Северной Италии... С. 111: «... в советской исторической литературе до сих пор не было ни одной сколько-нибудь обобщающей специальной работы по этрускам».

¹¹ Маяк И.Л. Н.Н. Залесский. Этруски в Северной Италии... С. 111–112: «...не смотря на обилие этрускологической литературы, на множество проблем, затронутых в ней, на различные аспекты изучения этрусков, на появление исследований, трактующих об этрусских образованиях в различных районах Италии, западная историография ограничивается пока работами сравнительно узкого характера».

¹² Маяк И.Л. Рецензия на: Т.А. Бобровникова. Сципион Африканский... С. 173: «Среди героев и выдающихся деятелей античной эпохи Сципион Африканский — победитель столь популярного у историков Ганнибала, все время оставался в тени... Книга кандидата исторических наук, доцента Т.А. Бобровниковой очень удачно заполняет эту досадную лауну».

риваемых работах. Во-первых, это надежно аргументированные автором исследования положения, и, во-вторых — те, которые не имеют четких доказательств: «Мы изложили здесь свои соображения по поводу тех выводов, содержащихся в книге Н.Н. Залесского, которые казались нам наиболее интересными — бесспорными, либо мало удовлетворительными. Читатель, разумеется, найдет в ней гораздо больше вопросов и важных сведений, чем их затронуто в рецензии...»¹³.

И.Л. Маяк всегда стояла на позициях теории общественно-экономических формаций (ОЭФ), она осталась ей верна, что показывает, на мой взгляд, не столько консерватизм ее натуры, сколько цельность мировоззрения. Первая рецензия была написана ею на монографию Дитмара Кинаста в 1958 г. И, несмотря на то что шли еще 50-е гг., в этой рецензии нет никакой догматической прямолинейности, которая нередко заметна у авторов тех лет. Хотя закономерности развития римского общества Ия Леонидовна рассматривала в русле формационной теории¹⁴, но по рецензии на книгу Ф.М. Нечая отчетливо видно, как ее профессионально задевали исторические натяжки, проистекающие из методологического трафарета в применении марксистской концепции. Полемизируя с точкой зрения автора рецензируемой книги, который необоснованно сближал интересы плебеев и рабов, а также их положение, она подчеркивала: «...Ф.М. Нечай дает далекую от историзма характеристику плебса и пролетариев, приписывая не свойственное им, как правило, отношение к рабам... римские граждане, в число которых входили и плебеи, всегда подчеркивали разницу в своем положении по сравнению со свободными — латинами и италиками, не говоря уже о рабах... В эпоху Республики часто случалось, что римский плебс выступал в полном единодушии с сенатской верхушкой и притом весьма агрессивно, например, в вопросе о Первой Пунической войне. К тому же говорить о близости к рабам плебса в целом вряд ли возможно. Ведь плебс был далеко не однороден, и интересы различных его групп бывали зачастую противоречивыми или по крайней мере не совпадали. Подобное явление имело место и в других античных полисах»¹⁵. Приведенная цитата наглядно показывает, что даже при рассмотрении социальных отношений Маяк не применяла шаблонно и догматически марксистский подход и, более того, протестовала на римском материале против такого его применения.

¹³ Маяк И.Л. Н.Н. Залесский. Этруски в Северной Италии... С. 115.

¹⁴ См., например: Маяк И.Л. D. Kienast. Cato der Zenser... С. 198.

¹⁵ Маяк И.Л. Ф.М. Нечай. Рим и италики... С. 177–178.

Немало внимания в своих рецензиях Ия Леонидовна уделяла критике гиперкритического отношения к источникам по архаическому Риму, распространение которого она считала методологическим следствием кантианства. Рецензии Маяк содержат в предельно сжатых формулировках (концентрированного изложения требовал жанр публикации) ее обобщенный взгляд на линию развития гиперкритического направления в отношении источников по древнейшему Риму. Она формулировала это следующим образом: «Вопрос о достоверности источников — отправной пункт всякого исторического исследования. ... Критика традиции, начатая Дж. Вико и развитая Б.Г. Нибуром, сделала историю древнего Рима наукой. Однако, как известно, плодотворный критический метод в конце XIX — начале XX в. был доведен (особенно в трудах Э. Пайса) до предела, который обратил его в свою противоположность: гиперкритика сыграла роль известного тормоза в науке о римской древности. Утверждение гиперкритических воззрений не было случайностью; объявляя римскую историю до III в. вещью непознаваемой, оно явилось, по нашему мнению, отражением неокантианства в историографии. Хотя отход от гиперкритицизма начался уже в 20-е — 30-е годы и — в связи с накоплением новых материалов — “умеренная критика” (здесь Маяк делала сноску на труды Н.А. Машкина и А.И. Немировского. — *В.Д.*) стала преобладающим направлением в европейской науке, тем не менее работ по истории царского периода эта тенденция практически не коснулась»¹⁶. Несмотря на неприятие — в методологическом плане — гиперкритики, одну работу, написанную с таких позиций, она рецензировала — книгу Жака Пусэ, отмечая положительную сторону: «...Пусэ последовательно пользуется методом сравнения различных версий античных авторов и сопоставляет их, по возможности, с новейшими данными археологии, эпиграфики и ономастики»¹⁷. Она показывала, что исследование Пусэ — в духе гиперкритики, древность его не опускается ниже III в. до н.э., для него «древнейшая история во многом — псевдоистория». Тем не менее, Ия Леонидовна находила позитивное в самом факте появления работы Пусэ, что свидетельствует отнюдь не о ее научной теоретико-методологической «всеядности», а об искренней заботе о накоплении научных знаний.

Рецензии Маяк отражают ее императивные требования к источниковой базе и методике работы с источниками. Она не ску-

¹⁶ *Маяк И.Л.* Из новой литературы по источниковедческим проблемам древнейшего Рима... С. 214.

¹⁷ Там же. С. 221.

пилась на похвалу, если видела тщательность сбора источников¹⁸. Основательность источниковой базы привлекала Ию Леонидовну в работах итальянского исследователя Эмилио Перуцци, что она неоднократно подчеркивала. Вместе с тем Маяк отмечала и пробелы в использовании источников у Перуцци (недостаточность привлечения этнографического и археологического материала, а также некорректное использование поздних источников для изучения римской архаики) и неверную, на ее взгляд, интерпретацию источников: «Несмотря на солидную источниковую базу, на стремление к критическому ее освоению, источниковедческая работа, проделанная Э. Перуцци, не кажется нам здесь (речь идет об изучении социальной структуры. — В.Д.) вполне удовлетворительной. Ведь анализ античной традиции полностью оторван в книге от данных археологии, что особенно важно при реконструкции социальных отношений, от этнографических материалов... Главное, однако, состоит, по нашему мнению, в том, что Э. Перуцци не видит диалектики в развитии социальных институтов раннего Рима. Для их понимания необходимо обратиться к этнографическим параллелям. Они помогут объяснить не только хронологическую или стадийную разницу между *gentes* и *familiae*, но и охарактеризовать их функции и сложность их взаимосвязей в разные периоды развития. Э. Перуцци без оговорок пользуется поздними юридическими памятниками, необоснованно рассматривает древнейшую римскую *familia* как индивидуальную или малую семью»¹⁹. В других рецензиях Маяк давала характеристику лингвистического анализа материала, проведенного Перуцци, подчеркивая его плодотворность «для проверки сообщений античной традиции о палатинском поселении аркадян»²⁰. Она последовательно излагала аргументацию, прослеживала мысль итальянского исследователя, делая это, в частности, при характеристике обрядности луперков²¹.

¹⁸ *Маяк И.Л.* Н.Н. Залесский. Этруски в Северной Италии... С. 112: «...Н.Н. Залесский скрупулезно собрал едва ли не все упоминания об этрусках, сохраненные античными авторами, сопоставил их друг с другом и с иными видами источников, выделил их историческое зерно». *Маяк И.Л.* Е. Peruzzi. *Aspetti culturali del Lazio primitive*... С. 213: «Необходимо отметить некоторые черты творческого метода, свойственные Э. Перуцци. Прежде всего — это обоснованность выводов, базирующихся на тщательном собирании источников и их сопоставлении. Выводы его всегда вытекают из рассматриваемого материала, а не иллюстрируются им».

¹⁹ *Маяк И.Л.* Проблема возникновения Рима в исследованиях Э. Перуцци... С. 151–152.

²⁰ *Маяк И.Л.* Е. Peruzzi. *Aspetti culturali del Lazio primitive*... С. 214.

²¹ Там же. С. 201.

Ия Леонидовна постоянно указывала на значение эпиграфических источников для исследования римской истории²². Археологическим источникам ею уделялось особое внимание, тем более, если к ним добавлялось изучение языков древней Италии: «Археологическое изучение Италии, естественно, стимулирует интерес к ее древнейшей истории. Благодаря именно археологическим данным были переосмыслены свидетельства античной традиции, что позволило рассматривать древнейшую Италию не как объект легенд, а как подлинно историческое явление. В последнее время в историографии, особенно итальянской, все более значительное место занимает глоттология. Это направление наиболее отчетливо и плодотворно представлено в работах известного лингвиста Э. Перуцци»²³.

И.Л. Маяк очень подробно разбирала филологическую аргументацию Перуцци. С большим знанием дела она анализировала топонимику, детально рассматривала каждый термин у Перуцци, прослеживала его путь в отношении этимологии слов на разных архаических языках, что свидетельствует как о ее филологической квалификации, так и о желании вникнуть детально в эпоху, которую она непосредственно сама не изучала, но которая предшествовала изучавшейся ею (доримский Лаций и доэтрусская Тоскана)²⁴.

Непреложным требованием Маяк было оговаривать противоречия, которые возникают при изучении источников, всегда указывать на факты, противоречащие утверждению автора²⁵. Важнейшая для Ии Леонидовны источниковедческая проблема — достоверность источников об архаическом Риме. В одной из рецензий она рассматривала работы источниковедческого характера, подвергнув анализу три монографии — Карла Марии Францери, Раймона Блока и Жака Пусэ, посвященные изучению ливийской традиции. В этой рецензии она, как всегда, настаивала на проверке данных античных нарративов, и наличие таковой отмечала как положительный момент: «Книга Р. Блока интересна... не только выявлением различных

²² *Маяк И.Л.* Рецензия на книгу Mrozek S. Die Städtlichen Unterschichten Italiens... С. 228: «Надо подчеркнуть, что С. Мрожек оперирует огромной массой эпиграфического материала, что внушает уважение к его выводам. При этом особо следует отметить, что они сделаны корректно, с осторожностью, которая объясняется верным источниковедческим подходом». *Маяк И.Л.* Рецензия на: Т.А. Бобровникова. Сципион Африканский... С. 174: «Особый интерес представляет использование автором эпиграфического материала, в том числе и писем Сципиона, аргументирующих данную точку зрения». *Маяк И.Л.* Н.Н. Залесский. Этруски в Северной Италии... С. 112: «Наиболее ценным местом первой главы, а может быть, и всей книги является параграф третий, содержащий разбор эпиграфических данных».

²³ *Маяк И.Л.* Новый труд о древнейшем Лации... С. 187.

²⁴ Там же. С. 187–199.

²⁵ *Маяк И.Л.* E. Peruzzi. Aspetti culturali del Lazio primitive... С. 211, 214.

версий в ливианской традиции, но и проверкой их с помощью других источников. Сам по себе этот метод не нов и давно завоевал признание историков, но следует отметить, что Блок использует свежие археологические и эпиграфические материалы»²⁶.

И.Л. Маяк не только отслеживала трудный процесс реабилитации античной традиции как источника для изучения архаического Рима, она сама активно двигала этот процесс, причем не только в своих научных изысканиях, но в рецензиях на чужие, даже и не близкие ей методологически и методически работы: «Уже само появление рассматриваемых здесь работ весьма симптоматично, отражая новое состояние круга источников, т.е. его расширение, а вместе с тем и более объективное отношение к античной римской традиции. При всех оговорках фактически признается, что ливианская традиция может быть использована для реконструкции истории древнейшего Рима, т.е. царской эпохи и начала Республики. Источниковедческая критика идет по пути вскрытия этрусских, сабинских и других версий в традиции, обнаруживая ее самые ранние пласты, хотя они и не всегда оказываются наиболее достоверными. Тем более важным представляется в этой связи сопоставление традиции с археологическими памятниками и данными этрускологической науки. Уже теперь можно, перефразируя Ф. Мищенко, сказать, что в начале нашего века был произведен “не в меру строгий суд” над Ливием, да и над всей римской традицией. К.М. Францери, Р. Блок и Ж. Пусэ в своих книгах практически отходят от мнения о невозможности изучения древнейшего Рима и дают заслуживающее внимание образцы плодотворного и критического использования для этих целей римской, в первую очередь ливианской, традиции»²⁷.

Многу уже было отмечено, что Маяк ни разу не применила к гиперкритикам тех эпитетов, которые позволял себе, например, итальянский археолог Андреа Карандини («примитивисты», «минималисты», «позднелатинисты», «мазохисты», «мошенники» и «лицемеры») ²⁸, и даже вообще не позволяла себе неакадемической лексики в их отношении, но она выдержанно, постоянно и неуклонно, пожалуй, как никто последовательно, вскрывала несостоятельность их позиции. При этом она никогда не доверяла слепо данным античной традиции, требовала ее проверки. И жестко критиковала

²⁶ *Маяк И.Л.* Из новой литературы по источниковедческим проблемам древнейшего Рима... С. 216.

²⁷ Там же. С. 221.

²⁸ См.: *Дементьева В.В.* Архаический Рим в исследованиях И.Л. Маяк: теоретические проблемы и понятийный аппарат // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2019. № 3. С. 7.

Ф.М. Нечая за безоговорочное к ней доверие: «К сожалению, автор совершенно опускает вопрос о достоверности традиции. Он исходит из полного и почти безоговорочного доверия к сохранившимся памятникам античной историографии, в частности, к свидетельствам Ливия. Мы далеки от мысли считать античную традицию даже о древнейшем периоде римской истории сплошным вымыслом. Теперь в связи с находками оксиринских папирусов и археологическими раскопками на территории Италии это стало вчерашним днем для источниковедческой науки. Но обосновать свое отношение к источникам и степень надежности их свидетельств было бы необходимо»²⁹. Таким образом, Ия Леонидовна призывала к взвешенному аналитическому подходу при использовании античной традиции, к тому, что она называла ее разумной критикой.

Одним из приоритетных требований И.Л. Маяк при использовании источников был их терминологический анализ. Так, она подробно рассматривала термин *ultra tributa* в книге Франческо Милаццо³⁰, привнося свое видение в содержательное наполнение понятия и восприятие его во II в. до н.э.: «В мастерском исследовании Ф. Милаццо намечено, таким образом, развитие *ultra tributa* на протяжении эпохи от Архаики до раннего Принципата. Автор исключительно осторожен в своих заключениях, постоянно оговаривая их гипотетичность, порой расплывчатость. Принимая высказанный в монографии тезис о многогранности и изменчивости сферы понятия *ultra tributa*, полагаю все же, что при всем обогащении содержания этого термина в нем сохранилось значение канала пополнения государственного бюджета. При этом, исходя из значения *ultra tributa*, можно думать, что для Италии, переставшей после 168 г. до н.э. уплачивать трибут, *ultra tributa* действовали (как показывает Гераклейская таблица) и воспринимались, вероятно, именно со значением “по своей воле”, а в провинциях — в смысле “сверх» трибута”»³¹.

Еще одним наглядным примером неукоснительного внимания Ии Леонидовны к терминологии служит ее наблюдение о понятии «латифундия» в рецензии на книгу Ф.М. Нечая: «Желательно было бы обратить внимание на терминологию. Думается, что говорить о

²⁹ *Маяк И.Л.* Ф.М. Нечай. Рим и италики... С. 174.

³⁰ *Маяк И.Л.* Рецензия на книгу F. Milazzo... С. 134–135: «... Милаццо повторяет тезис о неоднозначности термина *ultra tributa*, в сферу чего входят и разного рода публичные работы, и принадлежащие муниципию или *civitas* места, и деятельность, связанная с подрядами, арендами общественного достояния, включая монетарный смысл... По мнению Милаццо, за время от Варрона до Гераклейской таблицы выражение *ultra tributa* стало представлять отличные от первоначального явления, хотя они и не теряли монетарного признака».

³¹ Там же. С. 135.

развитии латифундий во II в. до н.э. — значит, выражаться неточно. Крупное землевладение и латифундиальное землевладение — не одно и то же, и во II в. до н.э. латифундий в Италии практически не было»³².

И.Л. Маяк настоятельно требовала учитывать изменения содержания понятия с течением времени. Так, она отмечала в рецензии на книгу С. Мрожека, что для эпохи Ранней империи *cives* (граждане) в надписях — более узкое понятие, чем *populus*³³. Она вместе с тем считала, что если нет упоминаний какого-либо термина в источниках, то это не обязательно означает отсутствия явления в исторических реалиях, это не всегда аргумент против. Данное представление отражено в следующей цитате: «Отмечу здесь верное наблюдение автора книги о том, что на зрелища сходились не только горожане и обитатели дальней округи, но и жители ближних городов, о чем можно судить по сообщению Тацита (Ann. IV. 62) и надписи из Телезии (IX. 2252). Без аргументации С. Мрожек высказывает вполне резонное соображение о том, что среди зрителей были и рабы (с. 9). В самом деле, рабская обслуга могла сопровождать, как известно, господ, приходящих на зрелища, так что умолчание надписей не может быть аргументом “против” его тезиса»³⁴.

В рецензиях И.Л. Маяк всегда выдвигала высокие требования к историографическому фундаменту работы. Она полагала, что нужно в обзоре научной литературы не только изложить и классифицировать имеющиеся концепции, но и вскрыть причины и условия возникновения тех или иных точек зрения, необходимо объяснять, какие политические и идеологические позиции авторов повлияли на их исторические представления. Соответственно, делалась похвала автору, либо же давалась критика его. В частности, рецензируя книгу Н.Н. Залесского, она писала: «Обзор литературы вопроса — всегда очень ответственная задача. В первой специальной обобщающей работе, каковой является рассматриваемая здесь книга, значение его особенно велико. Здесь должны быть не только учтены и отображены все важнейшие теории, но и по возможности объяснены, исходя из общеидеологических, политических или исторических концепций

³² Маяк И.Л. Ф.М. Нечай. Рим и италики... С. 178.

³³ Маяк И.Л. Рецензия на книгу Mrozek S. Die Städtlichen Unterschichten Italiens... С. 222: «Касаясь соотношения *populus* – *municipes*, исследователь отмечает, что различить их трудно, как нелегко определить их иерархичность. Так же сложно определить характер отношений *populus* – *cives*. С. Мрожек склоняется к синонимичности этих терминов, но делает верную оговорку о необходимости учитывать изменения понятия *cives* во времени. Во всяком случае, для эпохи Ранней империи *cives* (граждане) в надписях — более узкое понятие, чем *populus* (с. 19)».

³⁴ Там же. С. 220.

защищающих их авторов. Между тем, давая действительно полную сводку всех основных точек зрения на этрусский вопрос в настоящее время, Н.Н. Залесский, к сожалению, не обратил достаточно внимания на причины и условия возникновения и развития тех или иных взглядов, ограничившись лишь одним беглым замечанием по поводу распространения автохтонных теорий в годы, предшествующие второй мировой войне (стр. 10). Некоторое расширение историографического раздела за счет объяснительной части, а также несколько более четкая классификация современных этрускологических течений, безусловно, повысили бы ценность данного обзора литературы»³⁵.

И.Л. Маяк считала важным условием состоятельности научного исследования использование максимально возможного количества работ по теме, тщательное взвешивание высказанных другими исследователями аргументов; одобрение опоры на предшественников мы видим в рецензиях на работы Милаццо и Бобровниковой³⁶. Ия Леонидовна выдвигала требования объяснять выборку историографии, если она не полна. В рецензиях звучало явное осуждение автора, если не учтены непосредственно имеющие отношение к теме работы³⁷. Она всегда сетовала, что есть тенденция игнорировать работы ближайших российских коллег в погоне за привлечением работ зарубежных авторов, отмечалось это и в ее рецензиях³⁸.

Поводом для критики со стороны И.Л. Маяк служили также нечеткость структуры исследования и логические неувязки в нем,

³⁵ *Маяк И.Л.* Н.Н. Залесский. Этрусски в Северной Италии... С. 112.

³⁶ *Маяк И.Л.* Рецензия на книгу F. Milazzo... С. 131: «...изучение проблемы ведется с учетом максимального числа научных трудов, так что эта часть работы Ф. Милаццо сама по себе представляет ценность для всех, занимающихся экономической, а именно финансовой, стороной римской истории...». *Маяк И.Л.* Рецензия на: Т.А. Бобровникова. Сципион Африканский... С. 173: «Бобровникова критически и корректно использовала имеющуюся научную литературу по этой теме. Примером служит разбор Сципионовой "легенды", на которой концентрировалось внимание многих исследователей... Соглашаясь с реконструкцией базы "легенды", то есть дополибиева пласта, выскажем сомнение в реальности самих этих "видений", то есть снов и голосов. Поэтому не следует отвергать ни точку зрения Трухиной, ни тем более Скалларда и Халльварда».

³⁷ *Маяк И.Л.* Ф.М. Нечай. Рим и италики... С. 178: «В монографии Ф.М. Нечай содержится также краткий очерк советской и современной зарубежной историографии о Гракхах. Было бы неправомерно требовать от автора анализа всех имеющихся работ относительно Гракхов, но хотелось бы видеть сам принцип их отбора, почему именно те, а не другие труды подверглись его критическому разбору. Вне его внимания остались даже посвященные Гракхам книги».

³⁸ Там же. С. 175: «Этот материал (речь идет об археологическом и эпиграфическом материале по истории этрусков. — В.Д.) собран и введен в научный оборот не только за рубежом, но и в работах наших ученых (здесь сделана сноска на труды Н.Н. Залесского и А.И. Немировского. — В.Д.), Ф.М. Нечай мог и должен был в своей работе учесть соответствующие исследования».

слабая связь вводных частей с основным содержанием книги, недостаток и огрехи справочного аппарата, трудности понимания текста из-за его некачественного стилистического оформления, плохой вычитки. Она считала, что автор несет ответственность не только за смысловые ошибки, но за опечатки, неверные ссылки и другие технические погрешности³⁹. При этом она не просто критиковала, а показывала, что и как надо было сделать, например, для того, чтобы примечания к предисловию в книге Ф.М. Нечая были увязаны с темой этого предисловия. Маяк обращала внимание и на те элементы, которые облегчают читателю пользование книгой: наличие резюме, выделение выводов по работе⁴⁰, оценивала Ия Леонидовна даже обложку⁴¹, поскольку иллюстрации на ней помогают понять эпоху, т.е., в целом, подчеркивала необходимость заботиться о читателе.

Принципиально значимы требования к концептуальным построениям, они включали в себя необходимость показывать выходы на более крупные проблемы. Так, И.Л. Маяк отмечала, что «лингвистические исследования Э. Перуцци имеют также выход в проблему культурного развития и взаимоотношений Лация и Кампании VIII–VII вв. до н.э.»⁴². Значение труда Э. Перуцци «Аспекты культуры архаического Лация» она усматривала в том, что «автор, занимаясь, казалось бы, частными вопросами, либо решает, либо подходит к решению кардинальных проблем древнеримской истории. В данном случае — это проблемы достоверности античной традиции, населения древнейшего Рима и культурного, в том числе языкового, развития Лация»⁴³. Но даже если автор не обозначал выходы на крупные проблемы, рецензент сама показывала, как выводы автора расширяют исследовательские горизонты масштабных проблем. Выводя на новый уровень обобщения выводы Перуцци, она формулировала:

³⁹ См., например: Там же. С. 174: «Нам не кажется правильным судить о качестве книги по незамеченным автором опечаткам или неточным ссылкам. Но считать автора не ответственным за них тоже было бы неверным... К недостаткам книги приходится отнести ее рыхлую структуру, тяжелый и неясный стиль, отсутствие тщательной редакторской правки. Книга значительно выиграла бы, будь к ней приложены библиография и указатели».

⁴⁰ *Маяк И.Л.* E. Peruzzi. *Aspetti culturali del Lazio primitive...* С. 215: «...в книге с таким объемом материала и экскурсов желательно было видеть хотя бы самое краткое резюме к главам и общие выводы. Это облегчило бы ее чтение и восприятие».

⁴¹ *Маяк И.Л.* Рецензия на: Т.А. Бобровникова. *Сципион Африканский...* С. 174: «Не представляется убедительным решение автора поместить на обложках иллюстрации, относящиеся к эпохе Ренессанса. Более правомерным были бы репродукции античных памятников, хотя бы остатки Порцовой базилики на Форуме».

⁴² *Маяк И.Л.* E. Peruzzi. *Aspetti culturali del Lazio primitive...* С. 210.

⁴³ Там же. С. 214.

«Очень важно выделение в пределах латинского языка собственно римского... Выявление в нем двух традиций, тяготеющих к окскому и умбрскому ареалам, служит еще одним аргументом, подтверждающим гетерогенность римского населения и сложность его культуры»⁴⁴.

Ия Леонидовна не только отмечала выходы на глобальные проблемы, но и показывала, как при решении одних частных проблем можно выйти и на другие частные вопросы. В этом проявилась ее способность увидеть шире диапазона рецензируемого исследования. О монографии Милаццо она писала: «Но значение книги Ф. Милаццо состоит не только в разработке основной проблемы, а еще в том, что содержащиеся в ней постулаты и выводы более частного характера — о деятельности цензоров и других магистратов на местном уровне, о видах финансирования городских общин дают дополнительные аргументы в пользу однотипности, устойчивости, приспособляемости социально-политической структуры *civitas – municipium* от Архаики до императорского времени»⁴⁵.

И.Л. Маяк считала очень важным для историка-антиковеда показать возможность различных интерпретаций содержащихся в источниках сведений. Именно из-за этого она так внимательно относилась к работам Перуцци, писала на них рецензии, отмечая: «Э. Перуцци свойственно осторожное отношение к сообщениям источников и их тщательная обработка в сопоставлении с другими видами памятников. Он обычно оговаривает разные возможности их интерпретации, прежде чем вынести окончательное суждение, и это способствует убедительности основных выводов»⁴⁶. Еще одно требование Маяк к исследованиям заключалось в том, что если источники не позволяют сделать однозначный вывод, позиция должна быть сформулирована осторожно⁴⁷. Но при этом она призывала, если вопрос дискуссионный, обозначать свою точку зрения определенно: «Приветствуя корректность, осторожность выводов Ф. Милаццо, хочется все же большей определенности. Вряд ли можно говорить и о деньгах, и о налогах, и об аренде, и о торгах в Риме ранее правления Сервия Туллия»⁴⁸. Это же требование — четкости исследователь-

⁴⁴ Там же. С. 215.

⁴⁵ Маяк И.Л. Рецензия на книгу F. Milazzo... С. 135.

⁴⁶ Маяк И.Л. Новый труд о древнейшем Лации... С. 188.

⁴⁷ Маяк И.Л. Ф.М. Нечай. Рим и италики... С. 175: «Некоторые замечания относительно этнической принадлежности италийских племен. Как известно, вопрос этот очень сложен и полностью до сих пор не решен. Поэтому хотелось бы видеть в книге менее категоричные на этот счет утверждения».

⁴⁸ Маяк И.Л. Рецензия на книгу F. Milazzo... С. 133.

ской позиции — было подчеркнуто в рецензии на книгу Э. Перуцци «Микенцы в раннем Лации» по поводу соотношения понятий «аборигены» и «этруски»⁴⁹. Таким образом, мы видим, что призыв делать менее категоричные утверждения при анализе конкретных источников, сведения которых могут трактоваться по-разному (пожелание «с осторожностью» повторяется у нее часто), вполне сочетался у Ии Леонидовны с порицанием излишней осторожности, когда она не видела для нее оснований. Это своеобразное диалектическое единство требования, и противоречия здесь нет: не формулировать безапелляционных утверждений при анализе источника, если он дает основания для различной интерпретации, и определенность, четкость позиции в теоретической дискуссии, необходимость фиксировать свое понимание, а не размывать его.

В рецензиях Маяк отражается ее отношение к ряду гипотез, которых в собственных исследованиях касаться ей не доводилось. Например, весьма любопытно ее отношение к гипотезе Раймона Блока «о одновременности фактов изгнания этрусков из Рима и установления в нем республиканского режима». У Блока датировка изгнания иноземных тиранов — 475 г. до н.э. Рецензент замечала по поводу этой даты: «Разумеется, все это пока гипотеза, не лишённая, по нашему мнению, веских оснований, но вызывающая в свою очередь новые проблемы, как, например, проблему удельного веса этрусков в населении Рима царского периода, или вопрос о связи новой датировки изгнания этрусков (475 г.) и Диодоровой датировки народного трибуната (470 г.)»⁵⁰. Ия Леонидовна, следовательно, признавая право на существование такой гипотезы вследствие приведенной аргументации, сразу оценивала, какие новые исследовательские вопросы ставит признание ее состоятельности.

Одна особенность изложения всегда заметна в рецензиях Маяк: она увлеченно следовала за мыслью авторов рецензируемых ею из-

⁴⁹ *Маяк И.Л.* Новый труд о древнейшем Лации... С. 199: «Вызывает некоторое сомнение безоговорочное употребление автором таких этнонимов, как аборигены и этруски. Дело в том, что из-за разноречивых свидетельств античной традиции аборигены трактуются в науке далеко не однозначно и, вероятно, автору книги следовало бы оговорить свое понимание аборигенов. Относительно этрусков из контекста видно, что Перуцци определяет этрусскую принадлежность людей или элементов культуры в географическом смысле, но и на этом следовало бы остановиться специально. Иначе у читателя складывается впечатление, что этруски были современниками Эвандра, т.е. сосуществовали с микенскими греками, а если это так, то исследователь придерживается точки зрения об абсолютной автохтонности этрусков. Коротко говоря, хотелось бы, чтобы исходная позиция автора была более четко сформулирована».

⁵⁰ *Маяк И.Л.* Из новой литературы по источниковедческим проблемам древнейшего Рима... С. 217.

даний, писала о вопросах чужих исследований так заразительно, что хочется в них вникать и их изучать, будь то даже сухой экономический вопрос о налогах или об общественных работах.

Связь с магистральной линией ее исследований прослеживается, естественным образом, в рецензиях, но они позволяют создать и расширить представление о научных позициях И.Л. Маяк по тем проблемам римской истории, изучением которых она непосредственно не занималась — как по Римской республике, так и, тем более, по Римской империи. В частности, интерес представляет позиция Ии Леонидовны по вопросу о характере римских комиций в позднюю Республику, сформулированная в рецензии на книгу Ф.М. Нечая: «...Ф.М. Нечай делает обоснованный вывод об олигархическом и антииталийском характере римских комиций с конца Союзнической войны вплоть до консульства Цинны 87 г. или, вернее, 86 г. до н.э.»⁵¹. Из этой фразы следует, что Маяк считала аргументированным такое утверждение, но в других работах ее позиция не зафиксирована, поскольку специальных исследований по данной проблематике она не проводила. А этот вывод относится к важной теме, выходящей на гораздо более позднюю дискуссию о политической системе Римской республики, и мнение Ии Леонидовны – историографический факт, которое в таком качестве следует принимать во внимание.

Еще более значим принципиальный вопрос о сроках сохранения гражданской общины (как структурообразующего элемента античной цивилизации), относящийся уже к императорскому Риму, весьма отдаленный от главной линии исследований И.Л. Маяк. Из рецензированных ею работ к императорской эпохе относится труд С. Мрожека, он был интересен Ие Леонидовне, поскольку в нем анализировались термины *populus*, *plebs*, *plebs urbana* и др.: ей было важно проследить, как изменялось со временем содержательное наполнение тех категорий, которые она исследовала на материале римской архаики. Рецензент сделала далеко идущие выводы из аккумулированного Мрожеком эпиграфического материала, подчеркивая «значение анализируемых им памятников для характеристики разных структур полисного типа (муниципиев, колоний)»: «Судя по надписям, в эпоху Принципата они были живыми, действующими организмами, осуществлявшими заботу о своих сочленах устройством раздач, игр и т.д.»⁵². И очень важный вывод: «Исключительное значение исследования С. Мрожека вижу в том, что он фактически дал богатый материал и сделал точные наблюдения над эволюцией

⁵¹ *Маяк И.Л.* Ф.М. Нечай. Рим и италики... С. 179.

⁵² *Маяк И.Л.* Рецензия на книгу Mrozek S. Die Städtlichen Unterschichten Italiens... С. 224.

государственно-правовых институтов в Италии вплоть до IV в., которые позволяют говорить о функционировании, при всех трансформациях во времени, разных полисных структур, под какими бы названиями (*municipium*, *colonia*, *res publica*) они ни выступали. Эпиграфические данные показывают их затухание, но не полное исчезновение и в Позднюю империю. В связи с этим хотелось бы пожелать автору большего внимания к соотношению названных терминов с терминами *urbs* и *oppidum*⁵³. Исследователи до сих пор не могут дать ответ на вопрос о том, когда происходит изживание античного, полисного характера социальной организации в Римской империи, не могут датировать этот процесс, высказывая различные предположения. Ия Леонидовна намечала путь, показывая, что именно надо проанализировать для приближения к решению этого вопроса. Из приведенной цитаты следует, что изживание полисной организации не сводится собственно только к римской *civitas*, явление это более широкое и рассматривать его надо, изучая устройство других общин внутри Империи.

Углубляя выводы по приведенному польским исследователем материалу, усиливая и переводя на новый уровень обобщения сказанное им, Ия Леонидовна обнаруживала, в чем состояло сохранение полисных основ в Позднюю империю, — в феномене «двойственного», по ее определению, гражданства: «Очень существенным представляются также, к сожалению недостаточно ясно и четко выраженные, наблюдения С. Мрожека об отражении в эпиграфике именно местного, мы бы сказали в общей форме — муниципального гражданства. Оно существует, но для конкретных людей отнюдь не обязательно “покрывается” римским гражданством. Иными словами, рассматриваемая работа расширяет базу для доказательства наличия в Риме как бы “двойственного (скорее, чем двойного!) гражданства”. В этом, думается, проявились две тенденции римского социально-политического и юридического развития — устойчивого сохранения полисных основ наряду с упорной централизующей деятельностью императорской власти»⁵⁴. Это принципиально значимый вывод, и сделан он в рецензии. Если сущностные позиции И.Л. Маяк по изучавшимся ею в конкретно-исторических исследованиях вопросам мы находим в ее книгах и статьях, то ее важные наблюдения по проблемам римской истории, далеким от ее непосредственных научных интересов, мы можем почерпнуть из ее рецензий, которые служат в данном случае историографическим источником.

⁵³ Там же. С. 228.

⁵⁴ Там же. С. 228–229.

Рецензии И.Л. Маяк отражают характер и способы ведения заочной научной дискуссии в советской историографии последнего этапа ее существования, когда критика велась в строгих рамках предмета обсуждения и не переходила на личности (как это бывало в довоенной советской историографии, рецидив чего, хотя и в других формах затем проявился в постсоветской). При этом полемичность обсуждения приветствовалась, ибо «в науках об обществе диалогичность, полемичность — имманентно присущая форма репрезентации знаний»⁵⁵. Ия Леонидовна в своих рецензиях вела диалог не только с автором обсуждаемой книги, но и с читателями, обращаясь по сути дела к аудитории сложившихся и подрастающих специалистов по античной истории. Не будучи формально учебно-методическими пособиями, ее рецензии несут на своих страницах опыт написания качественного исследования во всех его составляющих — от опоры на источники до формулирования теоретических обобщений. Не забывала она указать и на технические моменты.

Жанр рецензии, как, вероятно, никакой другой высвечивает личность ее автора. Личность ученого налагает отпечаток на сделанное им в науке: «Сейчас во всем мире ученые поняли, какую огромную роль в процессе познания играет личность исследователя»⁵⁶. Какой предстает перед нами в роли автора рецензий Ия Леонидовна Маяк? Тексты ее рецензий подкрепляют памятный нам всем образ: уважительное отношение к коллеге даже при весьма суровой содержательно (но отнюдь не в жестких выражениях) критике написанного, часто высказанной в виде пожеланий. Лексически аккуратно подобранные формулировки несогласия: «сомнительно», «не убедительно». В случае расширения ею аргументации автора, — «хотелось бы добавить», в случае, если требовалось, на ее взгляд, скорректировать тезис анализируемой работы, — «хотелось бы уточнить». Предельная деликатность замечаний, строгая академичность выражений. Ее стиль рецензий, человека, родившегося более 100 лет назад, тем, кто родился менее полувека назад, может показаться старомодным — не напористым, без ноток самоутверждения за счет критикуемого субъекта (которые нередко присутствуют в рецензиях сегодняшнего дня). Нынешние рецензии более агрессивны в стремлении навязать

⁵⁵ Крих С.Б. Дискуссия как средство коммуникации в советской историографии древности // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVII–XXI веков. Сб. статей / Под ред. Н.Н. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск, 2011. С. 347.

⁵⁶ Формозов А.А. Человек и наука. Из записей археолога. М., 2005. С. 8. (Studia historica. Series minor).

их авторами свою точку зрения, более стилистически жесткие, когда рецензент видит в авторе рецензируемой работы скорее конкурента, чем соратника. Ия Леонидовна писала рецензии так, когда в каждой строчке чувствовались забота о науке, а не о себе в науке, и уважение к автору рецензируемого труда как к собрату, занятому общим делом, результат которого зависит от вклада каждого.

References

Bloch R. *Tite Live Et Les Premiers Siècles De Rome*. Paris: Les Belles Lettes, 1965. 125 p.

Bobrovnikova T.A. *Stsipion Afrikanskiy. Kartiny zhizni Rima epokhi Punicheskikh voyn* [Scipio Africanus. Pictures of Life in Rome during the Punic Wars]. Book 1. *Voyna* [War]. Voronezh: Voronezh, 1996. 208 p.

Bobrovnikova T.A. *Stsipion Afrikanskiy. Kartiny zhizni Rima epokhi Punicheskikh voyn* [Scipio Africanus. Pictures of life in Rome during the Punic Wars]. Book 2. *Mir* [Peace]. Voronezh: Voronezh, 1996. 240 p.

Bugayeva N.V. *Nauchnaya konferentsiya pamyati zaslužennogo professora Moskovskogo universiteta li Leonidovny Mayak (1922–2018) (Moskva, 30 sentyabrya — 1 oktyabrya 2022 g.)* [Scientific Conference in Memory of Honored Professor of Moscow University Iya Leonidovna Mayak (1922–2018) (Moscow, September 30 — October 1, 2022)] // *Vestnik drevney istorii*. 2023. N 1 (83). P. 992–996.

Demytyeva V.V. *Arkhaischeskiy Rim v issledovaniyakh I.L. Mayak: teoreticheskiye problemy i ponyatiynnyy apparat* [Archaic Rome in research of I.L. Mayak: theoretical problems and conceptual apparatus] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. 8. Istoriya. 2019. N 3. P. 3–30.

Formozov A.A. *Chelovek i nauka. Iz zapisey arkheologa* [Man and Science. From the Archaeologist's Notes]. Moscow: Znack, 2005. 224 p. (Studia historica. Series minor).

Franzero C.M. *The Life and Times of Tarquin the Etruscan*. London: A. Redman, 1960. 254 p.

Kienast D. *Cato der Zenser: seine Persönlichkeit und seine Zeit*. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1954. 170 S.

Krikh S.B. *Diskussiya kak sredstvo kommunikatsii v sovetskoy istoriografii drevnosti* [Discussion as a Means of Communication in Soviet Historiography of Antiquity] // *Istoriya i istoriki v prostranstve natsional'noy i mirovoy kul'tury XVII–XXI vekov: sbornik statey* [History and Historians in the Frames of National and World Culture of the 17th — 21st Centuries: A Collection of Articles] / Ed. by N.N. Alebras, N.V. Grishina, Yu.V. Krasnova. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2011. P. 345–352.

Mayak I.L. D. *Kienast. Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit. Heidelberg, 1954* // *Vestnik drevney istorii*. 1958. N 3 (65). P. 185–198.

Mayak I.L. E. *Peruzzi. Aspetti culturali del Lazio primitive, Firenze, 1978* // *Vestnik drevney istorii*. 1980. N 3 (153). P. 200–215.

Mayak I.L. F.M. *Nechay. Rim i italiki* [Rome and the Italians]. Minsk, 1963 // *Vestnik drevney istorii*. 1965. N 4 (94). P. 174–179.

Mayak I.L. *Iz novoy literatury po istochnikovedcheskim problemam drevneyshego Rima* [Some New Research on Source Studies Relating to Ancient Rome] // *Vestnik drevney istorii*. 1972. N 3 (121). P. 214–221.

Mayak I.L. *N.N. Zaleskiy. Etruski v Severnoy Italii* [Etruscans in Northern Italy]. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1959 // *Vestnik drevney istorii*. 1961. N 2 (76). P. 111–115.

Mayak I.L. *Novyy trud o drevneyshem Latsii* [A New Study on the Ancient Latium] // *Vestnik drevney istorii*. 1983. N 1 (163). P. 187–199.

Mayak I.L. *Problema voznikoveniya Rima v issledovaniyakh E. Peruzzi* [The Problem of the Emergence of Rome in the Studies of E. Peruzzi] // *Vestnik drevney istorii*. 1975. N 4 (134). P. 147–165.

Mayak I.L. *Retsenziya na knigu F. Milazzo "Realizzazione delle opere pubbliche in Roma arcaica e repubblicana. Munera e ultero tributa"*. Napoli, 1993. 191 p. [Review of a Book by F. Milazzo] // *IVS ANTIQVVM. Drevneye pravo*. 1997. N 1 (2). P. 131–135.

Mayak I.L. *Retsenziya na knigu: Mrozek S. Die Städtlichen Unterschichten Italiens in den Inschriften der römischen Kaiserzeit (populus, plebs, plebs urbana u. a.)*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1990. 60 p. [A Book Review: Mrozek S.] // *IVS ANTIQVVM. Drevneye pravo*. 1999. N 1 (4). P. 220–229.

Mayak I.L. *Retsenziya na: T.A. Bobrovnikova. Stsipion Afrikanskiy. Kartiny zhizni Rima epokhi Punicheskikh voyn. Kn. pervaya. Voyna. 208 p. Kn. vtoraya. Mir. 240 p. Voronezh, 1996* [A Review of: T.A. Bobrovnikova. Scipio Africanus. Pictures of Life in Rome during the Punic Wars. Book 1. War. 208 p. Book 2. Peace. 240 p. Voronezh, 1996] // *Voprosy istorii*. 1999. N 7. P. 173–174.

Milazzo F. *La realizzazione delle opere pubbliche in Roma arcaica e repubblicana. Munera e ultero tributa*. Napoli: Edizioni scientifiche italiane, 1993. 191 p.

Mrozek S. *Die Städtlichen Unterschichten Italiens in den Inschriften der römischen Kaiserzeit*. Wrocław; Warszawa; Kraków: [s. n.], 1990. 60 S. Nechay F.M. *Rim i italiki* [Rome and the Italians]. Minsk: Izdatel'stvo Ministerstva vysshego, srednego spetsial'nogo i professional'nogo obrazovaniya BSSR, 1963. 194 p.

Peruzzi E. *Aspetti Culturali del Lazio Primitivo*. Florence: Leo S. Olschki Editore, 1978. 197 p.

Peruzzi E. *Mycenaeans in Early Latium. With an Archaeological Appendix by Lucia Vagnetti*. Roma: Edizioni dell' Ateneo & Bizzari, 1980. 184, XII p.

Peruzzi E. *Origini di Roma*. Vol. 1. *La famiglia*. Fierenze: Walmartina Editore, 1970. 165 p.

Peruzzi E. *Origini di Roma*. Vol. II. *Le lettere*. Bologna: Pàtron Editore, 1973. 212 p.

Poucet J. *Recherches Sur La Légende Sabine des Origines de Rome* (Recueil de travaux d'histoire et de philologie. Série 4. Fasc. 37). Louvain: Université de Louvain, 1967. 473, XXXII p.

Zaleskiy N.N. *Etruski v Severnoy Italii* [Etruscans in Northern Italy]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1959. 116 p.

Поступила в редакцию
14 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-142-173

В.С. Житенев, Ю.Д. Анисовец

**КРАСОЧНЫЕ ПИГМЕНТЫ КАК МАССОВЫЙ МАТЕРИАЛ:
ОБСУЖДЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ИССЛЕДОВАНИЯМ**

V.S. Zhitenev, Yu.D. Anisovets

**PIGMENTS AS A MASS MATERIAL: DISCUSSION
OF THE METHODOLOGICAL APPROACH IN RESEARCH**

Аннотация. Археологические и естественнонаучные исследования палеолитических красочных пигментов (охры) имеют более чем столетнюю историю. Однако до последнего времени подавляющее большинство работ было сосредоточено на изучении отдельных образцов, но не всей совокупности данной категории материалов — минерального красочного сырья (в широком смысле этого термина). Описание теоретического подхода и

Житенев Владислав Сергеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Zhitenev Vladislav Sergeevich, Doctor of History, Associate Professor, Department of Archaeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
macober@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1105-9318

Анисовец Юлия Дмитриевна, аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Anisovets Yulia Dmitrievna, Post-graduate Student, Department of Archaeology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

aquarumnaya@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0427-1700

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 23-28-00468 «Разработка подхода к изучению географического происхождения верхнепалеолитических минеральных красочных пигментов (охры) Каповой пещеры и Каменной Балки II методами аналитической химии»).

This research has been supported by the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project no. 23-28-00468 “Development of an Approach to the Study of the Geographical Origin of the Provenance of Upper Paleolithic Mineral Paint Pigments (Ocher) of Kapova Cave and Kamennaya Balka II Using Analytical Chemistry Methods”.

Авторы выражают глубокую благодарность и признательность к.и.н. Е.А. Виногодовой, д.х.н. М.А. Статкусу, В.Д. Лавровой и И.В. Абдрашитовой за плодотворное обсуждение и неоценимую помощь в апробации представленного методического подхода.

имеющиеся результаты апробации методики полевой фиксации и лабораторной обработки образцов охры разных форм, размера и консистенции со всей очевидностью демонстрируют принципиальную важность проведения перед естественнонаучной стадией изучения именно археологического исследования красочных пигментов как массового материала, без чего фактически невозможно даже целеполагание для последующего междисциплинарного исследования, а его результат будет иметь крайне лимитированный характер. Многофакторное изучение красочных материалов может демонстрировать большое разнообразие характеристик образцов как между различными уровнями залегания археологического материала и объектами в рамках одного памятника, так и между разными памятниками. При подходе к пигментам как к массовому материалу необходима статистическая обработка полученных результатов для формирования содержательных выводов об использовании пигментов на памятниках. Выявляемые в результате подобного методического подхода системные различия открывают возможности для проведения сравнения, основанного на методах математической статистики. Подобный подход требует накопления статистически значимого и пригодного с точки зрения полевых алгоритмов фиксации количества образцов пигмента для получения релевантных данных. Следовательно, только изучение максимально доступного массива экземпляров (включая максимум мелких крупинок) охры из разных объектов культурного слоя, отдельных слоев и разных памятников дает возможность получить информацию о культурном сходстве и различии в этой части стратегий жизнедеятельности верхнепалеолитических коллективов, в том числе позволяет выявить основные стадии производственной цепочки. Предлагаемый подход к исследованию охры как массового материала при соблюдении методики полевых работ актуален для всех типов археологических памятников каменного века.

Ключевые слова: верхний палеолит, красочные пигменты, охра, археологическая методика, естественнонаучные методы в археологии, Капова пещера.

Abstract. Archaeological and natural science studies of Paleolithic paint pigments (ocher) date back more than 100 years. However, until recently, the vast majority of studies were focused on the study of individual samples, not the whole corpus of this category of materials — mineral paint raw materials (in the broad sense of the term). The description of the theoretical approach and the available results obtained in the course of testing the method of the fixation of field data and laboratory processing of ocher samples, which come in different shapes, sizes and differ in consistency, clearly demonstrate that it is fundamentally important to conduct an archaeological study of colorful pigments as a mass material prior to the natural science stage of the study. In the opposite case even goal-setting for subsequent interdisciplinary research will be virtually impossible, and its results will be extremely limited. A multifactorial study of paint materials can demonstrate a great variety of sample characteristics, both among different layers of archaeological material and artifacts from the same site, and among different sites. When approaching pigments as a mass material, statistical processing of the findings is necessary to form meaningful conclusions about the use of pigments on

sites. The afore-said methodological approach reveals systemic differences, which opens up opportunities for comparison based on the methods of mathematical statistics. To obtain relevant data, such an approach requires the accumulation of a statistically significant number of pigment samples, suitable from the point of view of field algorithms. Consequently, it is only the study of a maximum available array of specimens (including a maximum of small grains) of ocher from different artifacts of the cultural layer, individual layers and different sites that makes it possible to obtain information about the cultural similarities and differences in this part of the life strategies of Upper Paleolithic groups, including the identification of the main stages of production chain. The proposed approach to the study of ocher as a mass material, if complying with the methodology of field work, is relevant for all types of archaeological sites of the Stone Age.

Keywords: Upper Paleolithic, colorful pigments, ocher, archaeological techniques, natural science methods in archaeology, Kapova Cave.

* * *

Введение. Красочные пигменты выделяются среди многочисленных археологических находок палеолитического времени. Впервые использование минеральных красителей зафиксировано на памятниках ашельского периода¹. Кроме того, применение охры засвидетельствовано на памятниках, ассоциируемых с неандертальским человеком².

Широкое распространение — как хозяйственно-бытовое, так и символическое — использование пигментов получает в верхнем палеолите. Красочные материалы встречаются на верхнепалеолитических памятниках в самых разных контекстах и в ассоциации с отдельными предметами каменного и костяного инвентаря и разными объектами культурного слоя и погребений и др. в порошкообразном состоянии, в виде карандашей, мазков, замазок и т.п.

Изучение верхнепалеолитических пигментов имеет довольно долгую историю. Увеличение возможностей для исследования красочных материалов напрямую связано с расширением междисциплинарного взаимодействия и развитием естественных наук и новых методов анализа элементного и минерального состава веществ. Тем не менее, это было бы невозможно без тщательной полевой фиксации пигментов как в культурном слое, так и на стенах пещер.

С самого начала исследований палеолитических красочных пигментов и нередко до последнего времени изучались лишь отдельные образцы или их незначительная выборка. К началу

¹ Moissan H. Chimie analytique. Sur les matières colorantes des figures de la grotte de Fontde-Gaume // *Compte rendu de l'Académie des Sciences*. 1902. P. 1539.

² Moissan H. Chimie Analytique. Sur une matière colorantes des figures de la grotte de la Mouthé // *Compte-rendu de l'Académie des Sciences*. 1903. P. 144.

1990-х гг. настала необходимость осмысления результатов и подходов в исследованиях красочных материалов, анализа новых методов и определения возможных будущих целей и задач. Подобной попыткой аккумуляции имеющихся данных стала статья Ж. Клотта³, в целом посвященная последним данным исследований региона Арьеж, однако включающая в себя различные общие вопросы исследования пигментов.

Благодаря развитию физико-химических методов анализа археологи получили возможность проводить анализ небольших образцов, а в пещерах отбирать пробы малых размеров с настенных изображений, чтобы свести к минимуму их механические повреждения. Это позволило увеличить количество и повысить репрезентативность исследований. Таким образом, если раньше исследователь руководствовался количеством доступных для отбора и анализа пигментов, теперь он может исходить из тех целей и задач, которые ставит перед собой, гипотез, которые необходимо проверить. Тем не менее, качественное исследование невозможно без четкого целеполагания, а случайная выборка не всегда способна принести плодотворный результат⁴.

Помимо вопросов методологии Ж. Клотт обозначил круг вопросов, в решении которых актуально, а порой и незаменимо изучение красочных пигментов из пещер с настенными изображениями, но который полностью отвечает и задачам исследований других типов памятников: проблемы синхронности создания рисунков в разных отделах пещер, на отдельных участках панно, проблемы сходства изображений в нескольких палеолитических пещерах. Исследователь предложил идти от частного к общему — изучать сначала одну крупную пещеру, затем близкую группу пещер, а далее сравнивать полученные результаты на более высоком уровне, интегрируя полученные данные в «общую структуру»⁵.

К настоящему времени стал очевидным тот факт, что только полное понимание характера деятельности, связанного с использованием пигментов, включая максимальное представление о производственной цепочке (получении сырья, приготовлении краски, ее использовании и утилизации) может дать объемное представление об использовании красителей в качестве сравнительного материала, в том числе в дискуссиях о культурном сходстве или различиях отдельных памятников и их групп в верхнем палеолите.

³ Clottes J. Paint analyses from several Magdalenian caves in the Ariège region of France // *Journal of Archaeological Science*. 1993. Vol. 20. N 2. P. 223–235.

⁴ Ibid. P. 223.

⁵ Ibid. P. 224.

Изучение К. Куро 23 кг пигмента из трех пещер группы Арсиюр-Кюр (пещера Бизонов, пещера Оленей, навес Лагопед) включало описание их морфологических характеристик, размеров, формы, веса, цвета, следов использования красочных материалов⁶. Анализ состава пигментов и природных минералов из округа позволил исключить преднамеренность включения кальцита и кварца человеком в состав краски. Наиболее полезным методом анализа пигмента К. Куро признан метод рентгеновской дифракции⁷.

Одной из ключевых работ французских ученых в 2000-е гг. стало диссертационное исследование Х. Саломон⁸, посвященное анализу источников, рецептур, применения верхнепалеолитических пигментов на различных памятниках. Этот труд стал обобщением всех известных сведений о красочных веществах ранней поры верхнего палеолита и является ценным источником сведений об истории изучения минеральных пигментов.

В 2005 г. были опубликованы результаты исследования пигментов памятника Буа-Раго (Франция)⁹. В ходе исследования были проанализированы фрагменты охры (включая мелкие образцы, не превышающие 5 мм в длину) из различных уровней залегания находок (мадленского и азильского периодов). Для описания пигментов использовались такие критерии как цвет, размер, тип сырья и следы примесей, следы использования и горения, способность к окрашиванию. В результате сравнения было выявлено отличие между типами сырья, использовавшимися в разные периоды: сырье азильской эпохи имеет большее цветовое разнообразие, однако оно более грубое и в меньшей степени обладает красящими свойствами. Авторам исследования удалось также выявить несколько участков концентрации пигментов, однако из-за того, что большая часть находок не была в должной степени паспортизирована, любые выводы о пространственном анализе имеют приблизительный характер¹⁰. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность тщательной полевой фиксации пигментов с точностью до сектора или квадрата, с обязательной отметкой глубины залегания образца.

⁶ Couraud C. Les pigments des grottes d'Arcy-sur-Cure (Yonne) // Gallia préhistoire. 1991. Vol. 33. N 1. P. 17–52.

⁷ Ibid. P. 23.

⁸ Salomon H. Les matières colorantes au début du Paléolithique supérieur: sources, transformations et fonctions. Doctoral Thesis. Université Bordeaux 1, 2009.

⁹ San Juan-Foucher C. Étude typotechnologique, fonctionnelle et spatiale des matières colorantes du Bois-Ragot. Niveaux magdaléniens et aziliens // Mémoires de la Société préhistorique française. 2005. Vol. 38. P. 261–274.

¹⁰ Ibid. P. 270.

При попытке выявить основные источники охры для памятников Фумане и Тальенте и проведении типологического анализа образцов выяснилось, что стратегии подбора сырья на двух памятниках отличаются: в Фумане в течение всего периода использования пещеры в верхнем палеолите сохраняется одинаковая рецептура красок и используются одни и те же источники сырья, в то время как в Тальенте наблюдаются различия в используемом сырье¹¹. При сравнении материалов из двух памятников использовались только данные о происхождении сырья, основанные на естественно-научных, а не археологических методах анализа.

В 2014 г. были опубликованы результаты исследования охры памятника Режисмон-ле-О¹². Авторами были проанализированы пигменты из двух скоплений археологического материала на стоянке. С помощью физико-химических методов, а также благодаря исследованию охры по таким параметрам как цвет, твердость, размер, в совокупности с изучением кремневого инвентаря, удалось установить разное функциональное назначение участков памятника.

В последние годы проводились достаточно объемные исследования на материалах пещер Юго-Западной Германии. В частности, активно изучаются пигменты многослойного памятника Холе Фельс¹³. Пещера хорошо датирована и имеет четкую стратиграфию, что позволило исследователям получить коллекцию из 869 образцов охры из слоев, относящихся к трем эпохам верхнего палеолита (ориньяк, граветт, мадлен).

Исследования пигментов Холе Фельс в меньшей степени посвящены естественно-научному изучению археологических пигментов, описанный в них подход к документации образцов, их отбору и классификации представляется универсальным для подготовки к проведению подобного рода анализов. Публикации результатов содержат протокол, которому другие исследователи могут следовать при проведении аналогичных изысканий. Представляется, что изучение красочных материалов с памятников Швабской Юры продолжится и дополнится ещё более полными результатами большего числа естественно-научных анализов, а нынешнее состояние исследований

¹¹ Cavallo G. et al. Textural, microstructural, and compositional characteristics of Fe-based geomaterials and Upper Paleolithic ochre in the Lessini Mountains, Northeast Italy: Implications for provenance studies // *Geoarchaeology*. 2017. Vol. 32. N 4. P. 453.

¹² Pradeau J.V. et al. Les matières colorantes sur le site aurignacien de plein air de Régismont-le-Haut (Poilhes, Hérault): Acquisition, transformations et utilisations // *Bulletin de la Société préhistorique française*. 2014. P. 631–658.

¹³ Velliky E.C., Porr M., Conard N.J. Ochre and pigment use at Hohle Fels cave: Results of the first systematic review of ochre and ochre-related artefacts from the Upper Palaeolithic in Germany // *PloS one*. 2018. Vol. 13. N 12. P. 40.

являет собой систематическое осмысление и структурирование накопленного за последние десятилетия материала. При этом немецкие исследователи уделяют особое внимание изучению миграций и сырьевых стратегий верхнепалеолитического человека и активно привлекают результаты исследований пигментов к решению этих вопросов.

Изучение красочных пигментов из материалов отечественных памятников в последнее время также получило новое развитие. В 2015 г. С.Ю. Лев и А.С. Пахунов провели совместное исследование скульптуры бизона с Зарайской стоянки с применением многоуровневой теневой съемки и съемки в отраженных ИК и УФ лучах, а также высокодетализированной фотосъемки¹⁴. Благодаря этому исследованию удалось установить наличие черного и красного пигментов на различных частях фигуры. Отобранные Н.Д. Прасловым материалы Костёнок-I/1 (второй комплекс) были проанализированы О.В. Яншиной и М.Н. Желтовой¹⁵. В результате микроскопического исследования материалы были разделены на три группы: окрашенный культурный слой (в том числе в черный, желтый цвета), минеральное сырье и «охра»¹⁶.

В 2020 г. были опубликованы результаты применения метода инфракрасной спектроскопии для анализа состава пигментов на поверхности женской статуэтки из Костенок-I/1¹⁷. Одними из последних работ, связанных с изучением охры на палеолитических памятниках, являются исследование пигментов стоянки Хотылево 2¹⁸, а также инструментов для обработки краски стоянки Елисеевичи I¹⁹.

Подводя итог рассмотрению специальной литературы, можно очертить основной круг вопросов, с которыми связано целеполагание исследований красочных пигментов.

¹⁴ Пахунов А.С., Лев С.Ю. Комплексная исследовательская фотосъемка скульптуры бизона с Зарайской стоянки: предварительные результаты // Краткие сообщения Института археологии. 2015. №. 241. С. 20–28.

¹⁵ Яншина О.В., Желтова М. Н. Использование красных красок на верхнепалеолитической стоянке Костенки-1 (второй комплекс, слой I) // *Universum Humanitarium*. 2018. № 1. С. 107–136.

¹⁶ Там же. С. 108.

¹⁷ Золотарев В.М., Хлопачев Г.А. Исследование состава пигментов на поверхности женской статуэтки с палеолитической стоянки Костенки 1 методом инфракрасной спектроскопии отражения // *Оптика и спектроскопия*. 2020. Т. 128. № 5. С. 679–686.

¹⁸ Пахунов А.С., Гаврилов К.Н., Еськова Д.К. Пигменты из культурного слоя стоянки Хотылево 2: предварительные результаты анализа состава образцов // Краткие сообщения Института археологии. 2021. № 265. С. 359–374.

¹⁹ Степанова К.Н. Орудия из галек и окрашенные камни памятника поздней поры верхнего палеолита Елисеевичи 1 в собрании Кунсткамеры // *Camera praehistorica*. 2023. № 1 (10). С. 107–129.

Для среднего палеолита:

1. Получение доказательств преднамеренного и разнородного (утилитарного и неутилитарного) использования пигментов у неандертальцев и ранних сапиенсов.

2. Изучение состава пигментов с целью установления источников происхождения сырья и технологии изготовления пигментов.

Для верхнего палеолита (в подавляющем большинстве случаев целеполагание основано на применении естественнонаучных методов):

1. Поиск источников сырья, изучение сырьевых стратегий и дальности перемещений людей в верхнем палеолите.

2. Изучение рецептуры красок (в том числе — выявление органических связующих), технологии изготовления пигментов. Получение информации о различии или сходстве красочных материалов настенных изображений и пигментов из культурного слоя.

3. Получение информации о преднамеренном или случайном обжиге на одном из этапов подготовки сырья.

4. Получение данных о технологии нанесения изображений на стены пещер или предметы и/или их окрашивании.

5. Прямое датирование органических пигментов.

6. Вопросы сохранности настенных изображений.

В большинстве исследований пигментов авторы концентрируются на изучении образцов из коллекции одной стоянки, при этом практически отсутствует археологическое сравнение пигментов между разными объектами культурного слоя одного памятника, несколькими стоянками и типами памятников как с точки зрения характеристики образцов, так и их пространственного распределения.

Особенности полевой методики изучения материала. С середины 2000-х гг. изучение красочных пигментов стало одним из направлений деятельности Южно-Уральской археологической экспедиции МГУ. В 2006–2007 гг. В.С. Житенёвым после проведения ряда анализов пигментов был сделан вывод о необходимости комплексного изучения красочных пигментов и их сравнения с материалами разных памятников²⁰. Это повлекло за собой целую серию ис-

²⁰ См., например: *Житенев В.С.* Череп пещерного медведя с нарезками и следами охры из пещеры Сикияз-Тамак I (Южный Урал) // *Современные проблемы археологии России: Материалы I (XVII) ВАС*. Т. 1 / Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина. Новосибирск, 2006. С. 201–203; *Он же.* Верхний палеолит бассейна реки Ай (Южный Урал): перспективы исследований // *XVII Уральское археологическое совещание. Материалы науч. конф.* / Ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут, 2007. С. 92–93; *Он же.* Капова пещера — палеолитическое подземное святилище. М., 2018.

следований палеолитических красочных материалов на территории Южного Урала.

Методика получения коллекции образцов охры из Каповой пещеры, на которой проводилась первичная апробация обсуждаемого подхода к многофакторному исследованию этой категории материалов, соответствует хорошо известной методике изучения верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II, коллекция пигментов которой также была использована для сравнительного изучения. Подход к изучению горизонтов посещения в Каповой пещере и фиксации культурных остатков соответствовал методическим наработкам Донской археологической экспедиции МГУ, возглавлявшейся в годы становления методики М.Д. Гвоздовер и Н.Б. Леоновой при активном участии Е.В. Минькова, Е.А. Виноградовой и Н.А. Хайкуновой. Основой полевой методики является расчистка и изучение культурных слоев по уровням их залегания в зависимости от положения и особенностей микро-участков древней дневной поверхности, а не по условным горизонтам, а также промывки рыхлых отложений.

Каждый горизонт фиксируется на отдельный план в масштабе 1:10. Все находки нивелируются. Грунт снимается тонкими пластами до 1 см. Все находки остаются на месте с сохранением их пространственного положения до максимально возможного и полного вскрытия изучаемого участка и полной фиксации. При этом метровый квадрат разбит на участки 10x10 см, каждый из которых имеет свой номер от 00 до 99 (от СЗ к ЮВ углу). Дополнительно квадрат разделен на четыре сектора А, В, С, D — соответственно СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ. Такая фиксация позволяет впоследствии, при кабинетной обработке материала, точно моделировать любой участок, проводить ремонтаж, проследивать распределение любой категории находок. Все находки фиксируются на планах с нивелировочными отметками с точностью до 1 см. Наклонные и вертикальные находки обозначаются стрелочками, показывающими направление наклона по сторонам света, и получают две отметки — верха и низа, если наклон превышает 1 см, и одну, если наклон менее 1 см. На план наносятся все видимые взглядом предметы, а также отмечаются участки, выделяющиеся особым цветом, места концентрации золы, древесного угля, охры.

При работе применяется полная промывка всей вмещающей культурный слой породы, которая собирается по дециметрам в пакеты с этикетками, указывающими принадлежность к определенному месту: квадрат, сектор квадрата, глубина залегания. Вмеща-

ющая порода промывается на ситах с сеткой 5 мм, 1 мм и 0,4 мм, содержимое промывки, после просушки тщательно просматривается и сортируется. Промывка дает значительную часть крупинок красочного пигмента, отбираемых в колбы для полного сохранения образцов. Игнорирование мельчайших крошек и крупинок охры, получаемых из промывки на ситах с наименьшим размером ячеек, приводит к искажению результатов как археологических, так и естественнонаучных исследований. Ярким примером этого и безусловной необходимости изучения всего накопленного в коллекции материала служат промежуточные результаты исследования красочных пигментов из раскопа в Купольном зале Каповой пещеры. «После обработки и анализа значительной части образцов (88 экз. — от 0,6 до 108 мг, при этом 80 % имели массу менее 20 мг) из наиболее представительных горизонтов посещения (сл. 4–7) сложилось впечатление о достаточно четкой разнице в выбранном для изготовления красочных пигментов сырье между культурными горизонтами: образцы из 4 и 5 горизонтов составили «одну крупную группу, а образцы из 6 и 7 горизонтов составили меньшие по размерам индивидуальны группы»²¹. Однако после продолжения исследования, в том числе включения в анализируемую выборку совсем крошечных образцов, масса которых составляла от 0,5 мг и меньше, что увеличило количество пигментов практически вдвое, четкая и, казалось бы, логичная картина распределения разных групп по культурным горизонтам изменилась и стала более сложной, а иллюзорная простота распределения исчезла. Всё вышесказанное наглядно демонстрирует необходимость как тщательной полевой работы, так и проведения анализа максимального, а не выборочного числа образцов красочных пигментов.

Математическая обработка результатов археологического изучения пигментов. Результаты анализов, представленные в табличном виде, как правило, малоинформативны. При подходе к пигментам как к массовому материалу, необходима статистическая обработка полученных результатов для формирования более содержательных выводов об использовании пигментов на памятниках. К ним для сравнения могут быть добавлены любые параметры, полученные при описании красочных пигментов, для построения корреляций.

²¹ *Статкус М.А., Абдрашитова И.В., Анисовец Ю.Д., Житенёв В.С.* Красочные пигменты Каповой пещеры: кластеризация образцов на базе данных микрофлуоресцентного анализа (предварительные результаты) // *Геоархеология и археологическая минералогия-2021. Материалы VIII Всероссийской науч. конф. с междунар. участием имени профессора В.В. Зайкова. Миасс; Челябинск, 2021. С. 69.*

Наиболее простым шагом является получение медианы или среднего значения показателя по необходимому параметру (к примеру, масса). Поиск среднего значения рекомендован для набора данных, в котором отсутствуют выбросы (переменные со слишком большим или слишком малым значением). При асимметричном распределении рекомендуется использовать медиану. В случае, если в наборе данных присутствует большое количество выбросов, 5–10% из них необходимо исключить при использовании математической статистики.

Методы математической статистики позволяют определить, насколько образцы отличаются друг от друга. Прежде всего, определяется размах — разность от меньшего до большего значения (например, в размере образцов). Этот показатель также чувствителен к выбросам, поэтому рекомендуется исключать примерно 25% выбросов с большей и меньшей стороны. В таком случае, будет получен так называемый межквартильный размах.

Одним из способов репрезентации данных о размахе, межквартильном размахе и медиане является диаграмма «ящик с усами». Этот график позволяет автоматически выделить выбросы. Примером может служить диаграмма, построенная по результатам определения массы (мг) у 88 образцов пигмента из Каповой пещеры (рис. 1):

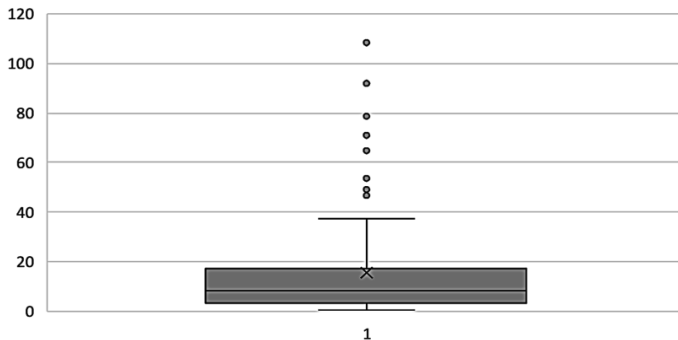

Рис 1. Диаграмма «ящик с усами» для пигментов из Каповой пещеры

Таким образом, выбросы для общей совокупности образцов начинаются со значения 40+ мг и представлены восемью образцами, что составляет 10% от общего числа задействованных образцов. Размах составляет от 0 до 40 мг, а межквартильный размах — приблизительно от трех до 18 мг. На графике также обозначено медианное значение на уровне 9 мг.

Для того чтобы определить отличие одного или нескольких образцов от среднего значения, необходимо определить отклонение (разница между средним значением и значением выбранного образца). При сложении всех отклонений и делении их затем на общее количество вариантов, получается среднее отклонение. Отклонение может быть равно 0, быть больше и меньше 0. Среднее отклонение возводится в квадрат для получения положительного значения. Среднее значение от квадратов отклонений называется дисперсией (мерой разброса). Дисперсия, взятая под корень, позволит получить среднеквадратическое отклонение. К примеру, если образцы имеют размеры 2, 4, 4, 4, 5, 5, 5, 7 и 9 мм, то среднее значение будет равно 5. Соответственно, среднеквадратическое отклонение будет равно 2. Это значит, что образцы отличаются от среднего значения примерно на 2 мм. Точно такие же отклонения можно высчитать для содержаний определенных элементов в составе образцов. Следует учитывать, что данные методы неустойчивы к выбросам, поэтому выбивающиеся значения также следует исключать.

Математические методы обработки результатов позволяют улучшить репрезентацию результатов. Данные могут быть представлены в виде таблицы частот. В первом столбце помещаются значения, во втором — количество образцов с таким значением. Таблица может быть переведена в формат столбчатой диаграммы, где горизонтальная ось будет демонстрировать значение, а вертикальная — частоту встречаемости. Вместо столбцов можно использовать прямую, в таком случае, полученный график будет называться полигоном распределения. Другой способ представления данных таблицы частот — круговая диаграмма.

Данные, полученные, например, в ходе определения цвета, можно подвергнуть процедуре кластерного анализа. На каждой итерации алгоритм объединяет в кластер два наиболее близких по цвету образца; кластеризация завершается, когда все образцы объединяются в один кластер. Проблема определения цвета образцов красочных пигментов, их значения в общем многофакторном анализе обсуждаемой категории археологических материалов, изучения полученных данных и их интегрирования в конечный результат будет посвящена отдельная публикация.

Еще одним важным элементом статистики является прослеживание зависимостей между двумя признаками. Например, зависимости цвета охр от содержания в них железа. К такому графику можно добавить третий параметр, который будет влиять на размер точки. Основой построения диаграммы служит метод главных компонент.

Для более сложного анализа данных, например, при наличии несвязных выборок используются t-критерий Стьюдента для сравнения средних показателей. Величина выведенного значения определяет величину разницы между группами.

U-критерий Манна–Уитни используется при наличии точных значений переменных. Каждому значению присваивается ранг от меньшего к большему, ранги в каждой группе суммируются. Чем больше разница между полученными суммами, тем сильнее группы различаются между собой.

Для того чтобы определить, насколько одна группа образцов является более разнообразной, чем другая, используется F-критерий равенства дисперсий Фишера. Для разных групп необходимо высчитать дисперсии и поделить большую дисперсию на меньшую. Полученный коэффициент будет демонстрировать различие в разнообразии сравниваемых групп.

Таким образом, математическая обработка результатов должна применяться при обработке данных описания и естественнонаучного изучения пигментов, так как позволяет проследить зависимость нескольких переменных друг от друга, составить статистику по одному или нескольким признакам, сравнить объекты друг с другом.

Системный подход к изучению пигментов естественнонаучными методами. Полноценное многофакторное изучение не может быть проведено с привлечением лишь одного метода анализа. Причина заключается не только в том, что исследователи стремятся выполнить максимально доступное число анализов и получить максимальное количество информации, обеспечив воспроизводимость результата, но и в том, что используемые методы обладают разной степенью чувствительности к содержащимся в составе красок элементам.

Большой проблемой любых естественно-научных анализов является то, что чем более точный результат необходимо получить, тем сильнее образец должен быть подвергнут разрушению. В условиях, когда количество образцов ограничено и каждый из них является уникальным, необходимо выбрать наиболее оптимальный путь исследования.

В рамках проведенной апробации методики изучения красочных пигментов как массового материала был разработан алгоритм изучения минеральных пигментов естественнонаучными методами (рис. 2):

При выборе стратегии исследования необходимо учитывать, что любой из представленных методов может нанести вред образцу.

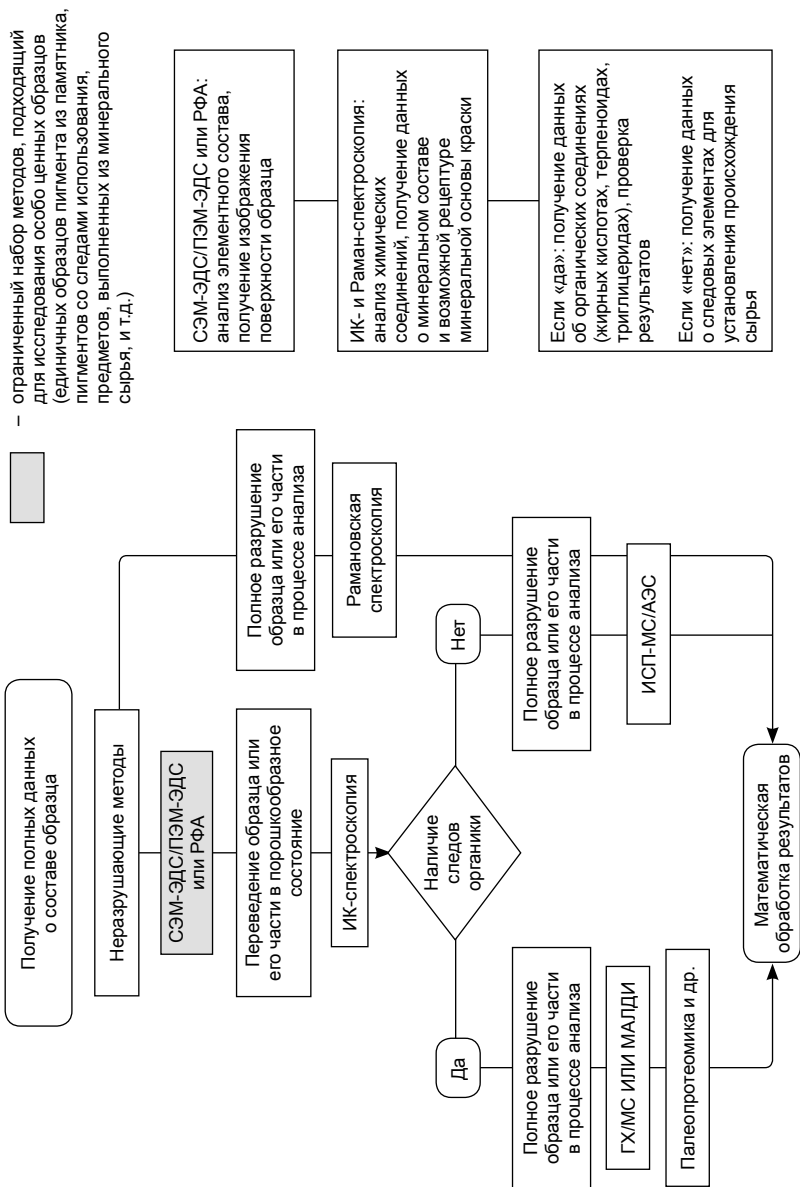

Рис. 2. Алгоритм исследования минеральных красочных пигментов естественнонаучными методами

Поэтому стоит с осторожностью подходить к выбору места проведения анализа и оператора, который будет работать с пигментами. Необходимо четко сформулировать цели и задачи и убедиться, что у оператора прибора есть желание и возможность корректировать настройки прибора под археологические нужды.

Прежде всего, необходимо обратиться к неразрушающим методам, которые не меняют физико-химических характеристик образца. Это методы сканирующей или просвечивающей электронной микроскопии с энерго-дисперсионной спектроскопией. Эти методы позволяют получить изображение поверхности образца во вторичных электронах и точные данные об элементном составе. Аналогом этим методам может стать микро-РФА, который обладает меньшей точностью, но также может являться неразрушающим, однако с его помощью невозможно получить микроскопическое изображение образца.

Привлечение результатов только элементного анализа возможно на начальном этапе исследования для поиска сходств и различий между пигментами на памятнике — в разных культурных слоях, участках стоянки или между пигментом на стенах пещер и в культурном слое.

Следующим этапом в исследовании пигментов становится изучение минерального состава. В этом случае могут быть выбраны методы ИК-спектроскопии (в порошкообразном состоянии). Это позволит использовать оставшийся порошок для анализа другими методами. Аналогичный по полученному результату метод — рамановская спектроскопия. Теоретически этот метод также может являться неразрушающим, однако практика показывает, что добиться этого крайне сложно, в большинстве случаев образец уничтожается полностью²².

ИК-спектроскопия и рамановская спектроскопия способны выявить органические соединения в образцах. В таком случае, необходимо уточнение результатов методами ГХ/МС или МАЛДИ, их перепроверка методами палеопротеомики. Если следов органики не обнаружено, следующим шагом становится поиск следовых элементов методами ИСП-МС или ААС, позволяющий ответить на вопросы о происхождении пигментов на основе мелких концентраций следовых элементов. Третий этап исследования ведет к полному разрушению образца, поэтому по возможности рекомендуется ис-

²² По личному сообщению кандидата физико-математических наук Н.Н. Грандта, доцента кафедры общей физики и волновых процессов физического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, процедура съемки одного КР-спектра может занимать до одного дня при поиске оптимальных настроек. Это, однако, также не гарантирует отсутствия критических повреждений образца.

пользовать образец лишь частично, тем более что большая часть современных методов позволяет отбирать небольшие навески (менее 0,1 гр). Для изучения вопросов о происхождении сырья необходимо и детальное изучение геохимического состава выходов бурых железняков.

Одной из проблем, возникающих при анализе пигментов, нанесенных на каменную основу, является состав подложки. В данном случае выводы об использовании, например, кальцита в качестве связующего, будут недостоверны, так как кальцит может присутствовать в самой основе²³. Таким образом, даже несмотря на то что присутствие кальцита в составе красок в результате преднамеренного добавления обсуждается до сих пор, имеющиеся методы пока не способны безошибочно отделить состав основы, на которую нанесен краситель от непосредственно пигмента и подтвердить состоятельность этой гипотезы для настенных рисунков²⁴. Именно поэтому в подобном случае рекомендуется отбирать пробы красок с поверхности подложек, а также пробы самих каменных основ.

При проведении анализа красочных пигментов на стенах пещер *in situ* следует учитывать, что возможности рентгенофлуоресцентного метода ограничены степенью искривления поверхности. В частности, применение метода в условиях пещеры может вызвать непредсказуемое изменение пиков и исказить результаты анализа²⁵. Этот недостаток является релевантным и для исследования остатков краски на различных предметах (например, каменных орудиях) и в лабораторных условиях.

Поиск органического связующего также имеет целый комплекс проблем. На сегодняшний день не существует ни одного абсолютно убедительного доказательства использования органического связующего (жира, крови и т.п.) для верхнепалеолитических пигментов²⁶. Иногда исследователям удается выявить остаточные соединения (кислоты, углеводороды или соли)²⁷, которые являются

²³ *d'Errico F. et al. The technology of the earliest European cave paintings: El Castillo Cave, Spain // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 70. P. 48–65.*

²⁴ Например, в Каповой пещере есть примеры преднамеренного добавления кальцита. См.: *Пахунов А.С. и др. Анализ пигментов «кладов охры» из Каповой пещеры // Краткие сообщения Института археологии. 2016. № 245-II. С. 240–253.*

²⁵ *Liritzis I., Zacharias N. Portable XRF of archaeological artifacts: current research, potentials and limitations // X-ray fluorescence spectrometry (XRF) in geoarchaeology. 2011. P. 109–142.*

²⁶ *Salomon H. Les matières colorantes au début du Paléolithique supérieur: sources, transformations et fonctions. Doctoral Thesis. Université Bordeaux 1, 2009.*

²⁷ См., например: *Pepe C. et al. Le liant des peintures paléolithiques ariégeoises // Comptes rendus de l'Académie des sciences. Sér. 2. Mécanique, Physique, Chimie, Sciences de l'univers, Sciences de la Terre. 1991. Vol. 312. N 8. P. 929–934.*

частью органических материалов, однако также присутствуют и в неорганических веществах. Достоверным признаком наличия органики в образце являются только белки (аминокислоты) и жирные кислоты.

Безусловно, одним из важных условий проведения исследований красочных пигментов является их репрезентативность. Комплексное изучение красочных материалов невозможно на примере одного образца. Пример репрезентативной выборки можно найти в работах, посвященных, например, изучению пигментов пещеры Кафзех²⁸. Образцы отбирались из слоев, наиболее богатых охрой. «Количество кусочков, отобранных из каждого слоя, отражало его относительное богатство кусочков охры, но выбор из набора слоев был случайным»²⁹. Однако наиболее полная картина возможна только при изучении всей массы материала.

Следует осторожно относиться к образцам, которые имеют неоднородный цвет — в этом случае необходимо проведение анализа нескольких областей, так как образцы могут представлять собой как, например, сочетание двух составов, так и неравномерно обожженный фрагмент породы.

Проблема классификации и описания красочных пигментов. Разработка классификации для красочных пигментов представляет собой сложную методическую проблему. Это связано с тем, что пигменты сочетают в себе свойства природных и археологических материалов. С одной стороны, они получены из природного сырья и обнаруживаются на памятниках на разных этапах приготовления и, соответственно, в разной степени модифицированы человеком. Во-вторых, классификация археологического материала предполагает выделение составных элементов вещей и их описание³⁰, в то время как образцы пигмента не содержат привычных (задуманных человеком) конструктивных элементов, а форма образцов в основном случайна.

Для представленного исследования было решено разрабатывать не классификацию, а систему описания. Прежде всего, связано это с тем, что при создании классификации исследователю необходимо выделить несколько основных признаков, в то время как другие имеют нисходящее значение. В отношении красочных пигментов каждый признак равнозначен и не может быть потерян или опущен

²⁸ *Hovers E. et al.* An early case of color symbolism: ochre use by modern humans in Qafzeh Cave // *Current anthropology*. 2003. Vol. 44. N 4. P. 491–522.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Щанова Ю.Л.* Введение в вещеведение: естественнонаучный подход к изучению древних вещей. М., 2000.

в ходе классификации. Не существует также набора признаков, которые могли бы являться основой классификации красочных пигментов. Выявление подобных характеристик на материалах одной коллекции будет отражать субъективный фактор и сделает схему неудобной и неподходящей для последующего применения в отношении пигментов из других памятников. Известно, что при классификации существует риск потери сведений, которые не являются для исследователя значимыми с его точки зрения³¹. Однако в отношении пигментов невозможно выделить один более значимый признак, так как не изучены зависимости различных признаков от состава, назначения, места обнаружения пигмента и т.д. Следует принимать в расчет и специфику материала — это зачастую небольшие хрупкие образцы (менее 5 мм), часть из которых рано или поздно будет исследована с применением разрушающих методов анализа. В данной ситуации необходимо сохранить как можно больше сведений об образце.

Вторая причина создания именно системы описания для красочных минеральных пигментов — возможность проведения многофакторного анализа и выявления корреляции между несколькими признаками. Это возможно только в том случае, если признаки, по которым производится анализ, равнозначны. Например, таким образом можно выявить закономерности между цветом и содержанием железа в образцах и т.п.

Разными группами исследователей было предпринято несколько попыток создания системы описания красочных минеральных пигментов.

При исследовании пещеры Бломбос для пигментов был выделен ряд признаков, по которым производилась характеристика образцов³²:

1. Цвет (темный, насыщенно-красный, насыщенно красно-коричневый, средней интенсивности темные красные, средней интенсивности красно-коричневые, средней интенсивности желто-коричневые, пастельные красно-коричневые, пастельные желто-коричневые, серые)

2. Обработка (необработанные, вероятно обработанные, скорее обработанные, определенно обработанные)

Благодаря построению корреляций между этими двумя параметрами, удалось установить, что, в основном, следы обработки со-

³¹ Там же.

³² *Watts I. Red ochre, body painting, and language: interpreting the Blombos ochre // The cradle of language. 2009. Vol. 2. P. 62–97.*

держали на себе насыщенно-красные пигменты, тогда как образцы, имеющие желтый оттенок, практически не использовались³³.

При изучении пигментов пещеры 13В в Южной Африке, существующий набор параметров был значительно расширен³⁴:

1. Вес
2. Измерение (длина x ширина x высота)
3. Геологическая форма (аргиллит, сланец, алевролит, крупный алевролит, мелкий песчаник, средний песчаник, оксид железа, кварцит, карбонат кальция, другое)
4. Твердость (от 1 до 5 по шкале Мооса)
5. Материал (спайность, массивность, пустоты, обломки, пустоты и обломки, узловатость)
6. Текстура (глина; глина и ил; ил; ил и песок; мелкий песок; глина, ил и песок; кристаллическая и глина; ил, кристаллическая, песок и ил; кристаллическая, среднезерненный песок и ил; среднезерненный песок и ил)
7. Форма (куски и крошки, отщепы, обломки, пластины, неправильной формы, узловатые, призматические)
8. Выветривание (свежий, умеренно изношенный, сильно изношенный, умеренная патина, обширная патина)
9. Блеск (землистый, блестящий, землисто-блестящий, субметаллический, металлический)
10. Количество и размер слюды (обильное, умеренное, незначительное, отсутствует/мелкий, умеренный, крупный)
11. Цвет (субъективное визуальное определение)
12. Содержание железа (фоновое, умеренно гематизированный, гематизированный, железистый)
13. Магнетизм
14. Прожилки

К тому же, были выделены такие дополнительные параметры, как наличие следов обработки, фасетки, их расположение и тип (измельченный фрагмент; слегка измельченный; умеренно измельченный; обработанная измельченная таблетка; фрагмент обработанной измельченной таблетки; интенсивно измельченный; измельченный и соскобленный фрагмент; соскобленный фрагмент; интенсивная шлифовка, легкий соскоб и гравировка; интенсивно обработанные, обработанные и зазубренные; изолированные бороздки; надрезы; отслоения)³⁵.

³³ Ibid. P. 86.

³⁴ *Watts I.* The pigments from pinnacle point cave 13B, Western Cape, South Africa // *Journal of Human Evolution.* 2010. Vol. 59. N 3-4. P. 392-411.

³⁵ Ibidem.

При исследовании пигментов пещеры Порк-Эпик были выбраны следующие параметры описания³⁶:

1. Тип сырья (мягкое мелкозернистое, пятнистое мелкозернистое, твердое мелкозернистое, крупнозернистое, железистый песок, пластинчатое мелкозернистое)

2. Цвет (серый, желтый, коричневый, черный, оранжевый, красный, темно-красный), определялся на глаз

3. Текстура (очень мелкозернистая, мелкозернистая, крупнозернистая; гомогенная и гетерогенная)

4. Включения (нет или небольшие, нет, подкруглые и нерегулярные, бляшковидные)

5. Твердость (мягкие, средние, твердые). Твердость анализировалась при измельчении пигмента или при проведении им по листу бумаги

6. Плотность (низкая, средняя, высокая)

Помимо этого, было выделено несколько видов антропогенной модификации сырья:

1. Растирание

2. Скобление

3. Скалывание/дробление

4. Сглаживание/шлифовка

По типам следов:

1. Борозды

2. Насечки

3. Затертости

4. Выбоины

Благодаря анализу сочетаемости признаков, в ходе исследования авторам удалось выделить шесть типов сырья³⁷. Кроме того, авторам исследования удалось получить картину распределения охры в двух скоплениях по типам сырья и видам модификации.

Впоследствии эти выводы были дополнены сравнением выделенных типов с элементным составом для более чем 4000 образцов³⁸. Исследование продемонстрировало наличие корреляции между сырьем и способами модификации, которые выбирал палеолити-

³⁶ Rosso D.E., d'Errico F., Queffelec A. Patterns of change and continuity in ochre use during the late Middle Stone Age of the Horn of Africa: The Porc-Epic Cave record // *PloS one*. 2017. Vol. 12. N 5. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0177298> (дата обращения 30.03.2023).

³⁷ Ibid. P. 12.

³⁸ Rosso D.E., Regert M., d'Errico F. First identification of an evolving Middle Stone Age ochre culture at Porc-Epic Cave, Ethiopia // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. N 1/13261. — URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-39957-y> (дата обращения 30.03.2023).

ческий человек. Кроме того, наблюдается различие между охрами, использовавшимися на разных этапах освоения памятника. Авторы также отмечают, что наиболее сложные рецептуры, основанные на использовании различных типов охры и их смешивании, могут свидетельствовать о символическом использовании пигментов.

При изучении пигментов верхнепалеолитической пещеры Холе Фельс исследователи опирались на существующие классификации, чтобы система описания была универсальной и могла применяться на нескольких памятниках³⁹. Э. Веллики использовалось два набора параметров — непосредственно для пигментов, а также для описания следов окрашенности и остатков охры на археологических находках.

Для описания пигментов использовались сведения о размере, типе породы (гематит, известняк, оксиды железа, глина, красный культурный слой, алевролит, спекулярит), ее «характеристике» (оолитовые, слюдянистые, пористые), о текстуре (глинистая, илистая, песчаная), цвете и втором цвете (посредством CIELAB), следах обработки (борозды, микропористости, зарубки).

Помимо этого, образцы разделялись на содержащие достоверные следы антропогенной модификации («шлифовка, растирание, рифление, огранка, скругление»⁴⁰), вероятно модифицированные и немодифицированные. Предметы, содержащие на себе следы пигмента были также разделены на преднамеренно окрашенные, непреднамеренно окрашенные и естественно окрашенные (в результате, например, постдепозиционных процессов).

На основании всех выделенных критериев авторами были сделаны выводы о взаимосвязи сценариев встречаемости охры на памятнике и климатических изменений на протяжении верхнего палеолита, а также изменений ландшафта. Например, на поздних этапах верхнего палеолита наблюдалась меньшая изменчивость состава пород, используемых в качестве красителя, что связывается авторами с установлениями более устойчивых социокультурных предпочтений и большей доступностью удаленных источников этих пород в периоды граветта и мадлена в связи с изменениями ландшафта⁴¹.

Как видно из представленных классификаций, описание красочных минеральных пигментов включает в себя не только археологические данные, но и геологические характеристики образцов.

³⁹ *Velliky E.C., Porr M., Conard N.J. Ochre and pigment use at Hohle Fels cave: Results of the first systematic review of ochre and ochre-related artefacts from the Upper Palaeolithic in Germany // PloS one. 2018. Vol. 13. N 12. P. 7.*

⁴⁰ *Ibid. P. 17.*

⁴¹ *Ibid. P. 29.*

Для сугубо геологической классификации зачастую используются данные естественно-научных анализов⁴².

Одной из целей проведенной работы было создание системы описания пигмента, которая могла бы употребляться при визуальном осмотре. Впоследствии эти сведения могут быть дополнены данными естественнонаучных анализов. Было решено придерживаться большей части признаков, выделенных авторами представленных выше исследований, чтобы системы описания были совместимы между собой.

Одним из важнейших условий, предъявляемых к классификациям и системам описания — возможность расширения характеристик и дополнения их при исследовании нового материала⁴³.

Описание красочных пигментов при проведении полевых работ

1. Адрес (памятник, год, квадрат, слой/глубина, зал пещеры, объект)

2. Контекст нахождения на памятнике (в том числе объекты культурного слоя):

- погребение
- рисунок
- окрашенность культурного слоя
- окрашенность суглинка на поверхности пола
- охристая прослойка
- замазка
- крупинка из культурного слоя (твердая, до 2 см)
- кусок из культурного слоя (твердый, от 2 см)
- комок из культурного слоя (мягкий)
- ямы или ямки
- карандаш
- палитра
- скопление пигмента в культурном слое
- скопление пигмента на поверхности пола
- очаг
- скопление каменного инвентаря
- капля в культурном слое
- мазок в культурном слое
- капля на стене
- мазок на стене

⁴² См., например: *Kingery A. et al. Analysis of geological ochre: its geochemistry, use, and exchange in the US Northern Great Plains // Open Journal of Archaeometry. 2013. Vol. 1. N 1. P. 72–76.*

⁴³ *Щапова Ю.Л. Указ. соч.*

- пятно на стене
 - капля на поверхности пола
 - мазок на поверхности пола
 - комок на поверхности пола (мягкий)
 - кусок на поверхности пола (твердый)
 - капля на камне
 - мазок на камне
 - капля на глыбе
 - мазок на глыбе
 - окрашенная плитка из культурного слоя
 - окрашенная плитка на поверхности пола
 - частично окрашенный камень из культурного слоя
 - окрашенный камень на поверхности пола
 - окрашенная глыба из культурного слоя
 - окрашенная глыба на поверхности пола
 - искусство малых форм
 - окрашенность на раковине
 - окрашенность на каменном орудии
 - окрашенность на костяном орудии
 - окрашенность на предмете дебитаж
 - окрашенность на кости
 - окрашенность на гравированной кости
 - окрашенность на украшении
 - окрашенность на образце искусства малых форм
 - скопление окрашенных костей
 - скопление окрашенных кремневых предметов
 - скопление окрашенных раковин
 - карандаши и «псевдокарандаши»
3. Размер
 4. Цвет (например, по Munsell Soil Color Charts)
 5. Словесное описание

**Система описания красочных пигментов
в лабораторных условиях**

1. Код и номер образца
2. Адрес (памятник, год, квадрат, слой/глубина, зал пещеры, объект)
3. Размер (длина x ширина x высота (для крупных образцов))
4. Масса (мг)
5. Внешний вид
 - комок (мягкие грани, подкруглая/подовальная форма)
 - кусок (твердые грани, аморфная форма)
 - красочная масса (на основе суглинка, влажная, пластичная)

- порошок (сухой, рассыпчатый)
 - краска, нанесенная на основу
 - другое
6. Влажность
- влажный
 - сухой
7. Основа
- да
 - нет
8. Тип основы
- кость
 - камень
 - кремневый предмет
 - раковина
 - другое
9. Наличие следов обработки и износа (*по: Гиря, 2015*)
- следы обработки
 - следы использования
 - неидентифицируемый утилитарный износ
 - нет
10. Характер следов обработки и/или износа (*преимущественно по: Гиря, 2015*)
- царапины/насечки
 - истирание
 - скругление/пришлифовка
 - сколы
 - выщерблены (фасетки)
11. Текстура
- гомогенная
 - гетерогенная
12. Структура
- глинистая
 - илистая
 - мелкопесчаная
 - крупнопесчаная
 - песчано-глинистая
 - кристаллическая (горная порода)
 - другое
13. Твердость
- 1 мягкий — оставляет интенсивный след на бумаге
 - 2 средний — оставляет малоинтенсивный след на бумаге
 - 3 твердый — не оставляет след на бумаге

14. Цвет — код по: Munsell Soil Color Charts
15. Изменение цвета при соскабливании/отламывании
 - да
 - нет
 - невозможно проверить
16. Гомогенность цвета
 - гомогенный окрас
 - гетерогенный окрас, не влияющий на определение цвета (цвет определяется по наиболее распространенному оттенку)
 - гетерогенный окрас, затрудняющий определение цвета (сложно/невозможно выделить доминирующий оттенок)
17. Оттенки включений другого цвета — код по Munsell Soil Color Charts
18. Вид включений пигмента другого оттенка (в отношении образцов в виде комков, кусков, скоплений)
 - прожилки
 - пятна
 - вкрапления
19. Магнетизм
 - да
 - нет
20. Блеск
 - да, металлический
 - да, стеклянный
 - нет
21. Включения другого материала
 - да
 - нет
22. Тип включений
 - кварц
 - кальцит
 - уголь
 - суглинок
 - другое
23. Интенсивность включений
 - низкая
 - умеренная
 - высокая
24. Характер включений
 - регулярные (по всему образцу)
 - нерегулярные (в части образца)

25. Пати́на

- да, темная
- да, светлая
- нет

26. Возможность исследования разрушающимися методами анализа

- от 100 до 250 мг
- от 50 до 100 мг
- от 10 до 50 мг
- невозможно

27. Данные о содержании вещества-хромофора (если известно): минерал (элемент, органическое соединение) / процент

28. Примечание

Апробация методики. В рамках апробации метода исследования охры как массового материала были изучены образцы красочных пигментов из Каповой пещеры и открытой стоянки Каменная балка II. Рассматриваемые памятники представляют собой два совершенно разных типа освоения пространства в верхнепалеолитическое время. Однако на обоих памятниках встречено большое количество красочных пигментов. Ввиду различия между типами памятников, сравнение пигментов из их коллекций представляет несомненный интерес. Включение в исследование массива образцов размером менее 5 мм проведено впервые и продемонстрировало высокий потенциал и глубокую значимость использования абсолютно всех образцов пигментов для изучения с целью избежать серьезных искажений получаемых результатов.

Для проведения многофакторного анализа красочных пигментов отдельных памятников и сопоставления между образцами из коллекций различных стоянок была разработана система описания, включавшая 28 параметров. Для определения цвета использовалась цветовая шкала Munsell Soil Color Book. Образцы были изучены с помощью бинокулярного микроскопа (стереомикроскоп Zeiss Stemi 2000-C) при белом освещении 3100 лм и свете лампы накаливания в помещении, увеличение 5.0x. Данные, полученные в ходе определения цвета, были подвергнуты процедуре кластерного анализа.

Анализ красочных пигментов как массового материала (867 образцов) по различным параметрам (цвет и его гомогенность, внешний вид, структура, твердость) показал существенное различие между пигментами, которые использовались на памятниках. В частности, на Каменной Балке II наблюдается более светлая палитра цветов с большим количеством оттеночных включений, а образцы

имеют неправильную форму, тогда как пигменты Каповой пещеры представлены более темными гомогенными оттенками, образцы имеют подокруглую и подовальную форму.

Большая часть пигментов Каменной Балки II имеет крупнопесчаную структуру, тогда как в Каповой пещере чаще встречаются глинистые образцы. Можно предположить, что в Каповой пещере большая часть пигментов была приготовлена с добавлением суглинка и, соответственно, жидкости в нем, тогда как на Каменной Балке II использовалось практически природное сырье.

Также образцы из Каповой пещеры имеют меньшую твердость и оставляют яркую линию при проведении по бумаге, т.е. являются более пригодными для графической деятельности, чем образцы из Каменной Балки II. Полученные данные свидетельствуют о том, что в Каповой пещере только пятая часть пигментов не оставляет следа при проведении по бумаге, тогда как на Каменной Балке II этот показатель составляет почти 50%. При этом практически половина пигментов Каповой пещеры пригодны для создания четкого изображения, тогда как на Каменной Балке II для рисования пригодны лишь 24,2%. По всей видимости, такое различие между пигментами может быть объяснено функциональным применением пигментов: в большинстве своем символическим для Каповой пещеры и утилитарным для Каменной Балки II.

Анализ массового материала двух верхнепалеолитических памятников разного типа — пещеры с настенными изображениями и базовой открытой стоянки — показал существенное различие между пигментами, которые использовались на стоянках по цвету, структуре, твердости и форме. Результаты естественнонаучных анализов (РФА, ИСП-МС и т.д.) в совокупности с данными о пространственном распределении охры на памятниках позволяют глубже осветить проблему природы подобного различия между как пигментами, так и между памятниками и их отдельными участками, дают информацию о происхождении сырья.

В дальнейшем планируется завершение решения таких задач, как определение необходимого количества материала при отборе из крупных скоплений пигментов для релевантной характеристики или анализа степени измельченности и перемешивания пигмента в скоплениях/замазках и тому подобных объектах культурного слоя. Актуальной является проблема изучения вязкости красочной массы, в том числе, тех пигментов, с помощью которых создавались рисунки. Итоги исследования демонстрируют оправданность и обоснованность выбранного подхода к пигментам как к массовому материалу. Важным результатом стало и выявление серьезной значимости из-

учения комплекса мельчайших образцов (менее 5 мм) для получения релевантной картины использования красочных пигментов на памятнике.

Необходимо уточнить, что представленный выше методический подход посвящен комплексному археологическому и междисциплинарному анализу отдельно фиксируемых образцов пигментов из культурных слоев и объектов на поверхности пола пещер, но не из гомогенных скоплений (например, охристых прослоек в ямах, «замазок» из Костенок I/1, «кладиков» Каповой пещеры и т.п.) — методике системного изучения и анализа такого типа встречающихся скоплений пигментов будет посвящена отдельная публикация.

Заключение. Изучение пигментов требует на всех этапах полевой и лабораторной работы предельной внимательности и учета большого количества параметров. Накопление массива данных имеет перспективу исследования и сравнительного использования, только если данные представлены корректно и профессионально. Благодаря достаточно большому количеству исследований с применением как собственно археологических методов, включая планиграфический анализ и экспериментально-трасологический подход, так и естественнонаучных методов, достигнуты значительные результаты в области изучения красок — определения их состава и рецептуры, технологических операций, совершавшихся для их приготовления, происхождения сырья. Не менее важно и то, что в результате проведения полевых работ на палеолитических памятниках было накоплено большое количество материалов и наблюдений, которые нуждаются в анализе и обобщении с применением современных методов. При проведении раскопок на высоком методическом уровне стало возможным определение участков культурного слоя, где могла производиться работа по обработке охры, приготовлению и использованию пигментов.

Однако, характеризуя состояние исследований на сегодняшний день, невольно напрашивается вывод о фрагментарности имеющихся данных. Для различных участков памятников, памятников или групп памятников имеются многочисленные сведения, которые, тем не менее, не складываются в единую картину понимания использования пигментов в верхнем палеолите ни на одном из уровней изучения. Практически ни одно исследование не включает в себя полноценный анализ всего массива образцов минеральных пигментов с применением комплекса археологических и физико-химических методов даже в пределах одного памятника. Таким образом, подход к минеральным пигментам как к массовому источнику является

редким для археологической науки, однако только он способен дать ответы на поставленные проблемы об отличиях и сходствах в пигментах на различного типа памятниках (и их участках).

Многофакторное изучение красочных материалов демонстрирует большое разнообразие характеристик образцов как между различными уровнями залегания археологического материала и объектами в рамках одного памятника, так и между разными памятниками. Подобные системные различия открывают возможности для проведения сравнения, основанного на методах математической статистики. Однако использование такого подхода требует накопления статистически значимого и пригодного с точки зрения полевой методики фиксации количества образцов пигмента для получения релевантных данных. Следовательно, только изучение максимально доступного массива экземпляров (включая максимум мелких крупинок) охр из разных объектов культурного слоя, отдельных слоев и разных памятников дает возможность получить информацию, в том числе сравнительную, о культурном сходстве и различии в этой части стратегий жизнедеятельности верхнепалеолитических коллективов, включая выявление всех стадий производственной цепочки: от источников сырья до рецептуры приготовления и вариантов использования красочных пигментов.

Красочные пигменты необходимо изучать с привлечением специалистов естественнонаучного профиля — химиков, геологов, палеобиологов и т.д. При этом естественнонаучное видение результатов должно учитывать археологические итоги исследований, включая контекст, а не существовать изолированно. Естественнонаучные результаты нуждаются в осмыслении методами математической статистики, тщательного подхода к отбору репрезентативной выборки для применения этих методов.

С целью получения максимальной информации подобные сопоставления необходимо проводить не только в рамках одного памятника или между памятниками схожих типов. Деятельность, связанная с использованием красочных пигментов, осуществляемая палеолитическим человеком в подземных святилищах и на базовых стоянках, кратковременных охотничьих лагерях и т.д., может не только различаться. Есть все основания говорить, основываясь на имеющихся данных и полученных новых результатах, о бытовании частично схожих практик применения охры, например, в хозяйственно-бытовых целях в пещерах с палеолитической настенной живописью и, в свою очередь, в символических — на поселенческих памятниках. Всё это позволяет рассматривать пигменты как полно-

ценный (часто массовый) источник сведений о деятельности человека, наряду с каменной и костяной индустрией.

Ведущее значение имеет сугубо археологическое изучение пигментов (описание, сравнение и т.д.). Именно и только после него должны планироваться естественнонаучное изучение коллекции образцов, а после получения результатов — проводиться системный анализ данных, способный существенно расширить имеющиеся и вновь полученные археологические выводы.

Таким образом, наиболее важными элементами изучения верхнепалеолитических пигментов является массовость, репрезентативность, воспроизводимость результатов и полнота полученных сведений.

References

Cavallo G. et al. *Textural, Microstructural, and Compositional Characteristics of Fe-Based Geomaterials and Upper Paleolithic Ocher in the Lessini Mountains, North-east Italy: Implications for Provenance Studies* // *Geoarchaeology*. 2017. Vol. 32. N 4. P. 437–455.

Clottes J. *Paint Analyses from Several Magdalenian Caves in the Ariège Region of France* // *Journal of Archaeological Science*. 1993. Vol. 20. N 2. P. 223–235.

Couraud C. *Les pigments des grottes d'Arcy-sur-Cure (Yonne)* // *Gallia préhistoire*. 1991. Vol. 33. N 1. P. 17–52.

D'Errico F. et al. *The Technology of the Earliest European Cave Paintings: El Castillo Cave, Spain* // *Journal of Archaeological Science*. 2016. Vol. 70. P. 48–65.

Giryа E. Yu. *Sledы kak vid arkhеologicheskogo istochnika (konspekt neopublikovannykh lektsiy)* [Traces as a Type of Archaeological Source (Unpublished Lecture Notes)] // *Sledы v istorii* [Traces in History]. Saint Petersburg: IIMK, 2015. P. 232–268.

Hovers E. et al. *An Early Case of Color Symbolism: Ochre Use by Modern Humans in Qafzeh Cave* // *Current Anthropology*. 2003. Vol. 44. N 4. P. 491–522.

Kingery A. et al. *Analysis of Geological Ochre: Its Geochemistry, Use, and Exchange in the US Northern Great Plains* // *Open Journal of Archaeometry*. 2013. Vol. 1. N 1. P. 72–76.

Liritzis I., Zacharias N. *Portable XRF of Archaeological Artifacts: Current Research, Potentials and Limitations* // *X-Ray Fluorescence Spectrometry (XRF) in Geoarchaeology*. 2011. P. 109–142.

Moissan H. *Chimie analytique. Sur les matières colorantes des figures de la grotte de Font-de-Gaume* // *Compte rendu de l'Académie des Sciences*. 1902. P. 1539.

Moissan H. *Chimie analytique. Sur une matière colorantes des figures de la grotte de la Mouthé* // *Compte rendu de l'Académie des Sciences*. 1903. P. 144.

Pakhunov A.S. et al. *Analiz pigmentov "kladov okhry" iz Kapovoy peshchery* [Analysis of Pigments of "Ochre Treasures" from Kapova Cave] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkhеologii*. 2016. N 245-II. P. 240–253.

Pakhunov A.S., Gavrilov K.N., Yes'kova D.K. *Pigmenty iz kul'turnogo sloya stoyanki Khotylevo 2: predvaritel'nyye rezul'taty analiza sostava obraztsov* [Pigments from the Cultural Layer of the Khotylevo 2 Site: Preliminary Results of Analysis of the

- Composition of the Samples] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2021. N 265. P. 359–374.
- Pakhunov A.S., Lev S. Yu. *Kompleksnaya issledovatel'skaya fotos'yemka skul'ptury bizona s Zarayskoy stoyanki: predvaritel'nyye rezul'taty* [Comprehensive Research Photography of a Bison Sculpture from the Zaraisk Site: Preliminary Results] // *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 2015. N 241. P. 20–28.
- Pepe C. et al. *Le liant des peintures paléolithiques ariégeoises* // *Comptes rendus de l'Académie des Sciences. Sér. 2. Mécanique, Physique, Chimie, Sciences de l'univers, Sciences de la Terre*. 1991. Vol. 312. N 8. P. 929–934.
- Pradeau J.V. et al. *Les matières colorantes sur le site aurignacien de plein air de Régismont-le-Haut (Poilhes, Hérault): acquisition, transformations et utilisations* // *Bulletin de la Société préhistorique française*. 2014. P. 631–658.
- Rosso D.E., d'Errico F., Queffelec A. *Patterns of Change and Continuity in Ochre Use during the Late Middle Stone Age of the Horn of Africa: The Porc-Epic Cave Record* // *PLoS One*. 2017. Vol. 12. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0177298>
- Rosso D.E., Regert M., d'Errico F. *First Identification of an Evolving Middle Stone Age Ochre Culture at Porc-Epic Cave, Ethiopia* // *Scientific Reports*. 2023. Vol. 13. N 1/13261. — URL: <https://www.nature.com/articles/s41598-023-39957-y>
- Salomon H. *Les matières colorantes au début du Paléolithique supérieur: sources, transformations et fonctions*. Doctoral Thesis. Université Bordeaux 1, 2009.
- San Juan-Foucher C. *Étude typotechnologique, fonctionnelle et spatiale des matières colorantes du Bois-Ragot. Niveaux magdaléniens et aziliens* // *Mémoires de la Société préhistorique française*. 2005. Vol. 38. P. 261–274.
- Shchapova Yu.L. *Vvedeniye v veshchevedeniye: yestestvennonauchnyy podkhod k izucheniyu drevnikh veshchey* [Introduction to Material Science: A Natural Science Approach to the Study of Ancient Objects]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2000. 143 p.
- Statkus M.A., Abrdrashitova I.V., Anisovets Yu.D., Zhitenov V.S. *Krasochnyye pigmenty Kapovoy peshchery: klasterizatsiya obraztsov na baze dannykh mikrorentgenofluorescentnogo analiza (predvaritel'nyye rezul'taty)* [Colorful Pigments of Kapova Cave: Clustering of Samples Based on Micro-X-Ray Fluorescence Analysis Data (Preliminary Results)] // *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya – 2021. Materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem imeni professora V.V. Zaykova* [Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy – 2021. Proceedings of the 8th All-Russian Scientific Conference with International Participation Named after Professor V.V. Zaikov]. Miass; Chelyabinsk: Izdatel'stvo YuUrGGPU, 2021. P. 69.
- Stepanov K.N. *Orudiya iz galek i okrashennyye kamni pamyatnika pozdney pory verkhnego paleolita Yeliseyevichi 1 v sobranii Kunstkamery* [Pebble Tools and Painted Stones from the Late Upper Paleolithic Site Eliseevichi 1 in the Collection of the Kunstkamera] // *Camera praehistorica*. 2023. N 1 (10). P. 107–129.
- Velliky E.C., Porr M., Conard N.J. *Ochre and Pigment Use at Hohle Fels Cave: Results of the First Systematic Review of Ochre and Ochre-Related Artefacts from the Upper Palaeolithic in Germany* // *PLoS One*. 2018. Vol. 13. N 12. — URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0209874>
- Watts I. *The Pigments from Pinnacle Point Cave 13B, Western Cape, South Africa* // *Journal of Human Evolution*. 2010. Vol. 59. N 3–4. P. 392–411.

Watts I. *Red Ochre, Body Painting, and Language: Interpreting the Blombos Ochre* // *The Cradle of Language*. 2009. Vol. 2. P. 62–97.

Yanshina O.V., Zheltova M.N. *Ispol'zovaniye krasnykh krasok na verkhnepal-eoliticheskoy stoyanke Kostenki-1 (vtoroy kompleks, sloy I)* [The Use of Red Paints at the Upper Paleolithic Site of Kostenki-1 (2nd Complex, Layer I)] // *Universum Humanitarium*. 2018. N 1. P. 107–136.

Zhitenev V.S. *Cherep peshchernogo medvedya s narezkami i sledami okhry iz peshchery Sikiyaz-Tamak I (Yuzhnyy Ural)* [Skull of a Cave Bear with Cuts and Traces of Ocher from the Sikiyaz-Tamak I Cave (Southern Urals)] // *Sovremennyye problemy arkhologii Rossii. Materialy I (XVII) Vserossiyskogo arkhologicheskogo s"yezda* [Modern Problems of Archeology of Russia. Materials of the First (XVII) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1 / Ed. by A.P. Derevyanko, V.I. Molodin. Novosibirsk: Izdatel'stvo Instituta arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya RAN, 2006. P. 201–203.

Zhitenev V.S. *Kapova peshchera — paleoliticheskoye podzemnoye svyatilishche* [Kapova Cave: Paleolithic Underground Sanctuary]. Moscow: Indrik, 2018. 296 p.

Zhitenev V.S. *Verkhniy paleolit basseйна reki Ai (Yuzhnyy Ural): perspektivy issledovaniy* [Upper Paleolithic of the Ai River Basin (Southern Urals): Research Prospects] // *XVII Ural'skoye arkhologicheskoye soveshchaniye. Materialy nauchnoy konferentsii* [The 17th Ural Archaeological Meeting. Proceedings of the Scientific Conference] / Ed. by A. Ya. Trufanov. Yekaterinburg; Surgut: Magellan, 2007. P. 92–93.

Zolotarev V.M., Khlopachev G.A. *Issledovaniye sostava pigmentov na poverkhnosti zhenskoy statuetki s paleoliticheskoy stoyanki Kostenki 1 metodom infrakrasnoy spektroskopii otrazheniya* [A Study of the Composition of Pigments on the Surface of a Female Figurine from the Paleolithic Site of Kostenki 1 Using Infrared Reflectance Spectroscopy] // *Optika i spektroskopiya*. 2020. Vol. 128. N 5. P. 679–686.

Поступила в редакцию
20 апреля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-4-174-187

Л.Г. Окрошидзе

**НОВЫЕ ФАКТЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПЕРВОГО РУССКОГО РЕСТАВРАТОРА
А.Ф. МИТРОХИНА (1765–1845)**

L.G. Okroshidze

**NEW FACTS ABOUT THE LIFE AND WORK
OF THE FIRST RUSSIAN RESTORER
A.F. MITROKHIN (1765–1845)**

Аннотация. Проблема реставрации — одна из важнейших неотъемлемых составляющих процесса сохранения мирового культурного наследия. XIX век является знаковым в истории реставрационного дела. В это время из частной практики самоучек оно превратилось в настоящую научную дисциплину. С давних времен многие европейские страны сталкивались с проблемами сохранения культурного наследия, при этом везде они решались по-разному, в зависимости от местных художественных особенностей и накопленного опыта. Настоящая статья посвящена неизвестным ранее фактам из жизни и деятельности первого русского реставратора Андрея Филипповича Митрохина. Он родился и учился живописи в городе Торопец. Служил простым солдатом, затем по долгу службы попал в Санкт-Петербург, где вскоре был пожалован камердинером в Эрмитаж. Его карьера получила развитие при Франце Ивановиче Лабенском, который в 1797 г. вступил в должность главного хранителя картин эрмитажной галереи. Роль Митрохина для истории отечественной реставрации и, в частности, для Эрмитажа невозможно переоценить. Он не только реставрировал живописные произведения, воспитал нескольких учеников, но и самостоятельно занимался разработкой новых методов реставрации картин. С помощью освоения новых техник и методов механической рестав-

Окрошидзе Лия Гурамиевна, искусствовед, старший инспектор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Okroshidze Liya Guramievna, Art Historian, Senior inspector, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
vaudetar@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4685-7619

Выражаю благодарность за помощь в работе над статьей членам организационного комитета по подготовке и проведению празднования 950-летия первого летописного упоминания г. Торопца Тверской области А.К. Юренкову и Д.М. Данилову.

рации А.Ф. Митрохину и его ученикам удалось сохранить более тысячи живописных произведений из эрмитажной коллекции, многие из которых являются жемчужинами живописи. К сожалению, некоторые аспекты биографии Митрохина долгое время оставались вне поля зрения исследователей, в особенности это касается его жизни вне стен Эрмитажа. В данной работе рассмотрены вопросы о предполагаемой дате рождения мастера, его родственных и дружеских связях и др. Приводимые автором архивные данные позволяют по-новому взглянуть на персону реставратора Андрея Митрохина, а также проливают свет на некоторые социально-культурные аспекты того времени.

Ключевые слова: Эрмитаж, реставрация живописи, г. Торопец, адмирал Г.Г. Кушелев, Большеохтинское кладбище.

Abstract. Restoration is one of the most important areas in preserving the world's cultural heritage. The 19th century is a landmark in the history of restoration. At that time, it turned from a private practice of self-taught artists into a real scientifically based discipline. Many European countries have faced the problems of cultural heritage preservation, and everywhere they were solved in different ways, depending on local peculiarities and experience. This article deals with previously unknown facts from the life and activity of the first Russian restorer Andrei Filippovich Mitrokhin, who was born and studied painting in the town of Toropets. He served as a simple soldier, then on duty he ended up in Saint Petersburg, where he was soon granted a valet at the Hermitage. His career developed under Franz Ivanovich Labensky, who assumed the position of chief curator of paintings in the Hermitage Gallery in 1797. Mitrokhin's role in the history of Russian restoration and, in particular, the Hermitage cannot be overestimated. He not only restored paintings and trained several apprentices, but also worked independently on the development of new methods of restoring paintings. By mastering new techniques and methods of mechanical restoration, Mitrokhin and his students managed to preserve more than a thousand paintings from the Hermitage collection, many of which are painting masterpieces. Unfortunately, some aspects of Mitrokhin's biography, especially his life outside the Hermitage, have long been overlooked by scholars. This paper examines the problem of his alleged date of birth, family and friendship ties, etc. The archival data cited by the author allow us to take a fresh look at Mitrokhin as a restorer, and also shed light on some socio-cultural aspects of his time.

Keywords: Hermitage, restoration of painting, Toropets, Admiral G.G. Kushelov, Bolsheokhtinsky cemetery.

* * *

Как и в живописи, в реставрационном деле в России изначально преобладали иностранные мастера. Однако ситуация постепенно меняется, и уже в начале XIX в. искусство механической реставрации освоили отечественные специалисты. Первый русский реставратор Андрей Филиппович Митрохин родился и учился живописи в городе Торопец. На первый взгляд — обычный древний город средней полосы России, но изучая его внимательнее, мы начинаем понимать,

что он обладает гораздо более примечательным потенциалом, нежели может показаться на первый взгляд. И тем печальнее, что он практически неизвестен.

История города уходит корнями в XI в., что делает Торопец одним из древнейших городов Тверской области. Торопец вел активную торговлю и развивался быстрее соседей. Уже к XIX в. в городе было не менее 15 каменных храмов — довольно внушительное число для такого небольшого города.

В Торопце родились люди, внесшие значительный вклад в историю страны. Среди уроженцев города можно встретить фамилии Мусоргского, Боткиных. Есть среди них и Андрей Филиппович Митрохин, о котором известно сравнительно немного. Он родился в 1765 г.¹, нес военную службу, прежде чем до конца своих дней связать судьбу с Эрмитажем. Известно, что еще в юности будущий реставратор учился живописи у местного художника Гаврилы Лохова, который и передал ему все азы живописного мастерства².

Роль Митрохина для истории отечественной реставрации и для Эрмитажа, в частности, невозможно переоценить. Он не только реставрировал живописные произведения из коллекции Эрмитажа, но и самостоятельно занимался разработкой новых методов реставрации картин, таких как «паркетаж». Он также разработал и внедрил в практику реставрации использование медово-осетрового клея в качестве связующего вещества. С помощью освоения новых техник и методов механической реставрации А.Ф. Митрохину и его ученикам удалось сохранить более тысячи живописных произведений из коллекции Эрмитажа, многие из которых являются жемчужинами живописи: «Поклонение волхвов» Гуго ван дер Гуса, «Отцелюбие римлянки» Рубенса, «Мадонна Альба» Рафаэля.

Деятельность А.Ф. Митрохина в Эрмитаже известна благодаря дошедшим до нашего времени документам, письмам и рапортам, а вот о его личной жизни сохранились лишь самые скудные сведения.

Начиная изучать творчество А.Ф. Митрохина, необходимо понимать, что многие эпизоды его биографии какое-то время нам еще будут недоступны. Но привнося в эту тему новые знания, мы надеемся, что в дальнейшем нам удастся обогатить ее еще больше.

Есть несколько знаковых публикаций, в которых мы можем найти достоверное и относительно полное описание жизни Андрея

¹ В публикациях, посвященных деятельности Митрохина, встречаются две версии года его рождения — 1765 и 1766. Мы будем ориентироваться на 1765 г., и в настоящей статье дадим обоснование этой версии.

² *Кукольник Н.В.* Андрей Филиппович Митрохин // Иллюстрация: Еженедельное издание всего полезного и изящного. 1846. Т. 2. № 14. С. 220.

Филипповича. Первой в этом ряду можно считать заметку-некролог³, которая была опубликована Нестором Кукольником в 1846 г. в журнале «Иллюстрация» спустя несколько месяцев после смерти реставратора.

Нестор Кукольник был не только автором статьи, но и сам выпускал этот журнал и был главным его редактором с 1845 по 1847 г. Тематика журнала раскрывается в полном его названии: «Иллюстрация. Еженедельное издание всего полезного и изящного». Здесь находилось место и поэзии, и заметкам об искусстве, истории и литературе. Кукольник был очень близок к художественной среде, дружен с художниками⁴, композиторами, литераторами. Из текста заметки становится очевидно, что он был лично знаком с А.Ф. Митрохиным и понимал, насколько важен его труд для сохранения наследия, более того, сам «был свидетелем реставрации одной картины Рафаэля»⁵.

Н.В. Кукольник начинает текст довольно пространно и отвлеченно, обращается к вопросам живописи, к роли реставрации. По его мнению, значение реставрации крайне недооценивают, и напрасно, ведь мастера совсем «не думают, что долговечность их картин зависит от благорасположения стихий, от презренного цыгарочного дыма и вообще от самой невежественной случайности»⁶. Автор также немного говорит об истории европейской реставрации, акцентируя внимание на том, что «реставрация картин принадлежит новейшему времени и, кажется, можно положительно сказать, что этим художественным ремеслом первоначально стали заниматься в Венеции, где, по приморскому положению города, влияние стихий на картины раньше других мест обнаружило необходимость средств к очищению и восстановлению картин»⁷. С гордостью Кукольник переходит к разговору об истории реставрации в России. По его мнению, у нас также совершались «подвиги», но мы вели себя скромнее, и громкой славы ни одна реставрационная удача в России не получала.

Непосредственно А.Ф. Митрохину в статье посвящена лишь одна страница. Автор перечисляет основные факты из жизни реставратора. Важно, что Кукольник называет и картины, которые

³ Там же. С. 219-220.

⁴ Стоит вспомнить знаменитый портрет Нестора Кукольника из коллекции Государственной Третьяковской галереи, который был написан Карлом Брюлловым в 1836 г.

⁵ *Кукольник Н.В.* Указ. соч. С. 220.

⁶ Там же. С. 219.

⁷ Там же.

А.Ф. Митрохину довелось реставрировать. Автор некролога неоднократно говорит о скромности нашего героя: «... но Митрохин не заботился о славе; он любил искусство, спасал погибающие произведения по чистому побуждению и зная, что его личных сил не достанет для всего, заботился, чтобы его скромное, но полезное искусство оставалось в руках достойных учеников...»⁸. С горьким сожалением он говорит о том, что, пока по всей Европе гремела слава реставратора Гаккинса, Митрохина вовсе никто не заметил. Сейчас, однако, мы можем с уверенностью сказать, что имя реставратора не забыто и уже никогда не будет предано забвению.

Но самым примечательным в этой публикации является портрет А.Ф. Митрохина, помещенный в центре страницы (рис. 1). Образ скромного труженика трогает душу, и, безусловно, прекрасно дополняет текст.

Рис. 1. Андрей Филиппович Митрохин
(Кукольник Н.В. Андрей Филиппович Митрохин //
Иллюстрация: Еженедельное издание всего полезного
и изящного. 1846. Т. 2. № 14. С. 220)

Мы попытались выяснить, кто мог выполнить этот портретный образ. Известно, что с журналом «Иллюстрация» сотрудничали два

⁸ Кукольник Н.В. Указ. соч. С. 220.

художника, которые и создавали весь иллюстративный материал, появляющийся на его страницах, — Евстафий Ефимович Бернадский и Александр Алексеевич Агин, имена которых неоднократно фигурируют в журнале⁹. Как отмечал искусствовед Г.Ю. Стернин: «Редакция считала Агина одним из “постоянных рисовальщиков” журнала»¹⁰.

Агин и Бернадский работали вместе — первый создавал рисунки, второй же исполнял по ним гравюры. Портрет А.Ф. Митрохина был исполнен в той же стилистической манере, что и остальные рисунки Агина, которые также напоминают его персонажей к «Мертвым душам» (рис. 2) Н.В. Гоголя¹¹.

Рис. 2. Ноздрев. Художник А.А. Агин, гравёр Е.Е. Бернадский (Стернин Г.Ю. Александр Алексеевич Агин, 1817–1875. М., 1955. С. 65)

⁹ Библиография // Иллюстрация: Еженедельное издание всего полезного и изящного. 1846. Т. 2. № 4. С. 59.

¹⁰ Стернин Г.Ю. Александр Алексеевич Агин, 1817–1875. М., 1955. С. 111.

¹¹ Сто четыре рисунка к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» / Рис. А. Агин. Грав. Бернадский. Предисл. Николай Лесков. СПб., 1892. С. 3.

Мастера-современники А.Ф. Митрохина, очевидно, были знакомы с ним лично. Образ реставратора мог быть написан с натуры еще при его жизни, поэтому так выразителен и индивидуален.

Следующая публикация, посвященная А.Ф. Митрохину, появится только спустя 70 лет и будет называться «Ресторатор 9-го класса Андрей Митрохин»¹². Ее автор — сотрудник Эрмитажа С.А. Гамалов-Чураев, специализировавшийся на «исследовании античных и средневековых монет»¹³.

Его труд — наиболее подробное исследование, посвященное жизни и деятельности Андрея Митрохина. Это связано с тем, что его автор в годы написания статьи заведовал библиотекой музея и имел доступ к архивным материалам Эрмитажа. Даже на сегодняшний день работу Гамалова-Чураева можно считать основополагающей.

Исследуя деятельность А.Ф. Митрохина, автор указывает, что реставрационная практика существовала и до него, что были не только иностранные мастера, однако «о реставрационной деятельности при Эрмитаже художника П. Шинбарева, служившего до 1796 г. в Академии Художеств и, по Русскому Биографическому Словарю, состоявшего реставратором в Эрмитаже, мне нигде не удалось найти данных, подтверждающих этот факт»¹⁴.

Крайне важна информация о том, что «с 19 сентября 1812 г. по 1 июня 1813 г.»¹⁵ Митрохин совместно с лакеем Трифоновым сопровождал картины и прочие ценные вещи из собрания Эрмитажа, дабы спасти их во время войны 1812 г.¹⁶ Однако этот факт подробно не рассматривается и на данный момент более не изучался.

В статье также упоминаются всевозможные рапорты и письма, связанные с деятельностью А.Ф. Митрохина и реставрационной школы Эрмитажа. Тем не менее, здесь есть существенный недостаток — все упоминания документов оставлены в тексте без библиографических ссылок.

Несмотря на этот значительный недочет, интересно описывается карьера А.Ф. Митрохина в Эрмитаже, подробно говорится о его деятельности, о его успехах и работах, которые он реставрировал. Также внимание уделено учреждению первой школы реставрации

¹² Гамалов-Чураев С.А. Ресторатор 9-го класса Андрей Митрохин // Старые годы. 1916. Апрель–июнь. С. 51–66.

¹³ Гамалов-Чураев Степан Артемьевич. — URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1710-gamalov-churayev-stepan-artem-yevich.html> (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁴ Гамалов-Чураев С.А. Указ. соч. С. 52.

¹⁵ Там же. С. 54.

¹⁶ Там же.

при Эрмитаже и определению воспитанников Академии художеств для обучения азам технической реставрации.

Впервые мы встречаем такой подробный материал, который позволяет представить масштабы деятельности А.Ф. Митрохина и его учеников, весь объем работ, которые они выполнили за время существования школы. Также здесь приводится информация и о последних годах жизни А.Ф. Митрохина, которые мы в дальнейшем опишем в статье, представив вновь обнаруженные документальные свидетельства.

Следует также упомянуть еще одну публикацию — «Реставрация станковой масляной живописи в России»¹⁷ А.Б. Алешина, это обширная монография, посвященная истории реставрации в России с самых первых ее опытов и до настоящего времени. Автор оценивает особый вклад А.Ф. Митрохина по части технической реставрации, а также его работу в качестве наставника школы реставрации. Примечательно, но в качестве даты рождения А.Ф. Митрохина здесь дается 1766 г.¹⁸, в остальных же моментах автор опирается на статью С.А. Гамалова-Чураева.

Впервые обратившись к творчеству А.Ф. Митрохина, мы смогли обнаружить новые данные о нем, помимо уже известных фактов.

В биографии Андрея Филипповича Митрохина неоднократно встречается информация о том, что в юности он учился живописи у торопецкого художника Гаврилы Лохова¹⁹, но с искусством связал свою жизнь не сразу — вначале он нес военную службу, после поступил в ведомство Конюшенной команды, затем был придворным лакеем в «живописной команде» и лишь в 1801 г. был принят в Эрмитаж в качестве реставратора²⁰. О карьере Митрохина как живописца нет практически никаких свидетельств, кроме того, что в самом конце XVIII в. он написал портрет Павла I²¹. В монографии А.Б. Алешина также говорится о том, что А.Ф. Митрохин создал портрет Г.А. Кушелева, копия которого, написанная художником Адриановым, хранится в Эрмитаже²². Нередко портреты императоров художники создавали уже по имеющимся живописным образцам, но портрет кисти А.Ф. Митрохина представляется нам написанным

¹⁷ Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи в России: развитие принципов и методов. Ленинград, 1989.

¹⁸ Там же. С. 44.

¹⁹ Кукольник Н.В. Указ. соч. С. 220.

²⁰ Алешин А.Б. Указ. соч. С.46.

²¹ А.Ф. Митрохин Портрет императора Павла I (1754–1801), 1797 г. ЭРЖ-3012. Государственный Эрмитаж.

²² Алешин А.Б. Указ. соч. С. 46.

с натуры, несмотря на сходство с образом, созданным французским мастером Жаном-Луи Вуалем. Но возникает вопрос: как государь мог доверить писать свой образ лакею из живописной команды, который не так давно был простым солдатом?

Здесь стоит обратиться к семье А.Ф. Митрохина. Как отмечается в некоторых исследованиях, брат А.Ф. Митрохина, Илья Филиппович Митрохин, был доверенным лицом адмирала Григория Кушелева²³ — представителя древнего рода Торопецкой земли, но обоснований этому не дается. Обратившись к письмам адмирала, мы обнаруживаем свидетельства, подтверждающие факт общения брата А.Ф. Митрохина и Г.Г. Кушелева. В одном из писем Г.Г. Кушелева к своему сыну он пишет следующее: «Я к тебе писал из Марева, чтобы ты ко мне прислал Гос. Митрохина Филипповича, ибо у меня нет человека, а там мне нельзя будет быть без онаго»²⁴. Очевидно, что в тексте речь идет именно про брата реставратора.

А кроме того, адмирал Кушелев был знаком с учителем Андрея Митрохина, Гаврилой Лоховым, о чем мы можем узнать из переписки адмирала с женой. В одном из писем Г.Г. Кушелев сообщает, что приехал в Торопец в субботу вечером и ночевал у Гаврилы Лохова²⁵. Получив такого рода косвенные подтверждения, мы можем предположить, что адмирал Г.Г. Кушелев, руководивший флотом при Павле и имевший возможность свободного общения с императором, вероятно, мог порекомендовать ему талантливого художника Андрея Митрохина, который уже служил к тому моменту при дворе, для написания портрета.

Еще одно подтверждение, свидетельствующее о благосклонности и связи императора с Торопцом, скрывается в заметках настоятеля Корсунско-Богородицкого собора, который весьма детально описывает все вехи его истории. Так, например, он упоминает письмо, в котором жители Торопца обратились к императору Павлу за помощью в восстановлении соборной церкви. Но особо ценно для нас примечание, в котором говорится о том, что прошение это было послано не на имя императора, а «через какого-то Григорья Григорьевича, жившего в то время в СПб»²⁶. По всей вероятности, единственным Григорием Григорьевичем, через которого торопчане

²³ Никитин В. Андрей Филиппович Митрохин. — URL: https://ticshen.narod.ru/Hud_Mitrohin.html (дата обращения 15.02.2023).

²⁴ Кушелев Г.Г. Письма графа Г.Г. Кушелева к сыну Александру (1812–1826). Чернигов, 1900. С. 22.

²⁵ РГИА. Ф. 971. Оп. 1. Д. 153.

²⁶ Щукин В.Д. Корсунско-Богородицкий собор в городе Торопце Псковской епархии: заметки настоятеля собора, священника Владимира Дмитриевича Щукина. СПб., 1894. С. 13.

могли передать письмо императору, был не кто иной, как адмирал Кушелев.

Деятельность А.Ф. Митрохина уже непосредственно в Эрмитаже известна достаточно хорошо, о чем можно судить по вышеупомянутым публикациям, и снова обращаться к описанию всех уже известных фактов нам кажется нецелесообразным. Но есть некоторые биографические свидетельства о жизни А.Ф. Митрохина, обнаруженные нами, которые будут представлены впервые.

Мы уже говорили о том, что, скорее всего, своему положению Андрей Митрохин был во многом обязан своему брату Илье. Очевидно, крепкие братские узы были у Митрохиных на протяжении всей их жизни. В попытках узнать о жизни и судьбе брата мы обратились ко множеству документов и свидетельств.

В Санкт-Петербургских ведомостях за 1831 г. содержится информация о том, что «От... Ресторатора живописи 9-го класса Андрея Митрохина 50 р.»²⁷ было внесено в качестве пожертвования в пользу «приемного дома для одержимых Холерою и неимущих». Из этого может следовать, что Илья Филиппович Митрохин заболел холерой во время эпидемии, которая свирепствовала в Петербурге²⁸.

В издании «Петербургский некрополь» удалось найти следующую запись: «Митрохин, Илья Филиппович † 3 июля 1831 (Упраздненное холерное кладбище на Куликовом пол)»²⁹, что объясняет пожертвование А.Ф. Митрохина в пользу «приемного дома». Это захоронение было произведено практически в первые дни существования кладбища, так как возникло оно как раз в июле 1831 г.³⁰

Спустя незначительное время в нескольких газетах начинают появляться следующие сообщения: «С. Петербургского Надворного Суда от 3-го Департамента объявляется, чтобы умершего служившего в Лубенском Гусарском полку унтер-Офицера Ильи Филипова сына Митрохина наследники, буде имеются, кроме объявившего уже себя родного брата его 9-го класса Андрея Митрохина, явились в сей Департамент с ясными и законными о родстве умершему доказательствами для получения оставшегося после его капитала, заключающе-

²⁷ Продолжение приношений в пользу особо учрежденного в 1-й Адмиралтейской части приемного дома для одержимых Холерою и неимущих // С.-Петербургские Ведомости. 1831. 17 июля. С. 691.

²⁸ *Ховен И.Р.* Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году (Рассказ современника и очевидца) // Русская старина. 1884. Т. 44 С. 391.

²⁹ *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. Т. 1–4 / Изд. вел. кн. Николай Михайлович. Т. 3. СПб., 1913. С. 137.

³⁰ *Кобак А.В., Пирютко Ю.М.* Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009. С. 705.

гося в билете Государственной Коммисии погашения долгов 2.500 р. в годовой срок»³¹.

С братом А.Ф. Митрохина может быть связана еще одна примечательная история. С.А. Гамалов-Чураев отмечает, что в последние годы жизни А.Ф. Митрохин, уже ослабленный болезнями, писал главному хранителю картин эрмитажной галереи Ф.И. Лабенскому с просьбой приобрести у него картины: «Уже с давнего времени приобретены мною три картины известных мастеров: одна произведение Николая Пуссена, изображающая Моисея в младенчестве, вторая — работы Петра Картона, представляющая примирение Иакова с Лаваном, и последняя — Тициана, изображающая Диану. Картины эти некогда принадлежали Орлеанской галереи в Париже»³².

Обратившись к биографии Ильи Филипповича, мы видим, что он служил в Лубенском полку, который участвовал в Отечественной войне 1812 г. Вполне вероятно, что работы, о которых упоминает Андрей Филиппович, были куплены им у кого-то из сослуживцев его брата, которые могли привезти работы после заграничных походов.

Также бытует версия о том, что еще в самом начале своей карьеры в Эрмитаже А.Ф. Митрохин мог сопровождать императора Александра I в Париж³³, и приобретение этих живописных полотен могло произойти именно во время этой поездки. К сожалению, фактов, которые могли бы подтвердить ту или иную гипотезу, у нас пока нет.

Письма с предложениями о покупке картин А.Ф. Митрохиным Ф.И. Лабенскому датируются 1841 г., и это были одни из последних писем реставратора. 9 октября 1845 г. с А.Ф. Митрохиным случился удар и, как пишет Гамалов-Чураев, на утро следующего дня он скончался³⁴. Каких-либо еще свидетельств о кончине первого русского реставратора в литературе не встречается.

Попытки выяснить место захоронения Андрея Филипповича снова заставляют нас обратиться к его биографии. Известно, что А.Ф. Митрохин жил в квартире при Эрмитаже, из чего следует, что после смерти его должны были отпевать в одной из ближайших церквей. Среди таковых находились: домовая церковь Зимнего дворца, домовая церковь Георгия Победоносца в бывшем здании Генерального Штаба, а также церковь Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади (рис. 3). Из всех вариантов более подходящим

³¹ Казенные известия // Прибавления к Санктпетербургским ведомостям. 1832. 17 март. С. 637.

³² Гамалов-Чураев С.А. Реставратор 9-го класса Андрей Митрохин // Старые годы. 1916. Апрель–июнь. С. 64.

³³ Там же. С. 55.

³⁴ Там же. С. 66.

представляется последний, ведь в 1792 г. 23 апреля Митрохин «поступил в ведомство Конюшенной команды стряпчим конюхом»³⁵.

Рис. 3. Церковь Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади.
Фото А.К. Юренкова

Чтобы найти доказательства, необходимо обратиться к церковным метрическим книгам. В книге церкви Спаса Нерукотворного образа на Конюшенной площади за 1845 г. обнаруживается запись, из которой следует, что служивший при Императорском Эрмитаже ресторатор 9-го класса Андрей Филиппович Митрохин умер 10 октября от апоплексического удара на 81-м году жизни. Отпевание проводил протоиерей Гаврил Филиппович Полянский, а похоронен реставратор был 12 числа того же месяца на кладбище Большой Охты, погребением же его занималось духовенство Зимнего дворца³⁶. Информация о том, что А.Ф. Митрохин ушел из жизни на 81 году, позволяет сделать вывод, что он родился не в 1766 г., а в 1765 г. или даже в 1764 г.

Указывая на месторасположение погребения, церковная метрическая книга позволяет перейти к архивным документам Большоох-

³⁵ Там же. С. 55.

³⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1801. Оп. 1. Д. 204. Л. 89об.

тинского кладбища. В первую очередь нас будут интересовать «Ведомости церкви Св. Георгия Победоносца об умерших, погребенных на Большеохтинском (Георгиевском) кладбище», где также может обнаружиться запись о погребении реставратора. Здесь запись датируется 12 октября 1845 г.³⁷ К сожалению, во многом эта информация дублирует запись церковной метрической книги и не открывает никаких новых фактов, которые могли бы помочь с обнаружением могилы А.Ф. Митрохина.

Продолжая поиски, мы обращаемся к «Книге для записи вкладов» Большеохтинского кладбища, где сделана запись о том, что в день погребения за катафалк 1-го разряда было уплачено 5 руб. серебром и за могилу 4 разряда — 20 руб. серебром³⁸. Важным здесь также является и отсутствие некоторых данных: пункты, отведенные под вклады за установку памятника, креста и т.п., остались незаполненными, и общая сумма свидетельствует, что больше никакие услуги оплачены не были. Это говорит о том, что могилу А.Ф. Митрохина найти вряд ли удастся, так как ни за ограду, ни за памятник деньги не вносились, а бесплатно в то время можно было установить на могиле лишь деревянный крест³⁹. Учитывая изложенные факты, перезахоронения и все изменения, которые происходили на кладбище в течение столетий⁴⁰, попытки найти могилу А.Ф. Митрохина представляются весьма утопичными.

Важно, однако, также учитывать, что А.Ф. Митрохин был захоронен не на самом дешевом участке кладбища. Всего существовало 7 разрядов — от первого, самого значимого и наиболее приближенного к церкви, до седьмого — самого дешевого и наиболее удаленного от кладбищенской церкви⁴¹.

Чин 9-го класса А.Ф. Митрохина и его заслуги позволили оплатить участок 4-го разряда, тем не менее, о персоне реставратора очень быстро забыли, и, как правильно отметил Н. Кукольник: «Его и не заметили»⁴². Не было и памятника, который являлся бы неким ориентиром для всех последующих поколений, свидетельствующим о том, что на том месте покоится первый русский реставратор.

³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 641. Оп. 1. Д. 15. Л. 222.

³⁸ Там же. Д. 16. Л. 71об.

³⁹ Соколова А.Д. Городская похоронная культура в идеологии и практиках довоенного СССР: историко-антропологический анализ. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2021. С. 65.

⁴⁰ Кобак А.В., Пирютко Ю.М. Исторические кладбища Санкт-Петербурга. М., 2009. С. 726.

⁴¹ Соколова А.Д. Указ. соч. С. 65.

⁴² Кукольник Н.В. Указ. соч. С. 220.

Несмотря на отсутствие данных, мы можем очертить вероятный возможный участок захоронения. Обратившись к плану Большеохтинского кладбища⁴³ 1904 г., можно увидеть все участки 4-го разряда, также надо учитывать, что на карте некоторые фрагменты помечены как всё еще свободные от захоронений, что помогает сузить круг поисков и сосредоточить внимание на территории центральных аллей.

Настоящее исследование нельзя назвать завершённым, так как каждый последующий документ позволяет открывать всё новые факты, над которыми идет работа в настоящий момент, и которые еще требуют существенных обоснований и доказательств. Тем не менее, все приведенные в настоящей статье новые сведения являются скромной попыткой сделать фигуру Андрея Митрохина в истории русского искусства более заметной и значимой.

References

Aleshin A.B. *Restavratsiya stankovoy maslyanoy zhivopisi v Rossii: razvitiye printsipov i metodov* [Restoration of Easel Oil Painting in Russia: Development of Principles and Methods]. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1989. 158 p.

Gamalov-Churayev S.A. *Restorator 9-go klassa Andrey Mitrokhin* [The Ninth-Class Restorer Andrei Mitrokhin] // *Staryye gody*. 1916. April–June. P. 51–66.

Gamalov-Churayev Stepan Artem'yevich. — URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/histschool/1710-gamalov-churayev-stepan-artem-yevich.html>

Kobak A.V., Piryutko Yu.M. *Istoricheskiye kladbishcha Sankt-Peterburga* [Historical Cemeteries of Saint Petersburg]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009. 797 p.

Kukol'nik N.V. *Andrei Filippovich Mitrokhin // Illyustratsiya. Yezhenedel'noye izdaniye vsego poleznogo i izyashchnogo*. 1846. Vol. 2. N 14. P. 219–220.

Nikitin V. *Andrei Filippovich Mitrokhin*. — URL: https://ticshen.narod.ru/Hud_Mitrohin.html

Saitov V.I. *Peterburgskiy nekropol'* [Petersburg's Necropolis]. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1913. 715 p.

Sokolova A.D. *Gorodskaya pokhoronnaya kul'tura v ideologii i praktikakh dovoyennogo SSSR: istoriko-antropologicheskij analiz: dis. ... doktora istoricheskikh nauk* [Urban Funeral Culture in the Ideology and Practices of the Pre-War USSR: Historical and Anthropological Analysis: Doctor in History Diss.]. Moscow: IEA RAN, 2021. 439 p.

Sternin G. Yu. *Aleksandr Alekseyevich Agin, 1817–1875*. Moscow: Iskusstvo, 1955. 152 p.

Поступила в редакцию
10 марта 2023 г.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 800. Оп. 1. Д. 6.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСОВ Николай Сергеевич** — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **РОГУЛЕВ Юрий Николаевич** — кандидат исторических наук; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук; **ФУНК Дмитрий Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 09.12.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 11,75. Уч.-изд. л. 10,93. Тираж 120 экз. Изд. № 12309. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru